

на боевом посту

БП

7'91

ЖУРНАЛ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

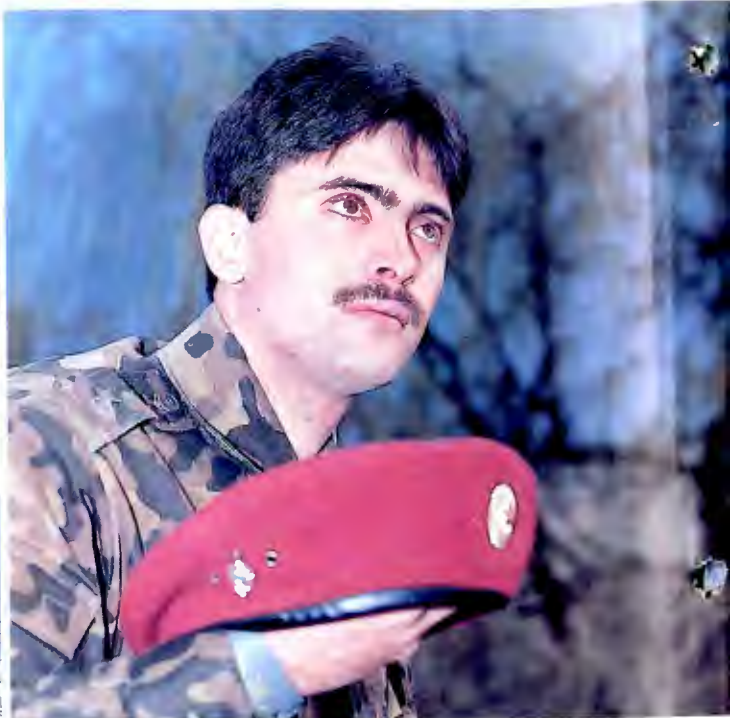
346

Несмолкающие бои Закавказья

Крестные отцы ГУЛАГа

А. Безуглов. Тайна яхты «Элезия»

на боевом посту **БП**

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

7'91

Издается с 1958 г.

Учредитель — **МВД СССР**

Главный редактор
А. Г. ГОРЛОВ.

Редакционная
коллегия:

В. В. АФАНАСЬЕВ,
Б. Р. БОРУКАЕВ,
В. И. БУСЫГИН
(ответственный секретарь),
В. П. ВОРОЖЦОВ,
Ю. В. ДУРНЕВ,
Э. В. КАЛАЧЕВ,
И. Т. КОЗЛОВ,
В. Ф. КУЗЬМЕНКО,
Н. П. КУЗЬМИН,
В. В. МУРАТОВ,
Е. А. НЕЧАЕВ,
Л. А. ПАНКРАТОВ,
Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,
Н. Н. ПРОКОПЕНКО,
Ю. Л. РАЖЕВ
(зам. главного редактора),
Л. Л. СМИРНОВ,
П. А. СТУДЕНИКИН,
В. Н. УСКОВ
(зам. главного редактора),
В. С. ФРОЛОВ,
В. И. ЯКУБОВСКИЙ.

■ НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ
ОБЛОЖКИ: "праздничный"
набор.

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

„АФГАНЦЫ! ДЕРЖАТЬСЯ ВМЕСТЕ!“

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

Недавно в городе-герое Минске произошло важное событие —

II Всесоюзный слет сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск МВД СССР, выполнявших интернациональный долг в Республике Афганистан.

НА СНИМКАХ: торжественный пуск троллейбуса "Память" — в нем установлена копилка для сбора денег на строительство памятника "афганцам" в Минске; камень на месте закладки памятника; майор Н. Метлицкий — командир учебной роты специального назначения, в Афганистане — командир взвода разведки отдельного десантно-штурмового батальона.

БЛОКАДА

“Кому-то надо или не надо держать оборону? — веско заметил Валентин Распутин. — Против чужого врага стояли и выстояли; свой враг, как и свой вор, пострашнее...” Верно. Вот только слова этого — враг — мы стыдливо избегаем. Дабы не вешать позорный ярлык супостата на соотечественника, не бросать тень на державу. Куда уж больше?! А кто же он, боевик, убийца, мародер, для молодого парня в войсковом камуфляже, жизнью рискующего, чтобы вырвать у него оружие, нацеленное на женщин, детей, стариков? Враг — однозначно! И блокада, в которой оказались далекие от политических интриг мирные жители Южной Осетии, — дело рук этого врага. Защищая от него ни в чем не повинных людей, долгими месяцами держат упорную оборону внутренние войска.

Фото О.СМИРНОВА.

ПОДРУЖКИ

ФОТО Р.РЯЗАНОВА.

СОДЕРЖАНИЕ

В ОСОБОМ РАЙОНЕ

КАРПОВ Б. Азербайджан — Армения: стреляющая граница 2

ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

БОЛДИН И. Рывок... в никуда (хроника неудавшегося побега) 31
ЯГОДИН А. Заклание 36
СОКОЛОВ В. «Социальная защита укрепляется» 38
Письма читателей 41
АФАНАСЬЕВ В. Фугасы под престиж службы (размышления над редакционной почтой) 43
БУБЕНЧИКОВ Ф. «В 82-м в Афганистан мы не вошли» 48

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

УСКОВ В. Женщинам далеких гарнизонов (стихи) 8
МАМОНТОВ В., МЕЛЬНИКОВ В. Стихи 8
ПИКУЛЬ В. «Барбаросса» (роман-размышление, продолжение) 10
БОГДАНОВИЧ А. Стихи 65
БЕЗУГЛОВ А. Тайна яхты «Элегия» (отрывки из романа) 67

ПУБЛИЦИСТИКА

МАТОСОВ В. Дефицит совести, или Ошельмованная армия (заметки писателя) 52
КУЗЬМИН С. Крестные отцы ГУЛАГа 59

КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

ГЛАДКОВ М. Ушу — искусство и оружие 87
АЖАЖА В. НЛО: загадка XX века 90
СЕВОДНЯЕВ В. Пряником и... хлыстом (о жизни собачьей: советы специалиста) 92
Конкурс войсковых всезнаек 93
Сапоги всмятку (юмор, сатира) 94
Клуб знакомств «Возможна встреча» 96

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

■ На карабахском изломе смертью героя погиб лейтенант внутренних войск Олег Бабак. На месте того страшного боя с его участниками встретился наш специальный корреспондент.

■ Статью Владимира Литова о том, как оценивает он внешнюю политику нашего государства, как относится к наступающей «эре нового мирового порядка», о которой заявляет Дж. Буш.

■ Окончание романа-размышления Валентина Пикюля «Барбаросса», где речь идет об исторической битве под Сталинградом, и не только об этом.

Журнал

зарегистрирован
в Госкомпечати СССР
25 сентября 1990 года
под № 241

ATTENTION FOREIGN READERS!

East View Publications
handles:
o subscriptions
o back issues
o advertising
for *Na boevom postu*.

For further details,
please contact us at:

EAST VIEW PUBLICATIONS,
12215 North 28th Place,
Minneapolis, MN 55441 USA
voice: (612) 550-0961
fax: (612) 559-2931

Адрес редакции:
111250, Москва, Е-250.

Телефоны:
секретариата — 361-82-57.

Отделов:
войсковой жизни — 361-85-23, социально-политических проблем — 361-82-87, военного очерка и публицистики — 361-86-27, литературы и критики — 361-85-28, культуры и массовой работы — 361-89-39, издательства и рекламы (вопросы подписки) — 361-80-97, художественного оформления — 361-85-21, литературных приложений — 361-85-52, бухгалтерии — 361-85-80.

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы материалов.

Сдано в набор 5.05.91 г.
Формат бумаги 70x108¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 13. Тираж 115000 экз.

Заказ № 1671

Подписано к печати 31.07.91 г.
Усл. печ. л. 8,4+вкл. 1/4 п. л.
Цена 80 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.

АЗЕРБАЙДЖАН — АРМЕНИЯ:

СТРЕЛЯЮЩАЯ ГРАНИЦА

Много слов уже было сказано о мире и согласии. А на деле... Слова заглушаются автоматными очередями, заверения и обещания расстреливаются в упор, гибнут люди.

ТРИДЦАТКУ» в районе чрезвычайного положения знает каждый. КПП № 30, расположенный на небольшом сравнительно ровном плато между Горисским районом Армении и Лачинским районом Азербайджана, это самая тонкая перемычка, где то и дело вслихивает «вольтова дуга», замыкающая два полюса жесточайшего противостояния.

За любой машиной, появляющейся на этом километре дороги, наблюдают пристально и днем и ночью — в окуляр «снайперки» или прибора ночного видения. Из засады видят объект, видят цель — с расстояния прицельного выстрела боевик не услышит биения человеческого сердца, не увидит глаз, в которых всегда надежда, иногда укор, а нередко и отчаяние попадают со страхом.

Здесь, на «тридцатке» попадают под огонь боевиков и парламентарии. Им, перед лицом откровенной наглости вооруженных экстремистов, вряд ли помог бы и белый флаг.

Командант Лачинского района подполковник Григорий Аленичев рассказывает по пути:

— Вон, видишь, седловина слева впереди. Здесь поворот и подъем — скорость обязательно сбрасывается. Этот кусочек они пристреляли капитально. В прошлый раз ехали вот так же на «мирные» переговоры, а оттуда и шарахнули. Мы у поста были, прыг — в окопчик! Валера Бичурин — майор, да еще Расим Шералиев — представитель КГБ. Мы-то в «полевухе», а он в ратиновом с иголочки пальто, при галстучке, шапка ондатровая. При полном параде — в грязь! И смех и грех. Полчаса

отсиделись, надоело эту наглость терпеть — жаждали в ту сторону из пулемета, четыре раза из «Грома». Вроде все стихло. Только сели в машину, снова — «Бац! Бац!» — из «снайперки», прямо через капотом. Вот и попробуй с ними помириться...

А что делать, сколько можно воевать, подумал, оглядывая горы. Поймал себя на мысли, что предстоящие переговоры на границе — событие для меня неординарное, даже первое в своем роде. Прежние выезды в район ЧП — это прежде всего встречи с солдатами и офицерами в казармах, палатках, на заставах. Даже для коменданта Аленичева сегодняшняя встреча «в верхах» особенная — впервые за его трехмесячное руководство комендатурой на «тридцатке» обещали собраться все руководители двух районов.

«Пусть глаза ваши не застилают прошлые и сегодняшние обиды и несправедливости, забудьте упреки. Начните мирный разговор, постарайтесь понять друг друга, найти выход из тупика. Ведь ясно, что за вас это никто не сможет сделать».

**Из обращения Президента СССР
М. Горбачева «К народу
Азербайджана, жителям Нагорного
Карабаха».**

Итак, на нейтральной полосе встретились: с армянской стороны — председатель Горисского райсовета Роберт Алексанян (прежде он был первым секретарем РК Компартии Армении, теперь же, когда все госучреждения как бы деполитизированы, о партийном прошлом говорить не принято), начальник РОВД подполковник милиции Мясник Хачатрян, представитель КГБ Арман Авакян; с азербайджанской стороны — первый секретарь Лачинского РК Компартии Азербайджана, председатель райсовета Ханлар Мамедов, председатель райисполкома Салим Салимов, начальник РОВД майор милиции Акиф Салимов и представитель КГБ Расим Шералиев.

Фамилии должностных лиц привожу не для протокола. Просто все пусть знают — вот те люди, от которых во многом зависит ситуация на этом участке армяно-азербайджанского приграничья. Если эти люди, облеченные властью, не могут ею распорядиться во благо народа своего, то уповать на усилия «заложников»-комендантов, все равно, что Богу молиться — вроде он есть, и вроде его нет. Веровать, в общем-то, не вредно...

Солнце сгоняло остатки снега с вершин на поля. Близился мусульманский праздник «Новруз» — приход весны, в каждом доме уже зеленели тоненькие стебельки пшеницы. Но те ростки на тарелочках вроде

праздничного украшения только, для услады взора и умиротворения души. На склонах же гор и в низинах ждала земля-кормилица. Сеять должны и азербайджанцы, и армяне. А как тут сеять, если поля простреливаются? Этот самый больной вопрос и принялись обсуждать «высокие договаривающиеся стороны», переминаясь с ноги на ногу в придорожной слякоти.

Говорят, в ногах правды нет. Но что поделать, если присесть на «тридцатке» негде, не говоря уже о традиционном в таких случаях «круглом столе». Переговоры продолжались около часа. Кусок корреспондентской стенограммы поможет передать их основное содержание.

ШЕРАЛИЕВ: «Если будут стрелять, значит, этого человека должны искать совместно. Притом не стесняясь, не боясь прямо встретиться на том участке, где была перестрелка. И давайте каждый со своей стороны заблокируем этот участок. Хотите — силами милиции, хотите — силами военнослужащих. Но не силами «третьей» организации. У нас «третьей» организации нет».

АВАКЯН: «Я полностью согласен с вами. Давайте вместе искать, кто стреляет».

ШЕРАЛИЕВ: «Кстати, мы больше даже заинтересованы в спокойствии, чем вы, потому что все наши населенные пункты, приграничные с Арменией, находятся в этих «котелках», внизу. А ваши — наверху. Но работают они вместе. Если мы не обеспечим им безопасность во время полевых работ, то хлеба не будет. Давайте приложим все усилия, чтобы наши люди буквально с завтрашнего дня, не боясь друг друга, выходили на эти поля и спокойно работали».

АВАКЯН: «Да, спокойно работали. Мне кажется, соседние деревни должны договориться между собой».

ШЕРАЛИЕВ: «Целиком и полностью согласен с предложением Армана и предлагаю его конкретизировать. Как это сделать? Самые «больные» места у нас — это участки границы Ашагы и Юхары Джиджимли (азербайджанские села. — Б. К.) — Корнидзор (армянское. — Б. К.), это первое направление. Второе направление: Хнацах, Хознавар (армянские. — Б. К.) — Малыбей, Косалар (азербайджанские. — Б. К.). Давайте соберем в этих селах авторитетных, умных людей, допустим, три, пять, десять человек. Мы организуем встречу этих людей прямо там, на границе, на поле. Пусть они поговорят между собой, всем объяснят, что надо работать вместе. На первых порах мы можем дать и по два сотрудника милиции с горисской и лачинской стороны, чтобы это была одна патрульная группа. День пройдет, два пройдет, люди привыкнут друг к другу, а то ведь шарахаются уже друг от друга. Если необходимо в работниках милиции отладит, они уйдут. А люди будут работать. Люди должны работать!»

С. САЛИМОВ: «Люди хотят общаться, вместе работать. А есть лица, которые не дают, мешают людям».

АВАКЯН: «Надо их выявить, вот этих прокататоров».

ШЕРАЛИЕВ: «Я вам вот что скажу — если мы, представители Гориса и Лачина, не будем заинтересованы в стабилизации обстановки на границе этих районов, то если даже два полка из Москвы приедут сюда, они не смогут это сделать. Если мы друг друга поймем, честное слово, отпадет необходимость в этих силах. Но пока, конечно, такая надобность есть. Давайте сами договоримся, закончим это дело».

АВАКЯН: «И еще вопрос, на который хочу обратить внимание. Когда на днях у вас будет праздник, не исключено, что будет какое-то оживление, какое-то скопление людей на границе населенных пунктов...»

ШЕРАЛИЕВ: «Я вам вот что скажу. Если даже кто-то в эту ночь из Хнацаха или Хознавара спустится без оружия в наши села, их примут как гостей. Потому что в эту ночь совершаются самые добрые намерения, самые добрые действия. Кого-то обидеть в эту ночь равносильно самому тяжелому преступлению».

АВАКЯН: «Под стрельбу какой праздник! Вот 31-го ночью, под Новый год был обстрел нашей территории. Есть люди, которые заинтересованы, которые не спят, никакие праздники их не устраивают».

ШЕРАЛИЕВ: «Я думаю, что они мутят воду не из националистических побуждений. Просто выпил человек — ему хочется стрелять».

АВАКЯН: «Я думаю, это уголовные элементы».

«...Народы не виноваты в создавшейся ситуации. Они как жили, так и будут жить в мире и согласии, а те, на чьей совести развязывание и разжигание межнациональной розни, получают по заслугам».

Из интервью с Маршалом Советского Союза Н. Огарковым, председателем Всесоюзного совета ветеранов.

ШЕРАЛИЕВ: «Вот эти уголовные элементы и сталкивают нас. Нам что, друг от друга много нужно, что ли? Мы встречались, друг к другу в гости ходили, и хорошо было всем. Вот именно эти элементы нашли путь в парламенты разных республик, они события развернули, эту кашу заварили, которую мы сегодня не можем расхлебать. Вот в чем вопрос».

Здесь, в самом конце разговора, пленка зафиксировала сразу несколько голосов: «Давайте связь держать... Прежде всего наладим связь...»

Все пожали друг другу руки, собрались уже было рассаживаться по машинам. Но пришлось еще малость задержаться — были вопросы у представителя подразделения Советской Армии подполковника С. Поткина. Военные — люди конкретные. Сергей Константинович попросил объяснить появление со стороны Гориса вертолетов без опознавательных знаков. Не только на этом участке границы «вертушки» забрасывают боевиков, так было и в Казахском, и в Таузском, и в Кедабекском районах. Как правило, за стрекотом винтов следовали автоматные очереди...

Теперь разговор пошел по другому руслу. Армянская сторона утверждала, что не имеет таких вертолетов, что рейсовые «вертушки» перевозят исключительно мирные грузы и мирных людей. Азербайджанцы вспоминали случаи обстрелов сел после посадки в их окрестностях групп боевиков, говорили, что добиваются разрешения стрелять по воздушным целям, не имеющим опознавательных знаков и бортовых номеров...

Потом едва не заспорили, у какой из сторон больше оружия.

С. САЛИМОВ: «Неоднократно из ваших сел на машинах собирали оружие: винтовки, автоматы, пулеметы, гранатометы. А вот пусть скажут — хоть один гранатомет в нашем селе обнаружили? Или, допустим, автоматы, пулеметы? Наши села тоже прочесывают».

АВАКЯН: «Значит, вы хотите сказать, нет автоматов у людей? Я просто не понял вас».

С. САЛИМОВ: «Вы прекрасно поняли меня — и Киров, и Каладараси (армянские села.—Б. К.) неоднократно прочесывали и нашли там и боевиков, и оружия сколько хочешь, и боеприпасы. Это факты».

АВАКЯН: «В прошлом году здесь, на стыке границ, были из автоматического оружия убиты десять пастухов и угнано большое количество скота. Из автоматического оружия были убиты. Понимаете, есть группа людей, разбойники они, без национальности они...»

С. САЛИМОВ: «Дорогой мой, мы тоже против этого! А разве у нас никого не убили? Разбойники, воры национальности не имеют. Надо их нам вместе схватить».

АВАКЯН: «Каждый со своей стороны должен приложить усилия».

С. САЛИМОВ: «Люди должны знать, что мы руководство и между нами никаких трений нет. Роберт Арменакович, мы же друг друга с комсомольских лет знаем, мы дружили, мы любили друг друга, а теперь после каждой встречи — стрельба сразу...»

АВАКЯН: «Причем, чем на более высоком уровне встреча, тем сильнее стрельба, больше убийств, противостояние еще жестче. Этого допускать нельзя...»

С. САЛИМОВ: «Это недопустимо. Лачинцы и горисцы как жили здесь, так и будут жить, никуда нам не деться. И вы никуда не поедете, и мы. Другого пути нет. Поэтому давайте сделаем так, чтобы люди жили спокойно. Все. Вот видите, памятник никто не трогает, комсомольский памятник в честь дружбы, стоит прямо на границе. Придет время — еще построим».

В ЛАЧИНЕ многие утверждали, что весь Горис «держит в руках» некий Миша, с которым и руководство советуется, и даже высокие гости из Еревана.

— Как бы с этим Мишей познакомиться, пару вопросов задать?

— Хоть сейчас, — предлагает комендант и накручивает телефонный диск. — Миша, вот тут корреспонденты из нашего журнала, из Москвы, с тобой встретиться хотят.

Голос у абонента сильный, связь отличная, и мы слышим радушно: «Ради бога, Евгений Николаевич, приходите. Выпьем по стаканчику. Уже жду!»

На часах — двадцать три, время, конечно, не для визитов. Но завтра в полдень нас будут встречать на «тридцатке», а с утра надо ехать на заставы. Так что все светские церемонии — побоку, идем в гости, напросившись на ночь глядя.

По дороге комендант объясняет, что Михаил Хойлуц — командир роты Особого полка при министре внутренних дел Армении, в его подчинении сто двадцать человек, все — жители Горисского района.

Встречают нас с традиционным в этих местах радушием и, как показалось, с настороженным интересом. Хоть и вошли мы с комендантом, показывая свое удостоверение, рассчитывая на взаимность. Поскольку временный документ Михаила Багратовича Хойлуца на армянском языке, просим разрешения сфотографировать, пусть не для печати, так хоть для экзотики, для собственного альбома. Радужный хозяин улыбчив: «Пожалуйста, фотографируйте, записывайте — мы не засекречены».

Первый вопрос — из кого состоит «особая» рота? Нет ли в районе приехавших? М. Хойлуц говорит категорически твердо:

— Год назад, когда я уже встал на эту должность, я запретил, чтобы кроме горисцев хоть один человек приезжал сюда. Евгений Николаевич подтвердит, что была группа омоновцев наших, я месяц назад их тоже прогнал отсюда. Не пускаю сюда ни одного человека. Каждый деревенский человек должен знать всех. Даже из Гориса я не посылаю городских в Корнидзор или Хнацах. Каждый деревенский человек свои места знает, он должен защищать свою землю, свою семью — все. Ни одного человека чужого!

Внешне доверительный наш разговор поддерживаем полшутливым вопросом-намеком: «Значит, ливанских армян-боевиков здесь нет?»

— Мама родная — ливанских! (Смеется).

Вместо мужа отвечает его жена Роза:

— Здесь и ереванских армян нет.

Розу благодарим за чудесный кофе и продолжаем «пытать» хозяина квартиры: «А вооружение? Говорят, автоматы «Узи» у вас есть». Олег Смирнов, фотокор, добавляет: «Ракеты «Стингер»».

Михаил Багратович лукаво смеется: «Мама родная, дай Бог, чтоб были!»

Командир роты клятвенно заверил нас, что его люди занимаются исключительно охраной своих сел, никаких вылазок на сопредельную территорию не совершают, военные посты не обстреливают. Это армянская милиция, вот и форму на днях наденем, и постоянные удостоверения получим. Отвечаем только за свои действия. Есть еще, правда, в Шурнухе тридцать человек из ОМОРа — отряда милиции особого реагирования. Но это другое подразделение, они охраняют опасный участок дороги, что идет вдоль самой границы с Азербайджаном...

Попросил объяснить мне значение слова «фидайн», заодно поинтересовался, не относятся ли себя к этой категории Михаил Багратович и его люди. Нет, мы не фидайны, ответил хозяин. То были святые люди, посвятившие всю свою жизнь защите интересов Армении. Они давали обет безбрачия, не пили вина, не курили... А мы не святые, усмехнулся мой собеседник, у меня, видите, жена есть, и курю я, и выпиваю иногда — мы не святые...

В том, что далеко не святые люди ходят вооруженными по обе стороны границы, можно убедиться здесь в любой день. В то время, когда Михаил Хойлуц произносил тост за мир, вновь была перестрелка между армянским Корнидзором и азербайджанскими Верхними Джиджимлями.

Стреляли и на следующий день, и через неделю...

А 7 апреля у села Юхары Джибикли Кубатлинского района Азербайджана разгорелся настоящая бой. Горстка воинов внутренних войск вела его против напавших со стороны Армении боевиков, которых было более семидесяти человек. Прикрывая азербайджанцев и своих солдат, героически погиб в том бою лейтенант Олег Бабак.

На месте боя кроме сотен стреляных гильз было обнаружено удостоверение на имя некоего Альберта Агахановича Григоряна, десантника Армянской национальной армии. Фотография его заверена круглой гербовой печатью Министерства внутренних дел Республики Армения. Был он ранен или убит — знают его соплеменники.

Мы знаем другое — пока будет оружие в руках воинствующих националистов, кровопролитие будет продолжаться. А оружие незаконные вооруженные формирования отдавать не желают. Более того, продолжаются нападения на гарнизоны Советской Армии и внутренних войск МВД СССР, захваты заложников, диверсии.

Подполковник Б. КАРПОВ.

Фото О. СМЕРНОВА.

И ЭТО НАВЯЗ?

* * *

Обугленные стены домов, толпы беженцев, брошенный скарб, ночные перестрелки, свежие могилы, заплаканные глаза все новых и новых сирот... Неужели это то, что осталось от некогда знаменитого казачьего гостеприимства? Неужели такие чудовищные мутации претерпели хлебосолюство и радушие сынов благодатной земли? Есть легенда о том, что Бог делил землю между людьми, Кавказ приберег для себя, но, когда земля не хватило, он этот райский уголок отдал предкам нынешних обитателей сего края. Потомки же сегодня прилагают немало сил, чтобы прератить его в ад. И только самоотверженностью внутренних войск там еще поддерживается некая видимость человеческого общежития.

Фото О. СМЕРНОВА.

* * *

Валерий УСКОВ

**ЖЕНЩИНАМ
ДАЛЕКИХ
ГАРНИЗОНОВ**

ОСЕННЯЯ ФРЕСКА

*Все бегут и бегут перелески,
Спит в зеленых ладонях река.
И спокойствием веет, как с фрески,
Сотворенной давно,
На века.*

*Словно кистью Андрея Рублева
Нежно-призрачно выписан лик
Тихой мудрости,
Мягкого слова,
Без которых не сложится стих.
Заплутала в распадке тропинка,
Убегая в таежную даль.
Обрядили сосну паутинки
В серебристую легкую шаль...
Здесь бы жить не спеша и*

вольготно,

*Не следить за мельканьем часов,
Да напомнил мне гул самолетный,
Что я — гость из бетонных лесов.*

* * *

*Если б время жутко не бежало,
Если б жаждой к жизни не страдал,
Я б тогда довольствовался малым
И тебе письмом не досаждал.*

Виктор МАМОНТОВ

**ИСПОВЕДЬ
АФГАНЦА**

*Поклянусь хоть на Коране:
Кто солдатом был в Афгане —
Честь и совесть не убил!
Сам за глиняным дувалом
Под ревушим минным шквалом
Землю кровью окропил...*

*Не хотел за кровь я крови,
Ради дружбы, светлой нови
Был «исчадьё сатаны».
Верил ведь не в мракобесье,
В то,*

*что пелось в нашей песне:
Для чего мы рождены...*

*Сказка сказкою осталась,
Павшим — мир. Живым досталось
Ждать прощенья... у страны.
Бьют пока нас злые плети,
Вроде б мы чужие дети.
А не кровные сыны.*

*Да ведь мы-то знаем точно,
Кто решал за нас заочно,
Где нам быть, кого нам бить.*

Только время так неугомонно,
Как кузнецик в полдень на лугу...
Проживу и впредь без миллионов,
Без тебя, конечно, не смогу.

НА БАЙКАЛЕ

Подо льдом золотистым, торосистым
Отдыхает могучий Байкал.
Там, вдали, за метелью занозистой
Я две тени людских увидал.

Кто они: рыбаки или лыжники?
Расстоянье ответа не шлет.
Уменьшаются тени подвижные,
Уходя за мерцающий лед.

Кто они? Жены ли декабристские
Из легенды к живым нам идут
Убедиться,
Что души, нам близкие,
Презреть научились уют.

ССОРА

Глаза — в глаза.
Сомненья точит:
Сказать, смолчать? Обнять, уйти?
Душа распахнутой быть хочет
И замирает на пути.

О век машинного рассудка!
Все чаще просеки в лесах,
Все реже в поле забудка
И клин пернатых в небесах.

Длинней дорога к состраданью,
Короче теплые слова...
И ты взаимное молчанье
Прервать так долго не смогла!

Глаза — в глаза.
Отбрось сомненья
И не сжигай души дотла,
И стань хотя бы на мгновенье,
Какой природа создала.

* * *

Женщины далеких гарнизонов,
Офицерши милые мои!
От дипломов ваших нет резона —
В них пылятся времени слою.

Ваши судьбы ох как неприметны,
Лишь во сне — столица, отчий дом.
Наяву же — дети и суеты,
И слова «потерпим, подождем...»

Я корю себя других не меньше:
Почему не занесли пока
Имена любимых нами женщин
На скрижали каждого полка?!

За народною молвою,
Как за каменной стеною,
Продолжая в славе жить.

И в смещении понятий,
Уклоняясь от проклятий,
Под хулу толкали нас.
Время, верю, все рассудит,
Мозг горячий поостудит —
Было так уже не раз.

Мы не в емкости стакана
Глушим боль и стыд Афгана —
Крик истерзанной души.
Нам еще ведь в этой жизни
Надо послужить Отчизне,
Высшей правде, а не лжи.

Владимир МЕЛЬНИКОВ

ДРУЗЬЯ

Друзья уходят понемногу
В заботы личные свои.
Свои — обязанности долгу,
Свои — мучения в любви,
Свое — упрямое начальство.
Концы, сводимые с трудом.
И мы встречаемся нечасто,
Трудней друг друга узнаем.
И вот уж чудится порою,
Что вздрогнешь,

словно видишь ты:
Дымят, сгорая за спиною,
Неразведенные мосты.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БОЛЬШАЯ ИЗЛУЧИНА

Ныне пойдем за Дон и там или победим и все от гибели спасемся, или сложим свои головы.

Дмитрий ДОНСКОЙ (1380 г.).

С точки зрения большой стратегии ясен простой факт: русские армии убивают больше нацистов и уничтожают больше вражеского снаряжения, чем все остальные 25 Объединенных Наций, вместе взятые.

Фр. Д. РУЗВЕЛЬТ (из письма генералу Д. МАКАРТУРУ от 6 мая 1942 года).

1. ДОЖИВЕМ ЛИ ДО АВГУСТА?

Почему так коротка память людская?

Вот и настали дни нынешние... Давно шаблоном стали слова, набившие нам оскомину: «Не забудем о Сталинграде!» А вот мне в это не верится. Ни черта мы не помним, все позабыли.

Два года назад, в день 23 августа, старая актриса по имени Вера Васильевна, которая еще до войны не сходила с подмостков сталинградского театра драмы, эта вот женщина, порядком хлебнувшая горя на своем веку, проснулась с ожиданием какого-то чуда... Ей ли, жившей на окраинах Бекетовки, откуда, как с высокой горы, был виден весь Сталинград, ей ли забыть тот день, когда божий свет померк в глазах, а Сталинграда попросту не стало. Утром еще был город, а вечером исчез город.

Сейчас и город совсем другой, даже название у Сталинграда иное, и люди какне-то не такие, что были раньше, а ей, старухе, все не забыть того дня... Да и можно ли забывать?

Вышла на улицу. Спросила на остановке автобуса:

— День-то какой, знаете ли?

— День как день. А — что?

— Страшный! Тут бы молиться всем нам...

Продолжение. Начало в № 1, 2, 4, 5, 1991 г.

Посмотрели как на сумасшедшую, мигом забили автобус и отъехали, не желая ничего помнить. Возле пивного ларька — шумно илюдно. Дружно сдувается пена с кружек.

— Помните ли, какой день сегодня?

— Август. Кажись, двадцать третье. А что?

— Это день, который нам, сталинградцам, не забыть.

— Праздник, что ли? — спрашивали старуху.

— Не праздник, а поминанье того великого дня...

Разом сдвинулись кружки — за день сегодняшний:

— Выпьем! Чего эта — божий одуванчик — тут шляется? Наверное, из этих саемых... о морали нам вкручивает!

Нет, никто в бывшем Сталинграде не желал помнить, что случилось 23 августа

**Валентин
пикуль**

«БАРБАРОССА»
роман-размышление

1942 года. Вера Васильевна, почти оскорбленная, вернулась домой и включила телевизор:

— Должны же хоть с экрана напомнить людям, какой это день. День двадцать третье августа... ради памяти павших!

Показывали в этот день обычные передачи: разговор о перестройке, бюрократическом торможении, международные события. Показали сюжет из Белоруссии, связанный с памятью о войне. Но на воспоминания о двадцать третьем августа в Сталинграде времени не хватило.

В новом Волгограде не помнили о трагедии Сталинграда!

— Грех всем нам, — сказала Вера Васильевна, заплакав. — Великий грех всем вам, люди, что забыли вы все страшное, чего забывать-то нельзя... нашим внукам знать надобно!

Этой датой, ставшей уже безвестной, я предваряю свой рассказ, и днем 23 августа я завершу изложение первого тома.

Люди! Бойтесь двадцать третьего августа...

2. «БЫЛ У МЕНЯ ТОВАРИЩ...»

Из Рима дуче отъехал в свою резиденцию Рокка-делле-Каминате, а настроение у него было сумбурное. Как бы ни относиться к Муссолини, все же, читатель, надо признать, что римский диктатор шкурой предвидел события лучше Гитлера. «У меня, — записывал он в дневнике, — постоянное и все усиливающееся предчувствие кризиса, которому суждено погубить меня...» Угадывая развитие событий в Африке, где застрел Роммель, дуче ощущал угрозу со стороны Марокко — это был удобный плацдарм для высадки десантов, хотя Гитлер считал, что опасность десантов угрожает в заснеженных фиордах норвежского Фиммаркена.

Дуче хандрил. Галеацио Чиано, зять его, настаивал на разрыве с гитлеровской Германией, пока не поздно:

— Пока наши головы держатся на плечах, пока вся Италия не переставлена на костыли... Мы говорим, что от этой войны зависит судьба фашизма. Верно ли? Не лучше ли повышать дух народа упоминанием о чести нации, о патриотизме, как непреложной идее, стоящей над людьми, над временем, над фракциями?

— Это приведет к разобщению народа и партии.

— Но в Италии, — доказывал Чиано, — народ уже давно живет отдельно от партии, а партия существует сама по себе. Итальянцы способны жертвовать во имя родины, но в степях России они не желают погибать за идеалы партии, к которой присосались шкурники, карьеристы и просто жулики...

В это время фашистская партия насчитывала в своих рядах 4 770 700 человек, и дуче верил в свое могущество:

— Мне стоит шевельнуть бровью, как миллионы фашистов сбегут на площадь перед Палаццо Венеция, аплодируя мне и готовые умереть за наши идеи. Оставьте меня с партией, а сам убирайся к своим боснякам, которых ты именуешь народом...

Муссолини листанул настольный календарь:

— Что там Роммель? Когда доклад Уго Кавальеро?

Сразу как только Гитлер возвысил Роммеля до чина фельдмаршала, дуче послепроизвел в тот же чин и Уго Кавальеро, который был начальником генштаба. Первый вопрос Муссолини:

— Уго, каковы успехи моей армии в России?

— Итало Гарибальди извещает, что наши солдаты имеют большой успех у русских колхозниц, которые их же подкармливают.

— Понятно, отчего такая щедрость! —

сразу сообразил дуче. — Где еще русские колхозницы могли видеть таких отважных и храбрых ребят, в ботинки которых залочено — точно по уставу! — сразу семьдесят два гвоздя.

Уго Кавальеро намекнул, что в Италии уже достаточно вдов и сирот, ибо Восточный фронт постоянно требует жертв.

— Их можно объяснить, — воскликнул дуче, — лишь избытком боевой инициативы наших прославленных берсальеров...

Тобрук пал, Роммель торчал в оазисах Эль-Аламейна, а дуче рассчитывал вскоре побывать в Каире. Кавальеро замылся.

— Уго, ты что-то хочешь сказать? Если это очень важное, то прежде ты обязан встать.

— Да, мой дуче. Я встал! Вчера в Средиземном море через Гибралтар проскочил английский авианосец «Игл», а на аэродромах Мальты садятся американские бомбардировщики, по этой причине я подозреваю, что скоро всем нам достанется.

— А куда смотрит Кессельринг с его воздушной армией?

— Кессельринг смотрит на своего фюрера, который велел ему половину воздушной армии отправить в Россию, чтобы помочь в прорыве на Кавказ и к берегам Волги. Потому английские караваны беспрепятственно следуют в Александрию.

— Следует нанести по ним мощный крейсерский удар!

Кавальеро объяснил Муссолини, что для нанесения такого удара итальянским кораблям не хватит горючего:

— Чтобы только запустить машину крейсера, потребно пять тонн мазута, а потом еще по тонне в день для «подогрева» котлов.

— Уго, почему ты не просил у немцев горючее?

— Умолял их! — отвечал Кавальеро. — Но Кейтель ответил мне, что у них расход горючего сокращен до предельного минимума — ради наступления на Сталинград и Майкоп, в Германии сейчас обеспечены горючим одни подводные лодки...

— Это, — продолжал Муссолини, — подсказывает мне правильное решение: наши батальоны «Червино» должны следовать на Кавказ вместе с немцами, чтобы Италия могла претендовать на освоение нефтепромыслов в Майкопе, а тогда нам уже не придется выступать перед Гитлером в роли попрошайек, умоляющих о лишней бочке мазута... Ты понял меня, Уго?

В ботинок итальянского солдата Муссолини залочивал 72 гвоздя — не больше и не меньше, именно так повелевал устав фашистской армии, и генерал Джованни Мессе, уже разжалованный, доказывал Уго Кавальеро:

— Это хорошо для парадов! Но абсурдно в условиях Восточного фронта: в периоды русских морозов эти гвозди, промерзнув, сдавят ногу солдата ледяными тисками.

— Этого не случится, — заверял его Кавальеро. — В Берлине считают, что к осени с Россией будет покончено, и я своими ушами слышал, как фюрер сказал: «Сейчас положение русских гораздо хуже, нежели оно было летом прошлого года...»

Начиная с весны 1942 года, Муссолини постоянно усиливал свою армию на Восточном фронте: к лету его АРМИР насчитывала уже 220.000 солдат, она имела 55 танкеток («спичечные коробки») и 1.130 тракторов, — лошадей и мулов я не учитываю. Желание дуче усилить свои войска в России ради политических и экономических выгод в будущем на этот раз совпадало с желанием Гитлера, который вознамерился использовать «бумажных итальянцев» вроде затычек — шпаклевать ими те «дыры» в линиях фронта, для затыкания которых немцев уже не хватало.

На этот раз с отправкою войск в Россию возникло немало осложнений. Итальянцы стали подозрительно часто вспоминать историю похода Наполеона, а женщины, провозжая мужей, голосили навзрыд, чего ранее не бывало. Детолюбивые итальянцы, шествуя на вокзалы, в каждой руке держали ручонки своих детишек (об этом я сужу по итальянским же фотографиям). Началось дезертирство. Муссолини распорядился объявить набор добровольцев. Таковые нашлись, но в Италии их считали сумасшедшими или ссылаемыми в Россию для отбытия наказания за преступления против нравственности.

— Что ты там натворил, бедный Кало? — рыдали родственники. — Или продул в карты казенные деньги из полковой кассы? Или испортил дочку заслуженного члена фашистской партии?...

Офицеры тоже не рвались в окопы Восточного фронта.

— Объявите по войскам, — велел Муссолини, — что каждый офицер, отбывающий на Восточный фронт, получит от казны новенькую пинажму и по тюбику мыльного крема для бритья...

Мало того! Уго Кавальеро в генштабе, дабы поднять авторитет офицеров, провел в эти дни научный референдум.

— Среди прочих вопросов, волнующих наше благородное общество, — сказал он, — считаю немаловажным вопрос на животрепещущую тему: стоит ли в условиях Восточного фронта заводить отдельные уборные для каждого офицера, или пусть все офицеры не побрезгуют испражняться в общую яму...

Муссолини очень гордился количеством гвоздей в ботинках своих беспощадных берсальеров, от которых в России было не спастись ни одной кошке, даже самой прыткой; а проблема зимней обуви давно занимала воображение генералов. С русского фронта в Рим были доставлены валенки, которые Уго Кавальеро и продемонстрировал в пышных залах Палаццо Венеция:

— Если мы хотим быть победителями в России, нам никак не обойтись без этой

вот штуки, — сказал фельдмаршал.

Муссолини подверг валенки тщательному изучению:

— Ничего в жизни не видел уродливее! — было им сказано. — Только дикари способны таскать по снежным сугробам такие огромные и бесформенные футляры, скатанные из войлока.

Кавальеро ответил, что вальсировать в валенках смешно, но еще смешнее будет выглядеть итальянский солдат на снегу в ботиночках и в обмотках, — ведь зимою 1941 года число обмороженных превышало количество раненых.

— Эти валенки раздобыл Джованни Мессе, чтобы убедить всех нас в необходимости делать такие же для АРМИРА.

— Разве от валенок зависят успехи Сталина? — недоверчиво фыркнул дуче. — Джованни привык заниматься пустяками. Но со времен Нерона и Калигуллы гордый Рим не валял валенок. Да и о чем Мессе хлопочет, если к осени с Россией будет уже покончено... От былого могущества у нее останутся валенки!

Наш историк Г. С. Филатов, лучший знаток итальянского фашизма, писал: «...авторитетные инстанции в Риме пришли к заключению, что изготовление валенок является причудой Мессе... нашлись люди, которые были заинтересованы в том, чтобы валенки не перекрыли путь уставным ботинкам»; от себя я, автор, добавлю, что придет зима, и тогда ботинки с обмотками станут причиной гибели многих итальянцев под Сталинградом.

3. КОГДА ПОСПЕВАЕТ МАЛИНА

О положении на фронтах народ знал больше по слухам.

После двух катастроф подряд, под Керчью и Харьковом, наши газеты отмалчивались, будто ничего страшного не случилось, а центральная печать отделялась от читателей стереотипными фразами: «Наши силы растут и крепнут. Недалек тот час, когда враг вполне испытает силу наших ударов...» 21 июня, когда на юге страны крепчал железный кулак вермахта, «Красная звезда» порадовала военных людей известием, что немецкая армия наступать уже неспособна: «перед немцами теперь стоит вопрос не о завоевании СССР, а о том, чтобы как-нибудь продержаться». Через два дня Совинформбюро добавило в утешение, что почва для разгрома Германии подготовлена, ее военная машина развалена, Гитлер уже потерял десять миллионов своих солдат, а потери Красной Армии составляют лишь четыре с половиной миллиона.

Разве можно было поверить в подобное?..

Состав с зерном возле элеватора еще горел.

— Анастас Иванович, — сказал в трубку Чуянов. — Не успели мы избавить город от колхозного скота из Смоленщины, как все Задонье потонуло в пыли — на подходе стада из Воронежской области, из Ворошиловградской... куда их девать? На улицах уже не повернуться от машин и беженцев. Мостов не имеем. Переправы заполнены. Мясобойни города загружены до предела.

Из Москвы — усталый голос А. И. Микояна:

— Наша большая ошибка, что Сталинград не имеет мостов. Но погодите с боями. Нам еще после войны жить надо. Переправляйте скот на левый берег Волги, гоните его дальше.

— А как быть с частниками? Каждому жаль со своей скотиной расстаться. И в ухо каждому не вдуешь, что, если не отдаст корову государству, враг придет и сожрет ее даром.

— Никакой принудилочки! — отвечал Микоян. — Действуйте только убеждением. Частник есть частник. Он и без того нами обижен. Не хочет разлучаться с овцой, оставьте ему овцу.

Есть такая народная примета: хлеба убирать, когда поспевает малина. Но в ту пору малина еще не созрела, когда пришло время думать об уборке урожая, чтобы он не достался врагу в зрелых колосьях. На Дону было тревожно, Москва требовала, чтобы зерно вывозили со складов и элеваторов — в тыл.

— На тачке, что ли? — говорил Чуянов. — Автотранспорта нет, горючего нет, а на лошадках сотни тысяч тонн далеко не увезешь. Не знаю, как мы управимся, если предстоит эвакуация людей и скота из донских станиц и колхозов...

Эвакуация началась загадя, издали гнали скотину из отдаленных станиц, а кто? — опять же школьники с хвостинами, плелись за гуртами скота старики да бабки, которые сами-то едва ноги передвигали. На волжских переправах — что-то ужасное, все стада перепутались, чей там бык, а чья корова — уже не разберешься, всех подряд гнали на паромы, а паромов не хватало, немцы бомбили, и рядом с павшей скотиной теперь лежали те же самые мальчишки с хвостинами и бабки, но уже мертвые.

Чуянов накоротке повидался с Ворониным:

— Садись, эн-кэ-вэ-дэ. Разве не безобразие? Гигантский город на правом берегу, а моста на левый берег не соорудили.

— Так это же хорошо, что нет моста, — отозвался Воронин. — Будь такой мост, его бы немцы с воздуха мигмом раздраковали...

Как-то еще не верилось, что Сталинград может стать фронтовым городом. Дворники полнвали цветочные клумбы на улицах, и аромат цветов доносился в кабинеты об-

кома, напоминая о мирных днях, когда о цветах даже не думалось: пусть благоухают, на то они и посажены... Чуянов казался рассеянным.

— Что у тебя еще? — спросил он.

Воронин вынул из портфеля немецкую листовку, издали показав ее секретарю обкома — читай, если грамотный. Чуянов увидел всего две строчки частушечного лада:

До Воронежа с бомбежкой,

В Сталинград войдем с гармошкой.

Эту листовку Чуянов оставил у себя и показал ее генералу Герасименко, командующему Сталинградским военным округом:

— Ну, не нахальство ли, а?

Разговорились. Алексей Семенович спросил:

— Василий Филиппыч, не кажется ли тебе, что наше положение сейчас гораздо хуже, чем в прошлом году?

— Кажется. Только говорить об этом боюсь.

— Смотри, как бы не прижали нас к Дону. Слухи неважные. Фронт расшатан. Командуют лейтенанты. А маршала не видеть... Скажи мне честно, что за человек этот Тимошенко?

— Как кто? Бывший нарком. Маршал. Орденосец.

— Это я и без тебя знаю. О другом говорю. Я, человек сугубо штатский, и то, кажется, кумекаю, что есть здесь что-то неладное. Как он не пострадал после катастрофы под Барвенково или под Харьковом? И не такие головы с плеч летели...

— Все дело в обороне Царицына, — шепнул Герасименко, на дверь оглянувшись. — Кто тогда был в Царицыне при нем, да сумел ему понравиться, тех он не трогал, вот они и полезли вверх... Ворошилов, Буденный, Городовиков, Щаденко и прочие... Я такого мнения, — сказал Герасименко, — что историю этой войны, после войны, будут писать не кровью, а медом, чтобы сверху покрывать ее лаком. И писать станут не с сорок первого, а с того самого срока, когда мы побеждать научимся.

— А куда же девать сорок первый? Наше лето?

— Псам под хвост! — энергично ответил Герасименко, даже ободлившись. — Кому из наших м... охота сознаться в своих ошибках? Вот увидишь, что даже о сорок первом станут ворковать, как голуби. Не знаю, как ты, а мне не дожить до того времени, когда станут писать правду...

Большая излучина тихого Дона уже таила страшную угрозу всем нашим армиям, заключенным в эту природную дугу, вогнутую в сторону Волги и Сталинграда. Не понимать это могли только глупцы! В эти дни газета «Красная звезда» ожидала от Михаила Шолохова статью под названием «Дон бушует». Но писатель отказался от написания такой статьи, «так как, — сообщил он в редакцию, — то, что происхо-

дит сейчас на Дону, не располагает к работе над подобной статьей...»

Один старик-журналист рассказывал мне, что видел в эти дни Шолохова плачущим. Слезы его понятны: тихий Дон и донское казачество знавало всякие времена, но такого еще не бывало, чтобы его берегам угрожали вражеские танки, а германские пулеметы «универсал» насквозь простреливали донские станицы.

...Стратегическая пауза затянулась, и лишь 27 июня Франц Гальдер отметил в своем дневнике: «Никаких признаков того, что противник как-то реагирует на потерянный нами приказ (по операции «Блау»)»...» Тогда же, почти синхронно, из Старобельска стал названивать в Харьков барон Максимилиан Вейхс.

— Завтра, — сказал он Паулюсу, — я начинаю. Ждать, когда Москва распишется в знании наших секретных планов, становится опасно. Герман Гот уже нервничает, его «панцерам» не терпится прокатиться по трамвайным рельсам улиц Воронежа.

— Моя шестая, барон, — отвечал Паулюс, — через два дня после вас начнет выдвижение в районе Волчанска.

— Будем помнить о флангах, — тоном заговорщика произнес Вейхс, и в этих его словах таился немалый смысл...

Да. Еще летом 1941 года генералы вермахта заметили, что русские мало чувствительны к обходам, но германская военная доктрина, напротив, чересчур обостренно заботилась о своих флангах. По этой причине немцам сейчас прежде всего желалось покончить с Севастополем и захватить Воронеж, ибо это и были фланги германской армии, устремленной на Кавказ и Сталинград, и даже не тактические, а имеющие уже стратегическое значение.

Паулюс отлично понимал беспокойство Вейхса, понимал и то, что Артур Шмидт с его «чертиком» в стратегии разбирается плохо, а потому он и растолковал ему азбучные истины оперативного искусства с особой заботой о флангах:

— Виноват Манштейн! Он так долго ковыряется с Севастополем, а его армия, застрявшая в Крыму, не может обеспечить нам южные фланги до тех пор, пока Севастополь не рухнет. Но если еще и барон Вейхс застрянет под Воронежем, тогда шестая армия не будет прикрыта и с северных флангов... Не удивляйтесь, Шмидт, — говорил Паулюс, — но я так воспитан, чтобы думать о флангах!

Паулюс толковал Шмидту свои понимания, хотя не раз замечал, что Шмидт исподтишка пытался навязать ему свою волю, и эта воля была опасной. В этом потаенном единоборстве Паулюса выручало то, что многие генералы 6-й армии явно третируют Шмидта, как выскочку, жалея об устранении Фердинанда Гейма, бывшего начальника штаба. Отто Корфес не од-

нажды намекал Паулюсу, что Шмидт — вроде надзирателя, приставленного к армии не из Цоссена, а из партийной канцелярии Мартина Бормана.

— Гейм реально оценивал события, за что, кажется, и поплатился, а Шмидт излишне бравировал оптимизмом в духе речей Ганса Фриче. Правда, — признал Корфес, — Шмидт человек неглупый и осторожный, но его партийная убежденность зачастую смахивает на самое банальное упрямство. А вам не кажется, — вдруг спросил Корфес, — что за хвостом нашей шестой армии тащится подозрительно много эсэсовских команд, которые следуют за нами, словно шакалы за тигром, отправившимся за добычей?..

Ответ Паулюса поставил Корфеса в неловкое положение.

— Прошу не забывать, доктор Корфес, что мой зять барон Кутенбах тоже носит черный мундир войск СС, и об этих войсках я сужу по гуманным поступкам своего зятя.

Корфесу оставалось только ретироваться, что он и сделал, а между ними пробежала первая черная кошка. Сутью этого разговора Паулюс поделился с адъютантом Вильгельмом Адамом, спрашивая — кого же еще не терпят в его армии?

— Никаких симпатий не вызывает и Гейтц из восьмого армейского корпуса. Гейтц так долго председательствовал в военных трибуналах, что до сих пор не растался с дурной привычкой расстреливать людей. Гейтц (вы не поверите) иногда садится в транспортер с пулеметом и объезжает прифронтовые зоны, всюду оставляя после себя трупы.

Паулюс испытал неловкость, проворчав что-то с «наследни» покойного Рейхенау.

— Вы бы знали, Адам, как мне трудно! Я чудесно чувствую себя в штабном фольксвагене, где прыгает моя зеленая «лягушка», но зато мне бывает противно видеть, как прыгает лукавый «чертик» моего начальника штаба...

Заранее он выехал на фронт. Обширный фольксваген, сплошь забитый радиоаппаратурой и стеллажами с оперативными картами, катил за сто километров от Харькова — на берега Оскола, в сторону Купянска; сам городок, почти деревянный, еще хранил облик купеческого прошлого, и как-то странно было думать, что здесь когда-то грозно бушевали половецкие пляски, а «каменные бабы» в степях невольно напоминали идолов с острова Пасхи.

— Какая страшная дыра... этот Купянск, — заметил Шмидт, — и не пойму, как здесь могут жить люди?

— Живут, — кратко отозвался Паулюс. — Мой зять где-то вычитал, что в древности здесь пролегали пути в сказочную Византию, а хазары справляли в Купянске богатые свадьбы с иудейками...

Непрерывно стучал телетайп, работала радио-релейная связь, шеголеватый солдат с усиками «под фюрера» печатал информацию радиоперехвата. Река протекала ле-

ниво и тягуче, словно наполненная ртутью. В красных песках другого берега Оскола белели меловые откосы, поросшие дубняком, липами и ясенем...

4. НА РУБЕЖАХ— БЛИЖНИХ И ОТДАЛЕННЫХ

Что там, в излучине Дона, творится — этого не узнаешь.

Чуянов зачастую узнавал о положении на фронте от рядовых телефонисток области. Самый верный источник информации, когда в трубке слышался испуганный девичий голосок:

— Они уже здесь! Я осталась одна. Совсем одна. В окне вижу их танки с крестами. Все разбежались, а я не успела... Ой, радн боженьки, скажите скорей, что мне делать?

Ответ из Сталинграда всегда был одинаков:

— Ломай коммутатор и — смывайся, пока жива...

Орел, Курск, Воронеж — как-то дико сознавать, что война пришла в эти края, где бывал чисто русский язык, еще не испорченный всякими «измами», откуда вышли классики нашей литературы — Кольцов и Тургенев, Фет и Лесков, а теперь...

— Мать их всех за ногу! — в сердцах выругался Чуянов. — Доигрались, сволочи, до того, что никаких слов не сыщешь, как объяснить людям, где лево, где право, где зад, где перед... И не хочешь, да станешь материться, когда вспомнишь аксиомы от маршала Ворошилова, еще довоенные: «бить врага на чужой территории» и «ни одного вершка родной земли не отдадим...»

С женою Чуянов был еще откровеннее, и он сказал ей:

— Где же она, эта великая русская армия с ее суворовской «наукой побеждать»? Где, наконец, не липовые, а подлинные герои? Куда все это подевалось, черт побери?

На этот риторический вопрос Чуянова наш передовой советский читатель уже готов назвать имена, осиянные вечным отблеском Сталинградской битвы, — Чуйкова, Еременко, Рокоссовского, Людникова, Родимцева, Шумилова, Москаленко, Баданова и прочих. Да, имена этих героев давно высечены на скрижалях руин Сталинграда, но еще не пришло время им появиться на этих страницах, да и сам город на Волге еще не дымился руинами...

Среди этих героев — не липовых, а настоящих! — невольно припоминается и Ва-

сий Тимофеевич Вольский, генерал бронетанковых войск. Он умер от горловой чахотки сразу после войны, и о нем понемногу забыли. А — жаль! Этот человек в самый разгар битвы на Волге высказал особое мнение о событиях, несогласное с мнением самого Сталина и Генштаба, о чем не побоялся тогда же заявить открыто и честно, хотя рисковал не только карьерой, но и своей головой. С этим гордым человеком мы еще встретимся, читатель, но — позже...

А сейчас Вольский командовал 4-м танковым корпусом, который в штабах именовали «четырехтанковым» ибо весь корпус насчитывал всего лишь четыре танка.

— Чем богаты, тем и рады, — иронизировал Вольский...

Ему доложили, что в штаб привели пленных итальянцев.

— Спротивлялись? — вопрос естественный.

— Нет, сами пришли. С листовкой. Вот с этой...

В листовке было сказано: «Итальянцы! Ваш народ никогда не забудет имени Кавура, Мадзини и Гарибальди, изгнавших немцев-австрийцев из вашей прекрасной страны... Дело, которому служили патриоты Италии, теперь поругано Муссолини, подчинившим Италию гитлеровскому режиму... Россия никак не может быть вашим врагом, она никогда не угрожала и не может угрожать вашей родине. Вы, итальянцы, и сами понимаете это...»

— Понимают. Давайте их сюда. Поговорим...

Вошел офицер, за ним и солдаты, явно робеющие от непривычности обстановки. Пленные ожидали чего угодно, вплоть до зуботычин, но были потрясены, когда русский генерал в измазанном комбинизоне танкиста заговорил с ними на их же родном языке.

— Компаньо! — радостно возвестил Вольский. — Мне, поверьте, лучше видеть вас живыми в плену, нежели мертвыми перед своим фронтом. — Его голос временами сдвигался до шепота, и Вольский сам объяснил причину, показав на свое горло: — Застудил на маневрах в сибирской тайге. Крым уже не помогает, лечился у вас в Италии, а летом прошлого года собирался повторить курс лечения у ваших прекрасных ларингологов, но тут... Тут-то мы и стали врагами! Кстати, — спросил Василий Тимофеевич, — вы, компаньо, из какой дивизии? «Равенна» или «Сфорцака»?

— Нет, «Коссерия», — охотно отозвались пленные.

— Тогда... садитесь, — предложил Вольский. — Правильно сделали, что пришли сами и догонять вас было не надо. А что ваш Джованни Мессе? — спросил он офицера. — Уже в отставке?

— Нет. Стал заместителем у Итало Гарибальди. — Офицер Луиджи Комолло сказал, что Италия сыта Россией по горло. — Первый раз мы послались в Москву вслед

за Мюратом, королем неаполитанским, который потащил наших дедушек в Россию за своим зятем Наполеоном, и бабушки не вернулись к нашим бабушкам. Вторично мы сунулись вслед за англичанами под Севастополь — и после нас в Крыму осталось обширное кладбище. Теперь мы тащимся в обозах вермахта, а куда он завезет нас — неизвестно, но мы хотели бы умереть на своих постелях, а не в сугробах.

— Конечно! — рассудил Вольский, показав им листовку. — Тут не только Мадзини и Гарibaldi, тут и другое. Более важное. Я ведь знаю, что итальянцы народ храбрый. Но они хорошо сражаются, когда дело касается их Италии, а так... плохо!

— Мы хотим домой, — дружно заговорили солдаты. — В конце концов папа с мамой — это тоже не мусор. Если каждая русская тетка и спрячет нас в погреб, так каждый из нас до конца войны согласен быть ее страстным любовником. Лучше уж сидеть в погребе на картошке, нежели подыхать в немецком окопе...

Итальянцы достали письма своим родным и просили Вольского отправить их в Италию — через международный Красный Крест; плохо знакомые с географией России, они путали Дон с Волгой и, оказавшись плененными в излучине Дона, обычно начинали свои письма словами: «Привет с русской Волги!»

— Ну, до Волги-то еще далеко, — сказал им Вольский и, подумав, добавил: — Ну ладно. Письма отправим. Идите.

— Куда? — обомлели итальянцы.

— Да обратно. Не станем же мы из-за семи человек гонять в тыл конвоя. Идите. Заодно расскажите о нашем разговоре своим товарищам. И возвращайтесь обратно со всеми солдатами...

...Италия имела свою судьбу, неповторимую: в 1945 году не быть ей в числе стран побежденных, а быть ее народу в числе победителей! Согласитесь, что такое случается редко...

Прошло не так уж много времени с поры трагедии армий Тимошенко, а к Сталинграду до самого июля (точнее — до осени) еще выбирались бойцы, вырвавшиеся из кольца окружения. Кто из-под Харькова, другие от Барвенкова. Одетые во что попало, грязные и оборванные, озверевшие от крови пролитой и ненависти пережитой. Почти все окруженцы без каких бы то ни было документов. Теперь не знали, к кому обратиться, кто им поможет, а властей они тоже боялись, ибо окруженцев могли замести особы как «немецких агентов» (такое не раз бывало). Шлялись они как неприкаянные по улицам Сталинграда, как-то стыдливо козыряя офицерам, словно чувствовали себя виноватыми. Смотреть на них — страшно: вместо ремней на винтовках — фитили от керосиновых ламп, иные даже лошадей вели, а вместо поводьев — бинты сани-

тарные. Народ молчаливый. Сплошь небритые. Голодные. И... все-таки даже счастливые от того, что снова среди своих.

— Вот такие люди, — говорил Воронин, — злее всех дерутся. Они такое пережили, что теперь стали бессмертны.

Чуянов был согласен с мнением НКВД, но предупредил, что к окруженцам налипает немало бессовестной сволочи.

— Дезертиры и трусы только называют себя окруженцами, чтобы скрываться поудобнее. Они тоже опасны — сплетнями, страхами, домыслами... Кстати, как тюрьма твоя? Очистилась?

— Да всех вывезли в Камышин. Стенки же в тюрьме — вот такие. Так теперь ни одной камеры нет свободной.

— Как понимать, если всех вывезли?

— А так и понимай. В камеры столько народу набилось! От бомбежек прячутся. Скажи кому-либо — так не поверят.

— А ты что?

— А что я? Или сердца у меня нету. Ключи отдал от камер. Не откажешь ведь — с детьми многие. С бабками. Суп варят с макаронами. Такой дух в тюрьме...

Город-гигант просто распирало, так он был перенасыщен людьми. Тут и местные, тут и бежавшие с Дона, тут и наехавшие бог знает откуда в поисках тишины и покоя, а теперь эти беженцы не знали, что им далее делать, куда бежать:

— Мы-то, грешные, думали, что на Волге-матушке покой сыщем, а вот заехали — из огня да прямо в поля...

Сталинград постепенно огораживал себя противотанковыми рвами, сооружал блиндажи, копал траншеи. Всего отрыли 20 миллионов кубометров земли. Это легко пишется, еще легче говорится. А ты попробуй за один день десятки тысяч раз нагнуться и распрямить спину, чтобы поднять и бросить наверх лопату тяжелой земли. Трудом домохозяек и пенсионеров Сталинград опоясал себя кушаком оборонительных сооружений общей длиной в 487 километров. Такое расстояние даже не пройти — нужно объезжать на поезде... И не все было гладко. Некоторые не выдерживали. Бомбежек, драной обуви, иссушающего зноя, жажды, наконец. Просили у врачей справку о болезни, чтобы вернуться домой.

Сами женщины с рубежей и позвонили Чуянову:

— Мы тут вынесли резолюцию: врачам справок об освобождении по болезни не давать! Мы — коренные сталинградцы, здесь родились, здесь и помрем. Мы все соседи, и лучше врачей знаем, кто чем живет, кто больной, а кто дурака валяет...

Чуянов созвонился с тем же Ворониным:

— Слушай, эн-кэ-вэ-дэ. Тут дело такое. Бабы и сами разберутся, кто здоровый, а кто симулирует. Речь о другом. Издалека женщины видят, как бомбят Сталинград, и когда зарево стоит над городом от пожаров, тогда многие бегут в город, чтобы узнать — живы ли дети да старики ихние? Понял?

— Ну, понял... Нет, не понял, — сказал Воронин.

— Так пойми: таких не задерживать. Сердца материнские надо понять — ведь у каждой, считай, дите малое. Покал..

4 июля генерал Герасименко застал Чуянова плачущим.

— Семеныч, да что случилось?

— Севастополь... Я ведь грешным делом думал, что хоть до Урала нас допрут, а Севастополь так и останется нашим. А теперь вот... в самый последний миг Севастополь к нам обратился, словно эстафету какую нам передал. Прочти, что сталинградские радисты от севастопольских только что приняли...

«Прощайте, товарищи, и отомстите за наш разбитый Севастополь», — так было написано. Герасименко развел руками:

— А в нашей избушке свои игрушки. Сейчас со станции Боево сообщили, что батальон немецкой пехоты уже через Дон переправился. Откуда он там взялся — сам бес не догадается. А под Воронежем еще гаже — оборона уже прорвана...

— Как жить дальше — не знаю, хоть вешайся! — Чуянов еще раз глянул на прощальные слова Севастополя. — Я уже подсчитал. Двести пятьдесят дней они там держались, а в Крымскую кампанию... не помнишь ли, сколько?

— Шут его знает. Забыл. Кажется, около года.

В самом паршивом настроении Чуянов только к ночи вернулся к себе домой на Краснопитерскую, и сразу раздался звонок телефона (видать, за ним следили). Жена сняла трубку.

— Тебя, — сказала она. — Послушай, что говорят...

Чуянов сам взял трубку телефона: «Слушаю!» В ответ не женский, а на этот раз мужской голос, крепкий и уверенный:

— Это ты, сволочь поганая?

— Допустим, что я — сволочь. Все равно слушаю.

— Не вздумай бросать трубку. Двадцать пятого июля ты и твое потомство, заодно со своей б... будете повешены на площади Павших Борцов и висеть вам, пока веревка не сгниет.

— Сам придумал? Или научили тебя?

— Я говорю сейчас от имени германского командования, и ты, гад, от нас уже не скроешься. У нас руки длинные...

«Но откуда, из какой норы — не первый уже раз — вылезла эта гадина, добралась до телефона, чтобы брызнуть в нас ядовитой слюной?» — записал тогда же Чуянов.

По Краснопитерской улице гнали большое стадо свиней, едва ковлявших от усталости, потом в сторону пристаней пылило громадное стадо коров, и каждая, мотая головой, названивала в свой колокольчик, — эвакуировали колхозную скотину из дальних станиц Задонщины. Старики толкали перед собой визгливые тачки с домашним скарбом, женщины, босые и загорелые, тащили на себе неряшливые узлы. Много навидался Чуянов таких вот не-

счастливых беженцев, но запомнился ему мальчик в коротких штанишках с ширинками сзади и спереди, еще маленький, нес он на себе кошку, и эта кошка обнимала ребенка за шею лапамн, доверчивая, покорная, испуганная...

Сталинград начинал новый трудовой и боевой день.

До 23 августа будет еще много таких вот дней...

5. НА ЗАКАТЕ И НА ВОСХОДЕ

Борис Михайлович Шапошников лишь 44 дня не дождался нашей победы, и Москва проводила его в последний путь артиллерийским салютом, который правомерно вписался в симфонию викториальных залпов, слышимых во всем мире. Даже покинув Генштаб, маршал не оставлял службу; больной, он еще трудился, и в затруднительных случаях Сталин иногда говорил:

— Вот здесь нам необходимо выслушать, чему учит школа Шапошникова, передовая школа нашей военной науки...

Впрочем, эта «передовая школа» сложилась не вчера и не сегодня, она вела родословную еще из царской Академии Генштаба, из которой — задолго до революции — и вышел Борис Михайлович, последний из могикан «проклятого прошлого». Дух маршала Шапошникова, казалось, еще долго витал в кабинетах Генерального Штаба, а Василевский не спешил занять его пост, оставаясь лишь «временно исполняющим обязанности». Николаю Федоровичу Ватутину, своему заместителю, он говорил:

— Возможно, я принял бы этот пост, не задумываясь, если бы ранее не видел, как работает Борис Михайлович. Наблюдая за ним, я понял, какая Генштабу нужна голова, какая четкая организованность... Меня это и смущает! Пойми, Николай Федорович, я просто чувствую свою неготовность.

Ватутин по-дружески советовал Василевскому все же не отказываться от того кресла, что покинуто Шапошниковым:

— Тем более, что карьеристы уже стали выдвигать Тимошенко, а сам Тимошенко подсаживает на место Шапошникова генерала Голикова, что до войны был начальником разведки Генштаба, а ныне Брянским фронтом командует... плохо командует!

— День ото дня не легче, — вздохнул Василевский.

Положение нашей страны с каждым днем осложнялось. Весною турецкий премьер-министр Сарадж-оглу получил призыв из Берлина: мол, именно сейчас «была бы

весьма ценной (для Германии) концентрации турецких сил на русской границе» — возле Кавказа. В ответ Сарадж-оглу заявил, что он страстно желает уничтожения России. «Уничтожение России, — сообщал он, — является подвигом фюрера, равный которому может быть совершен раз в столетие... Русская проблема может быть решена Германией только в том случае, если будет убит половина всех живущих на свете русских! Об этом изуверском желании нашего ближайшего соседа стало известно в Москве.

— Будет скверно, — сказал Василевский Ватутину, — если танки Клейста нажмут от Ростова, а турки ударят снизу по Еревану. Теперь нам следует учитывать и угрозу со стороны Турции.

В газетах, доселе утешавших читателей, появились фразы, на которые не каждый мог обратить внимание: «Над родиной снова сгущаются грозные тучи...» Александр Михайлович Василевский навестил больного маршала Шапошникова, поделился своими заботами. Стратегические резервы Ставки были израсходованы еще весной в тех операциях, которые успеха не принесли. Между ними возник разговор, в чем-то схожий с тем, который однажды вели меж собою Чуянов и генерал Герасименко.

— Наверное, — сказал Василевский, — и история этой войны будет писаться после войны и только со дня наших побед. Но где они, эти громкие победы, способные переломить хребет врагу?

Борис Михайлович приподнялся с дивана, взволнованный:

— Такая мысль, голубчик, есть предательство по отношению к тем мертвым, которые не сложили оружия еще в сорок первом. Некоторые кладут свои жизни на фронте и поныне. Легче всего вырвать мрачные страницы из летописи наших поражений, чтобы сразу обрести задиристый и бравадный тон. Но мы, — утверждал Шапошников, — не имеем морального права украшать свои же просчеты яркими павлиньими перьями. Чем откровеннее признаем перед народом свою растерянность в сорок первом, свои трагические ошибки в эту весну, тем больше пользы для будущего...

Затишье в обороне всегда обманчиво, а враг начинает казаться надоедливой, примелькавшей детально военного пейзажа — не больше того. 28 июня барон Вейхс нанес мощный удар со стороны Курска, а через два дня 6-я армия Паулюса стала наступать южнее — и началось! Противник верно нащупал слабинку в стыке Брянского фронта Голикова с фронтом армий маршала Тимошенко; танки армии Генриха Гота врезались в эту мягкую и ослабленную подвздошину двух наших фронтов, разорвав их широкой кровоточащей раной. Прямо на Воронеж двинулась моторизованная дивизия «Великая Германия»... А на улице Хорла — дым столбом! Жгли и рвали штабные документы, волокли в грузовики тяжеленные сейфы, девушки-сол-

датки металсь, не зная, куда сунуть пишущие машинки, а жители села плакали: — Господи! Да на кого ж вы нас покидаете?..

Фельдмаршал фон Бок из Полтавы подгонял Вейхса, положение которого под Воронежем напоминало «топтанье на месте». Гитлер же в «Вольфшанце» бесновался перед Кейтелем:

— Что там делают мои генералы? Они теряют драгоценные дни. Я ведь уже говорил, что, если Воронеж не сдастся, его можно оставить в покое. Мне надоели разговоры о флангах! Главное сейчас: четвертая танковая армия Гота! Чтобы она скатывала дивизии Тимошенко вдоль правого берега Дона, как скатывают паршивые ковры... Это ваши слова, Кейтель! Не отпирайтесь. А глупый барон Вейхс застрял под Воронежем, мешая Готу выполнять самую насущную задачу плана «Блау» — по выходу в излучину Дона...

Лишь 7 июля барон Вейхс информировал Паулюса:

— Можете меня поздравить, — с явным облегчением сказал он. — Наши танки ворвались в Воронеж, когда по улицам еще бегали трамваи, а на перекрестках дежурили милиционеры. Это надо было видеть, как разбегались очереди мужчин от газетных киосков, женщины и дети от ларьков с квасом и мороженым...

Вейхс приврал! Воронеж был захвачен им лишь частично: в наших руках оставались предместья Отрожка и Придача, начались уличные бои, красноармейцы удерживали Университетский район на северных окраинах города. Битва за Воронеж продолжалась, и не скоро ей кончиться. Но теперь 4-я танковая армия Гота (хотя и с опозданием) стала лавиной сползать вниз вдоль берегов Дона, и тогда все армии Тимошенко, действительно, начали скручиваться в упругий рулон, быстро отесняемый к югу.

От Ельца до Таганрога возник сплошной грохочущий фронт!

Тимошенко отводил свои армии на восток...

Сталин давно разуверился в полководческих талантах маршала, но, очевидно, держал Тимошенко на фронте по соображениям политического порядка, дабы не давать лишнего повода для злорадства геббельсовской пропаганде.

— Надо искать ему замену, — не раз говорил он.

К тому времени два наших видных полководца, Рокоссовский и Еременко, с трудом выправлялись после тяжелых ранений. Рокоссовский с осколком в спине не выдержал и «сбежал» из госпиталя, не долечившись, а генерал Андрей Иванович Еременко передвигался на костылях, и когда их оставит — неизвестно.

Сталин, когда Василевский вернулся в Москву, сказал, что пришло время менять командование. Обстановка требует образования Воронежского фронта — самостоя-

гельного, а Брянский фронт можно смело доверить К. К. Рокоссовскому.

— Надеюсь, никто возражать не станет. Гораздо сложнее с вопросом, кого назначить на Воронежский фронт?..

Генерал Ватутин, заместитель Василевского, встал:

— Товарищ Сталин, назначьте меня.

— Вас? — удивился Сталин, вскинув брови. — Ладно, — сказал он помедлив, — при условии, если товарищ Василевский не станет возражать, теряя такого хорошего работника Генштаба. — Сталин походил вдоль стола и сказал Василевскому: — А товарищ Голиков пусть послужит заместителем у товарища Ватутина, чтобы пострадал своим самолюбием... Так ему и надо!

Рокоссовскому предстояло командовать Брянским фронтом. Он появился в кабинете Сталина — стройный, подтянутый. Сталин обошел генерала вокруг, словно любуясь его гвардейской статью.

— Ну, как? Еще побаливает? — слегка тронул за спину.

Ответ последовал — с юмором:

— Осколок застрял возле позвоночника. Но, если верить медицине, доля железа организму даже необходима.

— Тогда посидите, — сказал Сталин, и в кабинет вызвали генерала Козлова, разжалованного после поражения под Керчью. — Товарищ Козлов, — мягко начал Сталин, — мне говорят, вы сильно обиделись, будто мы вас наказали несправедливо.

Рокоссовский переживал за Козлова — хватит ли мужества отвечать правду или согласится со всем, что с ним сделали?

— Да, — смело сказал Козлов, — ваш личный представитель Мехлис мешал командованию. Своим партийным авторитетом он пытался подавить меня, командующего, а мои распоряжения оспаривал и высмеивал. Издевался! Если бы не вмешательство Мехлиса, думаю, не Манштейн, а мы были бы сейчас в Севастополе, а сам Манштейн купался бы в море со всей своей армией.

— Но кто командовал фронтом... вы? — спросил Сталин.

— Я.

— Связь со Ставкой у вас по ВЧ была?

— Была.

— Вы докладывали, что вам мешают командовать?

— А как мне жаловаться на вашего же представителя? Сравните меня, генерала Козлова, и этого Льва... Захаровича.

— Вот за то, что боялись позвонить мне и потребовать удаления Мехлиса, в результате заporоли все наши дела в Крыму, вот за это вы и наказаны народом, партией и мною. Идите.

«Я — писал Рокоссовский, — вышел из кабинета Верховного Главнокомандующего с мыслью, что мне, человеку, недавно принявшему фронт, был дан предметный урок...»

Прибыв на фронт, Константин Константинович встретил немало боевых друзей;

он был всегда любим людьми. Рокоссовский завел себе кошку, она нежилась под настольной лампой, гуляя по оперативным картам, а командующий фронтом трогал карандашом ее усы, ласково приговаривая:

— Ну, что, бродяга? Валяешься? Хорошо тебе? А мне вот плохо. Там, наверху, виноватых ищут. А я даже прощаю тех, кто провинился. У нас ведь как? Снимут одного и пришлют другого, еще больше виноватого. Разжалуют кого-либо, а взамен присылают другого, тоже разжалованного. Одни — вверх, другие — вниз. А вот тебе всегда хорошо. Никакой ответственности...

Глубокой ночью солдат, лежавший в дозоре близ передовой, был удивлен, когда к нему тихо-тихо подошел командующий фронтом и прилег рядом:

— Оставь мне свою винтовку, а сам иди. Скажи, чтоб покормили. И выспись, братец. А я до утра побуду здесь, вместо тебя. Иди, иди. Я не шучу. Я ведь тоже солдат...

Не сразу, а постепенно устранились негодные фанфароны, с трудом оформлялась армия, которой суждено было пройти через неслыханные поражения и уверовать в таланты своих полководцев, имена которых останутся святы в нашей ущемленной грехами памяти.

— А что нам делать с товарищем Тимошенко? — спрашивал Сталин начальника Генштаба. — Уж очень он теперь старается, чтобы Гот или Паулюс не посадили его в новый котел. Не потому ли и убегает так быстро, что за ним и на танке не угонишься?

6 июля Василевский появился в сильном волнении.

— Что случилось? — встревоженно спросил его Сталин.

— Страшно сказать: маршал Тимошенко пропал.

— Как? — воскликнул Сталин. — Опять пропал?..

«Пропавший» маршал — это, пожалуй, гораздо опаснее, нежели «пропавший» самолет майора Рейхеля с его портфелем... Тут всякие мысли приходят в голову: недавно сдался в плен генерал Власов, но маршал-то весомее генерала.

— Найти! — указал Сталин. — Живого или мертвого!

6. НА ФРОНТЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН

Жизнь продолжалась — даже сейчас, когда до смерти-то два шага, и при донских станицах и городках, возле опрятных хаток и полустанков расцветали как ни в

чем не бывало прекрасные и стыдливые мальвы. Было отчасти странно входить в степные поселки, где вечерами еще работали клубы, дикими и непонятными казались шумливые очереди в кассу за билетами, чтобы еще — в сотый раз! — посмотреть дурашливую комедию «Волга-Волга»; на пыльных площадках полустанков еще танцевали под всхлипы гармошек солдаты с местными девушками, тут же влюблялись и расставались, чтобы больше никогда не увидятся.

Но иногда в теплых лиричных сумерках слышалось:

— Кончай кино показывать! Будет вам вальсы раскручивать! Иль не слышали, что пора всем драла от фрица давать?

— Да брось, — отвечали жители. — Лучше почитай сводки в газетах: на фронте без перемен, и до нас беда не дойдет.

— А ты вон тамотко пыль-то видишь ли?

— И что? Небось опять стада...

— Не стада! Через час танки здесь будут...

Вольфрам Рихтгофен имел 1 400 самолетов — больше половины всей авиации, которую Геринг держал на Восточном фронте, и вся эта армада, убивающая и завывающая, беспощадная и наглая, вихрилась теперь над нашими армиями в степи, где человеку негде укрыться от бомб, где ты всегда останешься виден. А на речных переправах — ад кромешный, все там перемешалось: автоколонны, коровы, медсанбаты, танки, повозки, лошади, пожитки беженцев и фургоны со снарядами... ад!

Алан Кларк, хороший английский историк, писал, что немецкие танковые колонны угадывались даже за 60 километров — это была чудовищная масса пыли, которая перемешивалась с дымом и пеплом горящих деревень, и это грозное облако, застилая горизонт, за ночь не успевало рассеяться над степью, а утром становилось еще плотнее, смешиваясь с новой тучей пыли. Зрелище гигантской армады танков и техники было, конечно, впечатляющим, и сами же немцы были не в силах сдержать своего восторга перед той могучей силой, что надвигалась на большую излучину Дона: войска вермахта двигались даже не по дорогам, которых почти не было, а катились прямо по гладкой степи (и фотография этой армады, которая лежит передо мною, действительно, ужасает!). «Это строй римских легионеров, — писали немецкие корреспонденты, — но перенесенный в XX век для укрощения монголо-славянских орд...»

Берлинская «Фёлькишер беобахтер» общала читателям, что русские отходят даже без выстрела (во что верить не следует): «Нам весьма непривычно углубляться в эти широкие степи, не наблюдая признаков противника...» Гитлер в эти дни ликовал, и Кейтель сказал Йодлю — как бы между прочим:

— В состоянии подобной эйфории наш фюрер был, кажется, только после падения Парижа... Заметили?

— Возможно, — согласился Йодль. — Из абвера, кстати, поступило сообщение: в Кремле сейчас настроение, подобное тому, что было летом прошлого года. Следует ожидать, что Сталин начнет изыскивать побочные контакты для нового Брест-Литовского мира с нами... на любых, конечно, условиях, лишь бы ему не потерять своего положения в кабинетах Кремля!

Верно, Гитлер так радовался успехам своего вермахта, что, сменив гнев на милость, сам же позвонил в Цоссен.

— Теперь с русскими покончено! — извещил он Гальдера.

— Похоже, так оно и есть, — скупо отвечал Франц Гальдер. Несогласный с фюрером во многом, он сам уже заметил, что центр армии Паулюса уподобился клину, достаточно острому по форме, и что по мере продвижения к Волге его фланги слабеют, обнажаясь.

Об этом он из Цоссена и доложил фюреру.

— Перестаньте о флангах! — прервал разговор Гитлер...

Это были как раз те дни, когда Черчилль собирался лететь в Москву, он пил гораздо больше, чем можно пить в его годы, и часто вызывал нашего посла Майского, чтобы спросить его с некоторой ехидцей: когда же «дядюшка Джо» (Сталин) обратится к Гитлеру с просьбой о заключении мира?

Удивляться тут нечему: британская разведка работала, и работала она хорошо, зная о том, о чем мы не догадывались...

Кажется, войскам армии Тимошенко готовились клещи: от Воронежа скатывалась танковая армия Гота, южнее их подпирала мощная армия Паулюса, грозя окружением. Вокруг же, на множество верст, куда ни посмотри, до небес вздымались гигантские столбы черного дыма — горели деревни, фермы, хутора. МТС, колхозы. Горизонт утопал в непробиваемой пылице, которая не успевала рассеяться за ночь: это двигались танки с пехотой, это брели стада и толпы беженцев с котомками за плечами. Сверху людей обжигало палящее солнце, пикировали на них бомбардировщики. Пыль, гарь, сухота, безводье... Ветеранам 1941 года невольно вспоминались прошлогонные дороги былых отступлений:

— Нет, — сравнивали они, — в этот раз хуже...

И — страшнее: «Тогда (в 1941 году) было меньше войск, техники. Тогда мы знали: захваченная врасплох страна там, в тылу, только еще собирает силы. А сейчас — вот он, прошлогонный тыл, вот силы, накопленные за год...»

Сколько горьких, злых, справедливых слов сказано в те дни о неоткрывшемся втором фронте!

— А, мать их всех! — ругались солдаты. — Начертили планы и никаких результатов. Мы за всю Европу, за всю Америку должны тут, в этом пекле, за всех отбрыкиваться...

Но Тимошенко не терял присущей ему бодрости.

— В этот раз, — авторитетно заверял он, — мы не доставим удовольствия немцам и в окружение не влипнем. Лучше сохраним силы в планомерных отходах на вторые и третьи позиции...

Вечером, измотанный усталостью, он сидел в убогой мазанке, хлопотливая крестьянка угощала маршала варениками. Очевидец оставил нам описание этой горестной сцены: «Старуха-хозяйка подседа рядом, долго смотрела на Тимошенко.

— Видела тебя на портрете. Там ты молоде и бритый... Вона, у тебя танки есть, всякие машины, самолеты летают... У меня сынок в ту войну унтер-офицером был. Как сел на Карпаты, так и не пустил туда немца. А ты со своими танками да самолетами вона куда докатил. Где-то теперь остановишься?

— Назад вернемся, — мрачно ответил Тимошенко.

— Чего же взад-назад ходить?...

Тимошенко встал, поклонился хозяйке:

— Спасибо, мамо, за вареники и за разговор спасибо...»

А разговор получился тяжелый, глубоко ранящий. Но приходилось терпеть, ибо глас народный — глас божий!

Начиная с 6 июля Ставка не раз теряла маршала Тимошенко, который сторонился всяких переговоров. Вел он себя несколько странно, избегая общения со своим штабом, на вопросы даже не отвечал. 7 июля его штаб покинул Россошь и переместился в Калач (Воронежский), но Тимошенко почему-то остался в Гороховке.

— Вы поезжайте, — сказал он, — а я... Гуров со мною! Вот я с Гуровым тут посижу да подумаю.

Странное решение! Штаб терял связь с армией, а он, командующий армией, сознательно отрывался от своего штаба. По этой причине Москва получала из штаба Тимошенко одни сведения, а Семен Константинович иногда заверял Москву, что причин для волнений нет. Потом маршал вообще пропал, в Гороховке его не было, а куда он делся — никому неизвестно.

Василевский в эти дни даже почернел от переживаний, безжалостно обруганный Сталиным за то, что Генштаб потерял контроль над положением фронта, самого ответственного сейчас. Операторы сбились с ног, отыскивая пропавшего маршала, между собой делились сомнениями, что с Тимошенко это не первый раз:

— Помните, под Харьковом... он тоже «пропадал». Весь день просидел в кустах или под мостом. А где сидит сейчас?

Генерал Бодин, посланный на фронт, как представитель Генштаба, докладывал в Москву: «Его (маршала) отсутствие не позволяет проводить неотложные мероприятия... у меня есть определенные опасения, что это дело добром не кончится!» Никита Сергеевич Хрущев высказал то, о чем другие боялись и думать:

— Слушайте, а не драпанул ли он к нем-

цам? Ведь за такие дела, как наши, ему головой отвечать придется...

«Появилась, знаете, у меня такая мысль, — вспоминал позже Хрущев. — Хотел ее отогнать, но она сама нанизывалась на факты... Естественно, зародились нехорошие мысли». И лишь 9 июля раздался в штабах почти торжествующий вопль:

— Нашли! Жив наш маршал.. вот он, объявился!

Тимошенко, как всегда, выглядел бодро, он вел себя так, будто ничего особенного не случилось, а на все вопросы отмалчивался. Вместе с ним был и Гуров, который шел, низко опустив голову, словно опозоренный. От маршала ответа не дожидаясь, а потому все наседали с вопросами на Гурова:

— Так где же вы были? Объясни, наконец.

— Идите все к черту! — мрачно отвечал Гуров...

Газеты бестрепетно возвещали прежде: «на фронте без перемен», и потому люди интуитивно чувствовали:

— Без перемен — значит, погано. Боятся сказать правду...

— Так где же вы были? — продолжали пытать Гурова.

— А откуда я знаю? — огрызнулся тот, явно смущенный...

Наконец, сам Н. С. Хрущев спросил его об этом же.

— Маршал, — отвечал Гуров, — отыскал стог сена, забрался в него, бурку свою разложил и говорит мне: давай, мол, Кузьма Акимыч, посидим здесь, чтоб не приставали.

— Что? — удивился Хрущев. — Так и сидели в стогу?

— Да нет. Иной раз, заведя отступающих, маршал вылезал из сена и показывал, куда идти, где сворачивать.

— О чем хоть думали-то... в сено забравшись?

— Маршал сознался, что сил нет появляться в штабе: «А что там делать? Хозяин станет по ВЧ мытарить, а что я скажу в оправдание? Войск нет. От меня требуют жесткой обороны, для которой сил нет...» Вот так и сидели!

— Хорошо, хоть выбрались из этого стога, — сказал Хрущев. — А то ведь, знаешь, что я тут думал? И не один я.

— Догадываюсь. — согласился Гуров...

Только 9 июля Тимошенко удалось залучить в Калач — к аппарату Бодо, и в разговоре со Сталиным маршал открыто и честно признал свое бессилие и слабость своих войск:

— Над моей армией нависла серьезная опасность!

Вот с этого и надо было начинать, а не отсиживаться на куче сена, разложив под собой героическую бурку эпохи гражданской войны. Язык не повернется, чтобы в этом случае винить и Гурова в трусости (вспомните, как он на танке вырвался из

котла под Барвенково — человек смелый!). Но появление Тимошенко в Калаче ничего не изменило: его фронт разваливался, маршал жаловался Сталину, что без подкреплений и авиации ни о каком отпоре противнику и речи быть не может.

— Враг очень силен, товарищ Сталин.

— А это я и без вас знаю, — грубо отвечал Сталин...

Наверное, в давних боях за Царицын маршал чем-то угодил Сталину, ибо даже сейчас голова его уцелела, Тимошенко продолжал оставаться героем штурма «линии Маннергейма». Но в Москве наконец-то поняли, что события на южных фронтах стали неуправляемы, а Семен Константинович, кажется, и не был способен управлять ими. В одном маршал был прав: немцы хотели его войска взять в кольцо окружения, а он из этого кольца выкручивался, отступая все дальше и дальше... А куда же дальше?

Южный фронт генерала Р. Я. Малиновского рискованно склонялся к Ростову, а войска Тимошенко отжимались Паулюсом за Дон, а в рядах наших отступающих бойцов все чаще можно было услышать:

— Что ж это, земляки? Весною хотели из Днепра напиться, а сами уже за Дон тащимся. Гляди, так и до Волги недалече.

— А мы что? Мы люди маленькие. Скажут остановиться, мы и остановимся. Начальство виднее.

— Да где ты видел-то начальство? Лучше в газетку вчерашнюю глянь: на фронте у нас без перемен. Вот и получается, что там, наверху, ни хрена еще толком не знают...

Понятно, что им, рядовым труженикам военной страды, не дано было знать, что «там, наверху» — в ночь на 12 июля — родилась грозная директива Ставки № 170495: «Прочно занять Сталинградский рубеж западнее реки Дон и ни при каких условиях не допустить прорыва противника восточнее этого рубежа в сторону Сталинграда», — солдаты не знали, что в Ставке уже смирились с тем, что немцы займут излучину Дона, а им, солдатам, будет разрешено переплывать на восточный берег тихого Дона...

В ту же ночь фельдмаршал фон Бок, сильно встревоженный, вышел на связь с Гитлером и стал доказывать, что, пока Вейхс не разделался с Воронежем, дальнейшее продвижение к Сталинграду и на Кавказ опасно для вермахта:

— Мой фюрер, не забывайте о флангах, — напомнил он.

— Вы мне более не нужны! — отвечал Гитлер, взбешенный тем немаловажным обстоятельством, что какой-то там фельдмаршал осмеливается учить его, бывшего ефрейтора...

Гитлер спустил директиву для Вейхса, словно предчувствуя, что сказано в директиве Сталина: «Не позволять противнику отступить на Восток и уйти через реку Дон...»

Сталин — разрешал, а Гитлер — запрещал!

Вейхс никогда не был заметным дарованием в рядах пышного генералитета немецкого вермахта, и он, человек умный, с оттенком грусти известил Паулюса, что именно отсутствие талантов выдвинуло его на высокий пост в такой напряженный момент, — Гитлер, по словам барона, сделал из него удобную пешку, а сам остался ферзем, от которого зависит и участь пешки.

— Фюрер запретил русским выкупаться в Доне, приказав задушить их в дуге большой излучины, но — посмейтесь, Паулюс, вместе со мною! — русские уже переправляются на левый берег Дона, никак не желая оставаться в пространстве этой излучины...

Немецкие «панцеры» генерала Альфреда Виттерсгейма уже ворвались в мирную Ольховатку, танкисты 14-го танкового корпуса, столь обожаемые Паулюсом за дерзость, мигом растащили с маслобоен все сливки и сметану — котелками и касками, они алчно заглывали масло целыми кусками; отсюда оставалось всего 30 километров до Россоши, жители которой еще не подозревали о близости врага, наввно полагая, что они живут в глубоком тылу. Паулюс давно не улыбался, усталый.

— Барон, — сообщил он Вейхсу, — ожесточение русских накалено да такой степени, что моя пехота отказывается ходить в атаки без танков, а танкисты Виттерсгейма прежде запрашивают прикрытие с воздуха...

В тот же день, до предела насыщенный событиями, московские газеты вдруг перестали вспоминать Юго-Западный фронт, который был упразднен. Но газеты, подвластные жесткой цензуре, стыдливо умалчивали о том, что взамен исчезнувшему фронту Сталин распорядился образовать новый — СТАЛИНГРАДСКИЙ, командовать которым оставался опять-таки маршал Тимошенко. Довольный, что так случилось и больше не придется мотаться по пыльным шляхам, маршал, поникший от неудач, выбрался из легкой машины на площади Павших Борцов...

— Ах, как здесь хорошо! — сказал Семен Константинович. — И словно нет войны. Даже, глядите, за пивом очередь... Сколько тут цветов! Ах, до чего ж я люблю запах цветущих акаций...

В газетах, чтобы людей не пугать раньше времени, Сталинград еще не поминался, писалось о том, что наши войска планомерно выравнивают свои позиции (отступая, добавлю я от себя), комсомолец Петухов двумя последними гранатами уничтожил два вражеских танка, прядильщица Ивановского полотняно-ткацкого комбината взяла на себя новые социалистические обязательства по случаю геройских побед Красной Армии, а концерты латышской певицы Эльфриды Пакуль проходят с неизменным успехом... Ну, так и надо!

А в Сталинграде — правда — благоухали акации.

В густой пылище утопали фронтовые грузовики, сплошь забитые ранеными, в кузовах иных машин везли солдат, столь утомленных, что они не просыпались даже от толчков на ухабах. Какие там дороги? Иногда шоферы гнали свои машины прямо по целине, а взрывы бомб или снарядов на поле подсолнухов осыпали бойцов тучами перезрелых семечек... Пыль, пыль, пыль — почти как по Киплингу! Эта пыль лежала на людях, словно плотное бархатное одеяло. Пить хотелось, только бы — пить...

— Немцы-то где? — вопрошали встречные.

— Да, эвон... недалече отсель. Подпирают.

— Много их, паскудов?

— Бить — не перебить. На всех хватит. Диву даешься! Откуда в Германии столько мужиков здоровых набрали? Кажись бы, уж после Москвы — все ясно, наша взяла, ан нет... Хреново!

К отступающим присоединялись жители, обычно те, что помоложе, шли женщины с детьми, и солдаты брали детей на руки, а с матерями, шагавшими рядом, судачили о том, о сем, беседея житейски. В деревнях и станицах собаки уже не лаяли — привыкли к тому, что теперь много-много людей ходит туда и обратно, какой-нибудь Шарик или Жучка иногда для приличия гавкает из-под забора, но тут же и хвостом завилает, словно извиняясь за собачью невежливость...

Хлебные поля наливались колосом, который в этом году отряхнет свои зерна не в ладонь человека. Сады обогащались плодами, которые деревья роняли на землю, никого больше не радуя. И сама добрая мать-земля заново наполняла пустые колодцы водой, которую выпьют злые пришельцы. Однажды солдаты видели лошадь с оторванной ногою; стоя на трех ногах, она продолжала хрумкать травой. Потом заржала — прощалась.

Плакать хотелось вчерашним мужикам от этого ржанья:

— Ну, ладно уж мы... человеки! Притерпелись. А вот животная... Разве объяснишь, за што ей такие муки выпали?

Жарица была — выше сорока градусов. Полуголые танкисты армии Гота высывались из люков своих машин, на их груди качались уродливые амулеты, сулившие им бессмертие. Немецкая пехота шагала в нижних рубашках и трусиках. Завидев колонны отступающих русских, немцы горланили еще издали — почти дружелюбно, совсем без воинственной злобы:

— Эй, рус, ком, ком... рус, капут! Сдавайся...

Нет, теперь-то русские им не сдавались. А скоро отступающие войска Тимошенко заметили, что не вровень с ними, а навстречу им, израненным и оборванным, двигаются новые войска — бодрые, уверенные, отлично обмундированные, идущие не шалей-валяй, а чуть ли не в ногу — праз-

нично. Словно не ведая того, что впереди ожидает враг, они смело шли наперекор общему потоку — на запад. Как тут не удивиться?

— Эй, куда вас понесло, братцы? Там уже немец.

— Ты и драпай дальше. А мы знаем, куда нам надо.

— Откуда вы, славяне? Какая армия?

— Шестьдесят вторая... непромокаемая, нестерраемая!

Скоро на позициях приметили нового генерала. Еще молодой, курчавый, резкий в движениях, недоверчивый к докладам штабов, этот генерал так и лез под огонь, чтобы все видеть своими глазами. При этом — даже в окопах — не снимал белых перчаток.

— Кто такой? — спрашивали вокруг с большим недоверием.

— Чуйков... наш генерал. Из Китая приехал.

— А зовут-то его как?

— Как и Чапаева — Василием Ивановичем.

— Чего это он в белых перчатках, как на параде?

— А бес его знает. Видать, фасон держит...

7. «СТЕПЬ ДА СТЕПЬ КРУГОМ...»

Знойный день миновал. Чуть-чуть повеяло едва заметной прохладой. Поникла в полях пшеница, картофельные поля давно были вытоптаны инфантерией, размолоты гусенницами танков. В вечерней духоте жалобно попискивали степные суслики.

— А мы, кажется, заблудились, — сказал фельдфебель Гапке.

Его взвод с утра рыскал по бездорожью, отыскивая хутор Поливаново, два вездехода марки «Кюбель» тархтели за ним, иногда повсвечивая фарами. Гапке вдруг широко раздул ноздри:

— Клянусь, здесь кто-то жарит печенку.

Тут и все солдаты принюхались:

— Наверняка кукурузники... жрут, как всегда.

Заглянули в ближайший овраг — точно! Там горел костерок, а румынские солдаты жарили на вертеле печенку.

— Эй, откуда у вас такая роскошь? — окликнули их немцы.

— Лошадина! Румыния всегда славились кавалерией.

— А на чем поедешь, если лошадь осталась без печенки?

— На ваших грузовиках. Мы уважаем немецкую технику.

— Вы слишком сообразительны! — хо-

хотал Ганке. — Техника не для вас. Впрочем, гони сюда печенку, пока она не подгорела, а мы устроим вам плацкартные места в нашем «Кюбеле» без брезента.

Кроме румын, хорватов и мадьяр, к 6-й немецкой армии примыкали, почти растворяясь в ней, войска итальянской армии. Паулюс не торопил Гарнбальди, держа союзников подальше от передовой, не слишком-то им доверяя.

6-я армия Паулюса впервые применила новое оружие вермахта — шестиствольные минометы, поражающие сразу большие площади, наносившие большой урон нашей пехоте.

— Прекрасно! — восторгался Шмидт. — Силы нашей армии мощной глыбой нависли над армиями Тимошенко, и маршал спешно отводит полукругленные войска, боясь их полного оцепления.

— Вот это-то и плохо, что он их отводит. Фюрер заинтересован не в отступлении, а в уничтожении живой силы противника... Кто сейчас торчит перед нашим носом? — спросил Паулюс.

— Двадцать первая армия русских.

— Я не о номере — кто ею командует?

— Генерал-майор Гордов.

— Не знаю такого. Видер! Дайте о нем аннотацию...

Иоахим Видер доложил: В. Н. Гордов десять лет назад окончил Военную академию, был на штабной работе, отличается неуживчивым характером, авторитетом среди подчиненных не пользуется.

— Шмидт, где сейчас «ролики» четырнадцатого корпуса?

— Виттерсгейм в движении к югу от нас.

— Разверните его на меня, — велел Паулюс. — И пусть молодца Виттерсгейм ударит по Гордову так, чтобы этот неуживчивый генерал потерял последние остатки авторитета...

21-я армия была раздавлена. Гордов первым отвел войска на левый, восточный, берег Дона, когда другие наши армии еще сражались на западном (в предполье большой излучины Дона). В два часа русской тягостной ночи Берлин отмечает полночь; в это время по радио комментировались дневные сводки ОКВ, звучали радостные фанфары, диктор предупреждал: «Внимание, говорит Ганс Фриче, все слушайте Ганса Фриче...» Фриче заполнял эфир трескучей буфоннадой о подвигах 6-й армии Паулюса:

— ...мне трудно говорить, — притворно задыхался он, как астматик, у своего микрофона (будто и в самом деле не мог дышать от дыма сражения). — Моя радиоустановка не успевает следовать за бросками армии, пренсполненной пламенной верой в своего народного полководца. Поверьте, они едины — и сам Паулюс, и его гренадеры, каждым шагом утверждающие в русских степях могущество непобедимых идей нашего великого фюрера. Враг растерян. Враг бежит. Враг мечется в безумных поисках выхода...

Снова шли письма от Лины Кнауфф из далекого Касселя, и это было Паулюсу даже неприятно, а из Берлина звонила жена, милая Коко, поверившая в радиоболтовню Ганса Фриче. В эти же дни капитан танковых войск вермахта Эрнст-Александр Паулюс вернулся из отпуска, который провел в Предеале, на климатическом курорте Румынии. Вид отца поразил его — лицо Паулюса, дочерна загоревшее, словно обугленное, было покрыто множеством морщин, напоминая старинный фарфор в мельчайших трещинах. Изложив домашние сплетни о бухарестских родичах, сын просил:

— Мой румынский дядя хотел бы, папа, чтобы ты позаботился о румынских частях, которые снабжаются хуже наших... А правда ли, что мы в этом году можем зимовать в Мессопотамии, где тоже богатые нефтепромыслы?

Паулюс пехотя отвечал сыну, что до мосульской нефти в Ираке еще далеко, а нефтяные вышки Майкопа откроются перед вермахтом сразу за Ростовом, который еще предстоит взять:

— Впрочем, это забота не моей армии, а фельдмаршала Листа и Клейста с Готом, а мне предстоит брать Сталинград, после чего мы спустимся вниз по Волге — до Астрахани. Включи радиоприемник, пришло время послушать истернку Ганса Фриче...

Это случилось 3 июля, когда Ганс Фриче у м о л к.

— Странно, — сказала Паулюс, — Странно и даже любопытно бы знать, кто из великих мира сего заткнул его пробкой...

Через день советская авиация АДД (авиация дальнего действия) сожгла склады горючего, упрятанные на дне глубоких степных оврагов, и Паулюс потерял пришее ему хладнокровие.

— Это уже из области мистики! — воскликнул он, досадуя. — Какое роковое совпадение! Я застрял с пустыми баками в тот же самый день, когда опустели баки и танков Роммеля, выскочившего к оазисам Эль-Аламейна. Но, лишив меня горючего, русские обеспечили себе тактическую передышку...

5 июля его армия форсировала Оскол, а Шмидт напомнил:

— По планам «Блау» нам осталось лишь двадцать дней до взятия Сталинграда, но, кажется, мы в сроках опаздываем.

— Шмидт! — обозлился Паулюс, сорвавшийся в крик. — Играйте со своим «чертиком», а не листайте календарь, словно невеста, высчитывающая, сколько ей осталось дней до блаженной свадьбы...

7 июля вся мощная группировка армий «Юг» была разделена Гитлером по двум стратегическим направлениям: группа армий «А» фельдмаршала Листа была нацелена точно на Кавказ, а группа армий «Б», подчиненная Вейхсу, устремлялась в большую излучину Дона; 6-я армия Паулюса стала главным колющим оружием, она стала как бы тяжеловесным молотом, чтобы ударом в сердцевины великой русской реки разрушить кровообращение всей эконо-

мики России, чтобы пресечь все связи России с югом...

Общее руководство группами «А» и «Б» взял на себя Гитлер!

Паулюс в это время находился в Миллерово, зловонном от гниения трупов, и он уже начинал понимать то, что понял и Франц Гальдер в тихом уютном Цоссене, благоухающем резедою (оба они мыслили одинаковыми стереотипами). Но беспокойство Паулюса усилилось, когда его навестили командиры дивизий — Отто Корфес, Мартин Латтман, Арно фон Ленски, и по лицам этих генералов он догадался, что предстоит серьезный разговор.

Начал его, как и следовало ожидать, «доктор» Корфес, сначала заговоривший о бескрайних русских пространствах:

— Оставим в покое прах Клаузевица, писавшего о непреодолимости этих пространств. Сейчас нас волнует иное. Шестая армия, по сути дела, путешествует к Сталинграду, образуя собой коридор, она растянулась на десятки километров в безводной степи, а после того, как фюрер отнял у нас танковую армию Гота, мы остались лишь с танковым корпусом Виттерсгейма.

(Об этом же тревожился Гальдер, примерно так мыслил и сам Паулюс, но сейчас ему надо было оправдать... Гитлера).

— Пожалуй, — отвечал Паулюс, — это верное решение фюрера, ибо Гот и Клейст в нижнем течении Дона скорее разберутся с Ростовом, открывающим путь к Майкопу.

Неожиданно не Корфес, а Мартин Латтман стал возражать.

— Любопытно! — заметил он. — Где и когда наш фюрер постиг алгебру научной стратегии? Не тогда ли, когда в пивной Мюнхена его боевые соратники дрались пивными бутылками?

Паулюс резко ответил, что хорошо знает Гитлера:

— Я не согласен с вами: да, фюрер мало знаком с законами стратегии, но ее суть ощущает интуитивно, а все неприятности на фронте предчувствовал заранее.

...Обладая Паулюс подобной же интуицией, он уже тогда понял бы, что его навестили не просто сомневающиеся генералы, которых легко уговорить, нет, его навестили люди, думающие иначе, нежели думал он, и эта разница в мыслях скажется не сегодня, а когда он будет сидеть в подвале сталинградского универсама.

Командиры дивизий переглянулись. Отто Корфес прекратил этот бесполезный разговор, поднимаясь, чтобы уйти, и вдруг он припомнил строчки Гейне, которые и произнес... для кого?

Но берегитесь — беда грозит.

Еще не лопнуло, но уже трещит.

— Это вы... мне? — вскинулся Паулюс.

— Не персонально! Это я сказал для всех нас...

Ганс Фриче крепко запил.

— В такую-то жару? — удивился Паулюс.

Одетый в безрукавку, он сидел за столом, вкопанном в землю, степной ветер загибал края оперативных карт, обрызганных ночью степными мышами. Он машинально пронюхивал, как в сторону Дона проплыли эскадрильи Рихтгофена, отягощенные многотонным бомбовым грузом, чтобы обрушить его на крыши Сталинграда. За этим же столом зять Кутченбах деревянной ложкой поглощал из тарелки простоквашу.

— Была причина напиться, — сообщил он, — Фриче так влетело от Геббельса, что у него искры из глаз посыпались...

Оказывается, комментируя сводки ОКВ, Фриче перехвалил Паулюса, как блистательного полководца. Геббельс устроил Фриче скандал: признавая заслуги Паулюса, никогда нельзя забывать, что Гитлер — полководец, и он лучше своих генералов знает секрет победы, а генералы лишь исполнители его предначертаний. Паулюсу вся эта история была крайне неприятна, и он поспешил избавить армию от Фриче, который и упорхнул в Берлин — извиняться перед шефом. Вскоре после этого случая появился при штабе генерал Гейтц, который, памятуя о своей службе в военных трибуналах, не потерял прокурорской бдительности.

— Я глубоко уважаю вашего друга Фельгибеля, но вчера в разговоре с генералом Гартманом он позволил себе нескромные выражения о нашем фюрере. В условиях фронта это... опасно!

Паулюс поручился за своего друга:

— Стоит ли заострять углы, и без того острые? Геббельс простил Ганса Фриче за нескромность в отношении меня, а мы простим Фельгибеля за нескромность в отношении фюрера.

В большой излучине Дона сопротивление русских резко возросло, темпы наступления 6-й армии явно замедлились.

— Мы выбиваемся из графиков, — беспокоился Паулюс. — Неужели двадцать пятого июля не сделаем русским «буль-буль» в их родимой Волге?

— Я предлагаю, — сказал Шмидт, — за счет ослабления флангов усилить нажим в центре общей дирекции на Сталинград.

— Пожалуй, разумно... хотя и рискованно! Наши боевые порядки уже потеряли оперативную плотность. Дивизии стали расплозяться по фронту, как перегнившие тряпки — по ниточке.

В пустотах брешей на картах Шмидт аккуратно вписывал утешительные слова: «Боевая группа заполнения разрыва». Но этих «боевых групп» никто не видел... Паулюс сомневался:

— Кого мы обманываем, Шмидт? Неужели себя?

— Скорее — ОКВ... надо же давать Кейтелю хороший материал для сводок по радио. Пусть там знают: фронт прочен.

— Не слишком ли это авантюрно, Шмидт?

— Ах! Чем только мой «чертик» не шутит...

Солдаты рвали из рук друг у друга карты:

— Где тут станция Цимлянская? Говорят, там такие шипучие вина, как шампанское, потом два дня — волшебная отрыжка...

12 июля танки вломились в Миллерово. Паулюс прибыл в этот городишко, когда в нем царил полный разгром. Почти все дома разбиты, заборы обрушены. На улицах полно раздавленных всмятку людей, попавших под гусеницы «панцеров». Кутченбаха при виде такого зрелища мучительно вырвало. Паулюс сказал:

— Все таиками.. опять танки! Что бы я без них делал? А все-таки генерал Альфред Виттерсгейм большой молодец...

Город гудел от пожаров. Автоматчики разбивали витрины магазинов, выкидывая на улицы груды белья и одежды, потом ковырялись в них, отбирая для себя все лучшее.

Полковник Адам уже приготовил для Паулюса более или менее приличную квартиру в доме, не пострадавшем от огня и разбоя. Кутченбах стал хлопотать у сафара. Паулюс морщился:

— Черт, что-то мне было надо, но я забыл... А! вспомнил. Я не закончил разговора с Фельгиббелем, где он?

Выяснилось, что лучший приятель улетел в Берлин, даже не соизволив с ним попрощаться. Паулюсу это было неприятно:

— Эрих всегда был так вежлив, так любезен...

Только потом (год спустя) Паулюс догадался, что Фельгиббель посещал его 6-ю армию по причинам более серьезным, нежели техническая проверка станций радиоперехвата. Фельгиббель уже тогда вписал свою биографию в число генералов-заговорщиков против Гитлера, чтобы избавить Германию от фюрера, но... сам задохнулся в петле. Фельгиббелю и было поручено прощупать политические настроения Паулюса — нельзя ли и его, столь авторитетного в вермахте, перетянуть в лагерь генеральской оппозиции? Но покинул 6-ю армию, даже не попрощавшись с Паулюсом, ибо Фельгиббель убедился, что его друг остается верным палладином того режима, который его выпестовал и возвел... Да, читатель, Паулюс по-прежнему, как и в былые времена, держал «руки по швам»!

8. ЧЕМ ЛЮДИ ЖИВЫ

Близится роковое число — 23 августа, а я по-прежнему далек от желания описывать подробности, свойственные научным монографиям, вроде того, что 217-й стрел-

ковый полк занял хутор Ивановку, а 136-я пехотная бригада отодвинулась в северо-западном направлении. Как бы ни были ценны такие подробности для военных историков, но главное все-таки — люди, сама жизнь человеческая, ее нужды и радости, сомнения и страдания.

Не буду оригинален, если скажу: нам бы никогда не выиграть этой страшной войны, если бы не русская женщина. Да, тяжело было солдату на фронте, но женщине в тылу было труднее. Пусть ветераны, обвешанные орденами и медалями, не фыркают на меня обиженно. Мы ставим памятники героям, закрывшим грудью вражескую амбразуру, — честь им и слава! Но подвиг их — это лишь священный порыв краткого мгновения, а вот каково женщине год за годом тянуть лямку солдатки, в голоде и холоде, трудясь с утра до ночи, скитаясь с детьми по чужим углам или живя в бараках на барах, которые ничем не отличаются от арестантских.

Не возражайте мне, ветераны! Не надо. Лучше задумаемся. Мы-то, мужики, на одном лишь «геройстве» из войны выкрутились, а вот на слабые женские плечи война возложила такую непомерную ношу, с какой и могучим Атлантам не справиться. Именно она, наша безропотная и выносливая, как вол, русская баба выиграла эту войну — и тем, что стояла у станков на заводах, и тем, что собрала урожай на полях, и тем, что последний кусок хлеба отдавала своим детишкам, а сама — сметет со стола последние крохи, кинет их в рот себе, и тем сыта...

Думаю, неспроста же в те военные годы и сложилась горькая притча-байка, которую сами женщины о себе и придумали:

Ты — и лошадь, ты — и бык,

Ты — и баба, и мужик!

До войны сытен был хлеб, политый потом колхозниц, этих подневольных рабынь «победившего социализма», но вдвойне горек был хлеб, политый женской кровью. Они-то этого хлеба и не видели вдоволь, отдавая его солдату на фронт, опять-таки нам, мужикам с винтовками. Где же он, памятник нашим женщинам? И не матери-героине, не физкультурнице с неизбежным веслом, не рекордсменке в комбинезоне, а простой русской бабе, которая на минутку присела, уронив руки в тоске и бессилии, не зная, как прожить этот день, а завтра будет другой... и так без конца! Доколе же ей мучиться?

С утра пораньше Чуянов навещал аэродром в Питомнике — как раз к побудке летчиков, которых оживляли командой:

— Эй, славяне! Ходи на уборку летного поля...

С метелками в руках, выстроясь в одну шеренгу, летчики, штурманы и стрелки-радисты подметали взлетные полосы, столь густо усеянные рваными и острыми оскоками, что ими не раз повреждались шины колес при взлетах и посадках.

— Бомбят вас, ребята? — спрашивал Чуянов.

— Да не очень. Рихтгофен больше сыплет на отступающих к Дону да на город кладет... Жить можно!

Но Чуянов-то понял, что житуха у них плохая. Самолетов мало, нашей авиации было ой как трудно противостоят мощному воздушному флоту Рихтгофена, а потерь много... Потом, побросав головки, летчики выстраивались перед столовой.

— У нас две очереди, — невесело шутили они. — Кому в боевой полет — кому в столовку, где дают кислую капусту в различных вариациях, и только компот еще из нее не варят. А на капусте из крутого пике не выбраться, да и выражи опасны...

Может, и шутили, кто их знает? Но Алексей Семенович воспринял эту шутку, как издевательство над людьми, которые каждый день — с утра до ночи — рискуют своей головой, и, едва вернувшись в обком, сразу же распорядился, чтобы мясобойни города каждый день слали лучшее мясо в Питомник.

— И чтобы колбасы не жалели! — кричал он в трубку телефона. — Кому так в три горла пихаем, а героям сталинградского неба капусту кислую... Стыдно. Очень стыдно.

Днем в здание обкома партии вдруг ворвалась с улицы страшная собака: шерсть вздыблена, как у волка, глаза горят, скачет с этажа на этаж, мечется по коридорам, чего-то ищет, секретарши с визгом запыривали на столы, мужчины кричали:

— Безобразия! Кто пустил сюда зверя? Эй, охрана!

Алексей Семенович Чуянов вышел из кабинета:

— Позвоните на СТЗ, — указал он спокойно, — кажется, эта овчарка из той злобной своры, что завод охраняла...

Вяснилось, что после бомбежки охрана СТЗ, действительно, не досчиталась сторожевых собак, вот одна из них и заскочила в обком партии, а Чуянов зверье любил.

— Эй! — позвал псину. — Как зовут тебя?.. Допустим, что Астрой. Ну, Астрочка, иди ко мне. Не бойся.

Шерсть на овчарке прилегла, она тихо поскулила и доверчиво подошла к человеку. Чуянов храбро запустил пальцы в загривок собаки и потрепал ей холку.

— Ладно, — сказал он. — Сейчас тебя отведу в столовую, где обеды сыдутся, накормим, а потом...

Потом эта страшная зверюга, готовая разорвать любого, вдруг лизнула Чуянова в руку и покорно, как дворняжка, побежала за ним в столовую. С того же дня она стала отзываться на кличку «Астра»... Секретарь обкома стал для нее хозяином!

Не люблю я высоких слов, но все же скажу: в народе не сомневались в конечной победе, хотя люди уже понимали, что цена победы будет высокой, и пилотками немецкие танки не закидаешь. А середина июля примечательна в истории войны:

только теперь (!) Сталин начал догадываться, что целью нового «блицкрига» был не захват Москвы (операция «Кремль»), а продвижение вермахта к Сталинграду и на Кавказ. Василевский осенью 1965 года, когда многое отболело в нашей душе, вспоминал: «Предвзятое, ошибочное мнение о том, что летом основной удар противник будет наносить на центральном направлении, довело над Верховным Главнокомандующим вплоть до июля...» Многие в это лето сложились бы иначе, если бы Сталин не был таким упрямым!

Теперь днем и ночью грохотали на стыках рельсов воинские эшелоны.

Подолгу стояли на полустанках старушки, спрашивали:

— Кудыть вас, сердешных, гонят-то?

— Дорога, мамаша, теперь одна... на фронт!

— Ну, помилуй вас Бог, сыночки родимые...

Ехали, ехали, ехали. Двери товарных вагонов распахнуты, а в них, свесив ноги в обмотках, солдаты, солдаты, солдаты. Одни уже нахлебались лиха, а другие — совсем молодняк, еще вчера сдавали экзамены в школе, кто на пятерку, а кто и на троечку выехал... прямо в войну! Вот и узловая станция.

— Поворино, — читали название, а знающие и бывалые говорили: — Отселе нам тока две дороги: если повезет на запад — будем под Воронежем, а ежели на юг — тады в Сталинград...

Чуянова среди ночи разбудил долгий телефонный звонок — вызывали из Серафимовича, бывшей казачьей станицы Усть-Медведицкой, когда-то богатейшей, многолюдной, славной храмами и образованием не обиженной; секретарь тамошнего райкома партии сообщил, что уже приступили к эвакуации людей и всего самого ценного, но очень трудно с вывозом зерна и скота:

— Хлеба заколосились... жечь, что ли? Паромов через Дон нету, скотина лодки переворачивает. Овцы, считай, гуртом потонули, а свиньи все переплыли. Стада же коров силком в реку заталкаваем. А трактора? А наши МТС? Куда их девать?

— Гони к нам.

— Да нет горючего. Пришлите. Перегоним.

— А где я тебе возьму горючего?

— Как где? Там же у вас полно караванов от Астрахани.

— Это когда было? — кричал в трубку Чуянов, разбудив всех домашних. — До войны. А сейчас какую нефтебаржу с воздуха ни заметят, сразу бомбят... горит наша Волга, горит!

— Что там, Алеша? — спрашивала жена, зевая.

— Спи. Это из Серафимовича. Уже поехали. Забыл сказать, чтобы жгли хлеба. Все равно не вывезти. Урожай-то больно хорош в этом году. Жалко. Спасаем, что можно. Спи. Еще рано...

Немецкие «ролики» вкатывались в большую излучину Дона, а сталинградцы еще

выезжали на полевые работы. Как правило, женщины-домохозяйки, школьники по-старше да старики. Вместе с жителями города не отлынивали и беженцы, желающие заодно подкормиться. На заброшенных огородах зрели овощи, бесхозные сады плодоносили в это лето — как никогда. Привыкли у нас бросаться на ветер высокими словами, и каждый год твердили, что не просто «уборка урожая», а обязательно «битва (!) за хлеб». Но смею заверить читателя, что летом 1942 года под Сталинградом шла настоящая битва за спасение урожая, и хлеб, который мы потом ели, был пропитан кровью...

Эскадрильи Рихтгофена кружили над полями, бросая осколочные бомбы, протрачивали хлебные нивы пулеметными очередями. Страшно читать свидетельства очевидцев. Под бомбами и пулями одна женщина загоразивала лицо лопатой, подrostки прятались под телегами, а какая-то старушенция накрылась газетой «Правда», словно верила, что Бог правду видит...

Неожиданный звонок от генерала Герасименко:

— Из Москвы получено распоряжение — всему штабу военного округа срочно передислоцироваться в Астрахань.

Календарь показывал 17 июля. Не верилось. Чуянов ответил:

— Что за бред сивой кобылы? Быть того не может, чтобы в такой напряженный момент и... Кто распорядился?

— Ставка Верховного Главнокомандования.

«Если сама Ставка, значит, скоро всем нам амба...»

— А кто — конкретнее? — спросил Чуянов, еще сомневаясь.

— Генерал Ефим Щаденко... герой известный.

Алексей Семенович ощутил небывалую растерянность.

— Неужели, — спросил, — наше положение в Сталинграде и впрямь столь тяжелое? А как отнесется к вашему отъезду городское население? Люди-то ведь не дураки, они поймут ваше бегство на свой лад — значит, город будет сдан...

Опасения подтвердились. Когда штаб округа (с чемоданами и семьями) грузился на пароход, пристань заполнили толпы жителей, слышались возгласы — негодующе, озлобленные:

— Во, паразиты проклятые! Привыкли бегать.

— Мурло-то себе развели, берегут свои шкуры.

— Мы ж их кормили, одевали — думали: вот защитники!

— Всю жисть налоги с нас драли на армию, а они...

— А чего с них взять-то? С драпальщиков...

Это случилось в тот самый день, когда Сталин получил от Черчилля извещение о том, что обещанного ранее второго фронта в 1942 году не будет, и настроение у Сталина было, конечно, не из лучших. В

ночь на 20 июля Чуянов заработался в обкоме; приближался рассвет, когда по ВЧ его предупредили:

— С вами будет говорить товарищ Сталин...

В аппарате послышался тяжелый вздох:

— Как у вас идут дела? Как вы готовитесь встретить врага, который будет пытаться взять Сталинград с ходу?

(«Ясно представляю себе суровый взгляд карих глаз, сомкнутые брови и, откровенно говоря, очень волнуясь...»)

— Обстановка тревожная. Но промышленность работает. С огромным напряжением. Народ относительно спокоен...

— Значит, «относительно»? — прервал его Сталин. Последовала пауза для накопления диктаторского гнева. — Вы решили сдать город врагу? — внезапно обрушился Сталин на Чуянова. — Вы зачем туда поставлены? Чтобы покрывать трусов и паникеров? Чтобы замазывать товарищу Сталину глаза? Почему от вас удрал в Астрахань весь военный округ? Завтра немцы сядут вам на шею и всех вас передушат, словно котят...

Под мощным шквалом грозных обвинений Чуянов с трудом выбрал момент, чтобы заступиться за генерала Герасименко:

— Штаб военного округа выехал по приказу из Москвы...

— Кто осмелился дать такой идиотский приказ?

— Ваш генерал... из Ставки... генерал Щаденко!

Молчанье. Наконец Сталин заговорил:

— Мы на месте разберемся и строго накажем виновных. Передайте товарищу Герасименко, чтобы возвращался со штабом обратно. — И закончил разговор директивными словами: — Сталинград не будет сдан врагу. Так и передайте в сем...

Никита Сергеевич вскоре пригласил Чуянова навестить его в гостинице, где маршал Тимошенко желал бы выслушать мнение Чуйкова, недавно прибывшего на Сталинградский фронт, а потому способного видеть события иначе, нежели видят они.

— Желательно знать, что он думает вообще об обороне Сталинграда, которая, сам понимаешь, никак не будет похожа на оборону Царицына... Можно ли вообще тут обороняться?

Чуянов пришел. На стене были развешаны оперативные карты, в которых Чуянов плохо разбирался, путаница неясных для него обозначений лишь озадачивала его; он понимал лишь кроваво-красную линию фронта, рискованно выгибающуюся к Сталинграду.

Маршал Тимошенко имел вид несколько отвлеченный — вроде того, какой имеют старики, наблюдающие за играми детей. Выслушать же предстояло молодого генерала, поразившего Чуянова тем, что он не снимал со своих рук белых перчаток.

Тимошенко задал первый вопрос, далекий от тактики и стратегии, к обороне Сталинграда отношения не имеющий:

— Вы почему не ладите с генералом Гордовым?

— А почему я должен с ним ладить? — отвечал Чуйков маршалу, видно, совсем не боясь сталинского фаворита. — Генерал Гордов — это не мой сосед по коммунальной квартире. Да и в коммунальной квартире я бы с ним не ужился.

— Но все-таки, — заметил Тимошенко, — это ваш непосредственный начальник. Воевал. А вы... где воевали?

— Прибыл сюда прямо из воюющего Китая.

— Были военным советником?

— Да. В армии Гоминьдана, при маршале Чан Кай-ши.

— Вот вы, человек свежий, что скажете о наших делах? Каковы, по-вашему, плюсы и минусы Сталинграда?

— Вы, товарищ маршал, спрашиваете о видах на оборону?

— Да. Удобен ли Сталинград для обороны?

Василий Иванович Чуйков долго оглядывал карты — с таким видом, будто попал в музей, где, наконец-то, увидел подлинники классических шедевров, о каких ранее приходилось только читать.

— Природный рельеф Сталинграда, — начал он, — и окрестностей города никак не способствует обороне. Как защищать эту гигантскую килу, что протянулась вдоль берега чуть ли не в полсотню верст? А ширина этой килы от силы два километра, а далее начинается степь...

— Выбирайте выражения! — сразу заметил Тимошенко. — Откуда вы взяли эту «килу»? Не советую забывать, чье имя носит этот город... «кила», по-вашему.

— Извините, — сказал Чуйков. — Я продолжу. Степи, примыкающие к Сталинграду с запада, изобилуют множеством оврагов и балок, вытянутых как назло с запада на восток, перпендикулярно этой киле... этому городу, и все они выходят к Волге, как бы разрезая Сталинград на отдельные участки, подобно тому, как режут колбасу на отдельные куски. А в тылу армии, обороняющей Сталинград, течет широкая Волга — огромная преграда, мешающая маневру, не позволяющая отойти в случае надобности. Мало того, — продолжал Чуйков, — Волга, не имея мостов, связывающих оба берега, всегда будет препятствовать снабжению наших войск и эвакуации раненых. Противник же в любом случае будет обладать громадным преимуществом, имея в своем тылу обширные

гладкие пространства для маневра и подвоза техники. Затем, — было сказано Чуйковым, — противник, владея высотами на западе от Сталинграда, всегда будет просматривать нас и наши позиции на десятки километров, а мы, как бы ни маскировались, все равно останемся видимы, словно мухи в сметане...

Что такое? Тут тебе и отвратительная «кила», тут тебе и «колбаса», тут тебе и «мухи в сметане»... Ай-ай, разве так можно! Нехорошо выражается Чуйков, надо его поправить.

— Не знаю, как уж там при Чан Кай-ши выражаются, — заметил Хрущев, — но здесь вы могли бы говорить иначе.

— Что иначе? — переспросил Чуйков, не понимая вопроса.

— По вашим словам, — круто и недовольно заговорил маршал Тимошенко, — получается так, что Сталинград к обороне совсем неприспособлен, и вы... Вы даете отчет своим словам?

— Даю. Совсем неприспособлен, — ответил Чуйков.

— А вы, — спросил его Хрущев, — не учили того, что наш советский народ воодушевлен на свершения подвигов, и под знаменем Ленина — Сталина он готов... и вы... не учили этого?

— Учел, — отвечал Чуйков, подтянув белые перчатки.

— Так чего ж вы нам тут головы морочите? — обозлился Никита Сергеевич. — Километры подсчитываете, о рельефах нам рассказываете... О главном-то вы забыли?

— О чем? — переспросил Чуйков.

— О главном, — повторил Хрущев.

— А в чем оно, это главное?

— Главное... в главном.

— Возразить вам трудно, — ответил докладчик.

Тимошенко кивком головы указал в спину уходящего Чуйкова:

— Вот и войей с такими... сами не понимают!

— Опыта нет, — добавил Хрущев. — Мало их били.

— Пойдемте и поужинаем, — предложил маршал.

Чуйков ужинать отказался, сославшись на дела в обкоме, а на лестнице гостиницы он нагнал уходящего Чуйкова:

— Меня найти легко. Если что понадобится — заходите. Буду рад помочь, если какая нужда возникнет. Меня здесь все знают.

Но Василия Ивановича Чуйкова тогда мы еще не знали...

(Окончание следует)

проблемы,
события,
люди

ВОЙСКА:

ХРОНИКА НЕУДАВШЕГОСЯ ПОБЕГА

Трагические события в Закавказье, Средней Азии, Кыргызстане, Молдове и Прибалтике привлекли внимание средств массовой информации к действиям оперативных частей внутренних войск. Рассказы о «краповых беретах», спецназе можно прочесть в самых разных изданиях. Самоотверженные парни, ставшие под пули во имя национального согласия, достойны внимания, спору нет. Однако сегодня мы хотели рассказать о буднях военнослужащих конвойных подразделений, которые непрерывно, в любое время года и суток с оружием в руках несут трудную и зачастую опасную боевую службу, охраняя места лишения свободы.

* * *

Действующие лица:

Осужденный Булатов, 27 лет. Рецидивист. Отбывает наказание за изнасилование.

Осужденный Островский, 20 лет. Отбывает наказание за убийство из хулиганских побуждений.

Заставный Владимир Николаевич — майор. Умудренный опытом офицер.

Данияров Баудтжан — рядовой, стрелок, комсомолец. Родом из Казахстана. По армейским меркам — «дед».

Наджотов Абдукахор — рядовой, дрессировщик служебной собаки, беспартийный. Родина — Таджикистан. Его и Даниярова считают мастерами боевой службы.

Какабаев Соледахмет — рядовой, часовой КПП, комсомолец. В войсках полгода, но успел зарекомендовать себя на любом посту надежным солдатом. Туркмен.

Тагаев Даврон — рядовой, стрелок, беспартийный. Исполнителен, безотказен. Призывался из Узбекистана.

Пахалков Игорь — рядовой, часовой-оператор. Репутация не из лучших, имел взыскания. Но в последнее время, видимо, взялся за ум.

Егоров Алексей — сержант, секретарь бюро ВЛКСМ роты, русский. Авторитетен. На службе проводит больше времени, чем в казарме.

Рядовые Раззаков, Мусин, Рахимов, гражданае Т. и С. Каждый из них вписал несколько своих строк в данное повествование.

Место действия: город К., исправительно-трудовая колония строгого режима, еще конкретнее — КПП по пропуску транспорта, где произошло нападение на часовых, а затем и побег двух бандитов.

Время действия: конец января 1991 года. 9 часов 50 минут — 11 часов 10 минут.

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

Для военнослужащих, которым поручено охранять ИТУ, всегда важно знать, кто сидит за забором, что происходит в зоне. Потому любые сведения об оперативной обстановке (читай: о замыслах и действиях преступников) из самых разных источников суммируются и анализируются на всех уровнях: от солдата до офицера, учитываются при организации боевой службы, подборе состава караула.

В зоне, где произошли описываемые ниже события, оперативная обстановка оставалась сложной, как теперь говорят — криминогенной. Вот что, например, рассказали в подразделении.

Майор Заставный Владимир Николаевич:

— Администрация ослабила контроль за осужденными. Она смирилась с тем, что преступники обнаглели, почти не таясь изготовляют ножи, заточки, а то и огнестрельное оружие. По зоне гуляет шутка: «Начальник, оставь нас в покое на час-полтора — мы отсюда на танке выедем». Доля истины здесь присутствует.

Мне лично непонятно: с какой целью осужденные постоянно перетасовываются. Их перебрасывают из отряда в отряд. Вот и дотасовали до такой степени, что в одном отряде оказалось одиннадцать осужденных, склонных к побегу.

«УЗИ» А-ЛЯ БУЛАТОВ

Булатов и Островский сидели в подсобке и вели треп о воле, о женщинах, о выпивке, деньгах и приморских пляжах. Но вдруг Островский круто развернул беседу: — «Пушку» сварганил?

Булатов как-то странно на него глянул, не ответив на вопрос, шмыгнул за дверь. Островский оторопело с минуту смотрел вслед корешу, поднялся и тоже вышел на улицу. Огляделся: Булатова не видно. Инстинктивно нащупал спрятанную в рукаве заточку и только шаг шагнул, как вдруг меж лопаток ощутил тупой железный предмет, а над ухом гаркнули: «Руки вверх!» И он поднял их. Он испугался, забыл про заточку. Он не дрогнул, когда убивал человека, а тут средифил, и холодный пот потек по спине. «Неужели менты проню-

хали, что идем в бега? Кто продал, Булатов, падал?»

Сзади хохотали. Оглянувшись, Островский увидел Булатова. Он изнемогал от смеха, и короткоствольный автомат трясся в его руках.

— Ну, как «пушечка»? Клевая игрушечка? Попляшут конвойники! Попляшут! Думаешь, это все? Как бы не так. Смотри сюда, — Булатов вынул из кармана шестерню — явное подобие лимонки. — Швырну в солдатиков — залягут харями в снег. Жить-то небось хочется. Пока сообразят, очухаются — мы оторвемся. хрен догонят.

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

Макет автомата, изготовленный умелыми руками Булатова, напоминал израильский «узи»: тот же короткий ствол, магазин,двигающаяся затворная рама. Офицеры роты высказали версию, что никакой это не макет, а самое что ни на есть боевое оружие, изготовленное из дупельного пистолета, который исчез год назад со стройки одновременно с расконвоированным осужденным.

* * *

... — Ну ты даешь, — Островский медленно приходил в себя. — Так можно на всю жизнь теленком сделать. Шутник. Пошли в подсобку, пока никто не увидел эти штучки.

Они упрятали оружие и принялись обсуждать план побега. Склонялись к тому, что прорываться следует через контрольно-пропускной пункт. Там наверняка не ждут, что какой-то тюфяк отважится, как говорится, на своих двоих приблизиться к воротам. Там скорее всего настроили ловушек и препятствий для машин, идущих на таран.

— Я понаблюдал за воротами, — сказал Островский. — Работенки у конвойников хватает. Однажды семидесят штук машин насчитал и бросил. А ну-ка, открой каждой один ворота да вторые. Опять же закрой — к вечеру пуп на две части разорвется.

— И то правда. Этим и надо воспользоваться, — вторил Булатов. — Слышь, новенький теперь на пульте у них сидит. Поговаривают, перевели из другой части за самоходы и выпивку.

— Фартит нам. Я тоже прознал кое-что. Машины теперь шмонает салаженко, а с ним такой же урюк метр с кепкой. Надо бы с недельку еще попасти их.

— Не нам загадывать. Как «паханы» скажут, так и будет. Кто за язык нас ташил? Трепанули под интерес о побеге, теперь на крючке у них, они за нас морокуют.

Дверь открылась. На пороге стояли «паханы». Булатов и Островский вскочили. Замерли: легки на помине.

— Ну вот и славненько: оба тут. — Вошедшие смотрели на кандидатов в беглые и ухмылялись. — Пора приспела долг отдавать. Завтра рвете когти. Утречком.

— Мы не готовы, — заартачился было Булатов.

— Зато мы готовы. Утром не пойдете, вечером вас ногами вперед вынесут из зоны. Поняли? И еще. С вами двинут трое. Предупреждаем: не вашего ума дело — кто. Поговорите. Ну! То-то же. Запомниайте адресок. Хаза надежная, хозяин — свой. Ляжете на дно, а дальше видно будет. Все. Наше вам с кисточкой.

ЖРЕБИЙ БРОШЕН!

Сержант Егоров, начальник КПП, глянул на часы: 9.50. На контрольную площадку въезжал грузовик.

Рядовые Наджотов, Какабаев и Тагаев дело свое знали туго. Один направился к кабине, другой полез в смотровую яму, третий проверял кузов. Через пару минут они обшарили грузовик сверху донизу и доложили сержанту: «Можно пропускать!»

Егоров взмахом руки дал «добро» на въезд. Наджотов и Какабаев подошли к внутренним воротам, откинули запор и стали открывать две железные высокие створки. Створки от мощного порыва ветра еще больше «запарусили», солдаты с трудом их сдерживали. Грузовик потихоньку двинулся вперед. Какабаев, прижимаясь к створке ворот, заглянул в зону. На всякий случай: мало ли что. И не зря: приблизившись вплотную к ограждению, группа осужденных внимательно наблюдала за КПП. Какабаев окликнул Наджотова, показал на непрошенных «зрителей», от которых всего можно ожидать. Однако Наджотов не видел жеста сослуживца: он изо всех сил держал створку — та грозила захлопнуться и ударить проезжавший мимо него грузовик.

Не заметил опасного скопления осужденных вблизи контрольно-пропускного пункта и сержант Егоров: заслонила все та же машина. За шумом ее мотора не слышен был возглас Наджотова. Вот почему сержант спокойно повернулся к стоявшему у въездных ворот Тагаеву и взглядом спросил: «Есть ли еще машины?» Тагаев отрицательно замотал головой. Егоров развернулся и хотел уже было идти в небольшую комнатушку, где собирался передохнуть и согреться, как вдруг увидел такое, что на миг парализовало его способность к действию.

9 часов 52 минуты.

Булатов и Островский все рассчитали. Как только грузовик пересек линию ворот и зрительная связь между солдатами нарушилась, они и еще трое осужденных рванулись в сторону КПП. Впереди всех бежал Булатов. Он размахивал автоматом и орал что есть силы: «Всем стоять! Стреляю!»

Наджотов из-за ворот, которые держал, не успел схватиться с Булатовым: тот прошмыгнул мимо. Зато в Островского вцепился мертвой хваткой. Видя это, трое преступников повернули обратно в зону. Ос-

тровский, шипя и брызгая слюной, вел борьбу не на жизнь, а на смерть. Только не на того напал: Наджотов тренирован, вынослив. Два года службы дали ему многое, и он бы вышел победителем, если бы не Булатов. Понимая, что без напарника ему уйти будет нелегко, бандит развернулся и, взяв автомат за ствол, с силой ударил Наджотова по голове. Ударил сзади, стараясь попасть в висок. Промазал. Солдатская шапка-ушанка смягчила удар, но все же Наджотов на несколько секунд потерял сознание.

«Готов!» — выдохнул Булатов. Островский оттолкнул от себя бесчувственного Наджотова и, вытащив из кармана заточку, побежал в сторону Егорова. Тот только сейчас вышел из оцепенения и бросился к двери КПП. Лишь только она отворилась, крикнул рядовому Даниярову: «Нападении!» В ту же секунду взревел сигнал тревоги. Караульные, на бегу хватая из пирамиды оружие, встremились каждый туда, куда ему предписывал боевой расчет на случай нападения на часовых. И хотя действия их были достаточно четкими и быстрыми, тем не менее перекрывать дорогу беглецам они не успевали. Бандиты чувствовали, что вот-вот подоспеет охрана, которая, конечно же, будет при оружии, тогда пиши пропало, побегу не быть. И рвались за вторые ворота что есть сил.

Рядовой Тагаев также понимал свою задачу: задержать. Хоть не надолго. Любый ценой. Преступники не должны уйти на свободу. Там они опять принесут людям горе. Это сознание своего долга и ответственности перед всеми теми, кто поручил ему надежно охранять пост, придало солдату сил и отваги. Он не дрогнул ни перед заточкой, ни перед автоматом (откуда ему было знать, что это макет оружия?). Раскинул руки в сторону, приказал: «Назад!! Назад, в зону!»

Булатов, не обращая внимания на солдата, развернулся и бросил что-то в сторону пульта управления техническими средствами охраны. Там находился часовой-оператор рядовой Пахалков. «Граната, — решил Тагаев, — сейчас взорвется». О том же подумал и Пахалков, увидев макет, который ударился о стенку и отскочил на крышу караульного помещения. Он не укрмылся, стоял и зavorожено смотрел на смертоносный металл, произвольно считая: раз, два, три. Граната не взорвалась. «Не сработала», — отметило сознание. И в тот же миг Пахалков сорвал с рычага телефонную трубку, не дожидаясь ответа, крикнул: «Вооруженное нападение!» Затем схватил автомат и полез в окно: пытаться выскочить в дверь — потерять время.

Расчет его был прост: по внешнему трапу обогнуть пульттовую и там попытаться угрозой применения оружия остановить бандитов. Но когда Пахалков оказался у цели, беглецы уже миновали КПП и были у дороги. Солдат произвел предупредительную очередь вверх. Преступники заматались из стороны в сторону. Островский от

страха сжался комком и выкрикивал раз за разом: «Все! Хана! Сейчас решето из нас сделают! Все! Хана!»

Не лучше себя чувствовал и Булатов. Он, петляя, кинулся через дорогу и прошмыгнув в приоткрытые ворота автобазы. Островский последовал за ним.

В это время появилась резервная группа. Рядовой Данияров (без оружия) присоединился было к ней, но, выяснив, куда скрылись преступники, решил с рядовым Рахимовым обогнуть автобазу и попытаться перехватить беглецов с другой стороны.

Сержант Егоров, рядовые Мусин и Раззаков, очутившись на территории предприятия, сразу увидели Островского и Булатова. Те стояли у «Москвича» и что-то требовали у сидевших в нем мужчин.

— Стой, руки вверх! — крикнул Егоров.

Преступники, а за ними и водитель, выскочивший из машины, разбежались в разные стороны: Булатов с Островским — к запасным воротам, водитель — в гараж. Булатов, видя, что ворота заперты на замок, полез через них. В тот момент, когда он уже собирался прыгать на улицу, рядовой Раззаков выстрелил. Островский, поняв, что будет еще выстрел и, кто знает, может, по нему, повернул обратно, буквально впрыгнул в «Москвич», поднял стекла. Он приставил заточку к горлу растерявшегося гражданина, пригрозил окружившим машину солдатам:

— Не подходите Зарежу! Водителя, дайте водителя!

ПОГОНЯ

Спрыгнув на землю, Булатов огляделся. Недалеко на обочине стоял «ЗИЛ-130». Водителя в кабине не было видно. В три прыжка оказался рядом. Мотор работает на холостых оборотах. Дверь не заперта. «То, что надо!» Он сел за руль, дал полный газ.

Рядовые Данияров и Рахимов только-только вынырнули из-за угла, как мимо них промчал голубой «ЗИЛ», управляемый Булатовым.

Данияров в сердцах погрозил кулаком и крикнул:

— Врешь, не уйдешь!

Они выбежали на дорогу, остановили «Жигули». Водитель с полуслова понял, что от него требуется. Через минуту они уже «сели на хвост» грузовику. Но как остановить эту машину?

Данияров взял у Рахимова автомат и попросил водителя прижаться как можно плотнее к «ЗИЛу»: он попытается на ходу забраться в кузов грузовика. Возле универсама, где было очень много людей, тот неожиданно затормозил. Как потом выяснилось, бандит решил, что дело сделано, он сумел оторваться от преследователей. Открыл дверцу, оглянулся и увидел, как из «Жигулей» выскочил вооруженный солдат. «Не дамся!» Судорожно включил ско-

рость. Заминка. Этих мгновенный рядовому Даниярову хватило, чтобы перелезть через борт грузовика. Машина набирала скорость. Но это не могло помешать солдату. Он добрался до кабины, прикладом автомата разбил заднее стекло и приказал Булатову остановиться. Тот подчинился.

НОЖ У ГОРЛА

На автобазе тем временем события достигли апогея. Островский был близок к истерике. Заточка плясала у него в руке. Он кричал окружившим «Москвич» солдатам:

— Водителя! Не мужика — бабу. Денег — пять «косых». Пистолет и патроны. Бензин залейте! Пошевельвайтесь, а то сейчас башку ему отрежу.

Мгновениями позже потребовал от заложника завести машину. Тот попытался это сделать, но не смог. Наступила пауза, которую майор В. Заставный использовал для продолжения переговоров. Спокойный, умудренный опытом, офицер сначала уговорил Островского согласиться, чтобы «Москвич» закатили в бокс, якобы починить мотор. Затем Владимир Николаевич дал слово беглецу, что ему будет гарантирована жизнь. Последней каплей, сломившей сопротивление преступника, было известие о том, что Булатов задержан. Островский бросил заточку на сиденье, закрыл лицо дрожавшими руками. И... заплакал.

Стрелки показывали 11.10. Операция завершилась. Побег ликвидирован, заложник освобожден. Все обошлось.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

На этот раз действительно все завершилось благополучно. Оформлены наградные листы на Баудтжана Даниярова и Абдукаюра Наджотова. Первый представлен к ордену «За личное мужество», второй — к медали «За отличную службу по охране общественного порядка».

Но командиры, штаб подготовили и другие документы. В них говорится о разоблачении в работе администрации и подразделениях, о недостатках в службе контролеров: кому, как не им, было пресечь или предупредить изготовление макетов оружия. И личный состав караула, хотя и действовал толково, но в какой-то момент мог попасться на уловку преступников: они, бывает, в одном месте зоны заважают потасовку, а в противоположной стороне совершают побег. Вот и здесь в ходе преследования беглецов возникала ситуация, когда один из участков объекта не охранялся. Случайность, что этим никто не воспользовался.

Такая она, служба...

Старший прапорщик И. БОЛДИН.

СТРАНИЦА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«В ОКОПЫ!» или «ВПЕРЕД!»?

Судьба КПСС сейчас зависит от того, как разрешится вопрос, вынесенный в заголовок. Залечь в «окопах» — значит надолго, если не навсегда, уйти с политической сцены за кулисы и безмолвно наблюдать за игрой иных партий и движений. Кстати до такой позиции мы почти дошли — даже стоим не в полный рост, поскольку приучены ожидать команд сверху. А верхи как в рот воды набрали, потому что именно в их рядах происходят идеологические демарши и предательские переходы во вновь зарождающиеся партии.

Большинство коммунистов из «низов», как показал июльский (1991 г.) Пленум ЦК КПСС, требуют идти вперед. Однако такого продвижения в массовом порядке не видно. Образовался заколдованный круг, кольцо, из которого надо выбираться, ибо самоварение во внутренних дискуссиях грозит превратить бойцовские качества партии в аморфную, недееспособную массу. Так что, видимо, ждать каких-либо установок на борьбу от тех, кого последний партсъезд избрал в руководители, типа Э. Шеварднадзе, не нужно — они переметнулись в «Движение демократических реформ». Встав на плечи компартии и с них забравшись в руководящие кресла, они возжелали добавить к своим приобретениям еще тридцать сребренников. Остается одно — напрочь отмежеваться от двурушников, нечистоплотных прихлебателей, карьеристов и без промедления развернуть работу в защиту интересов рабочего класса, трудящегося человека.

А защищать есть кого и от чего. Взять хотя бы привлекательную с виду приватизацию — как же! Обещают каждому гражданину выдать национального достоинства аж на 7 тыс. рублей! Деньги, разумеется, для живущего на одну государственную зарплату немалые. Но почему только 7 тысяч? Известно, что любой капитал формируется за счет прибавочной стоимости, то есть отчуждаемого труда. И по меньшей мере три поколения советских людей за 70 лет существования СССР соз-

дали огромное национальное богатство. Если эти горькие 7 тысяч разделить на 70 лет, получается, что каждый из нас, наших дедов и отцов увеличивал прибыль страны на 100 рублей в год, меньше червонца в месяц. Выходит, что мы не работали, а били баклуши возле домен, станков, машин, ракет и танков, у классной доски и операционного стола, на крестьянской ниве и ниве науки. Вот как «мудрецы» от свободного рынка оценивают наш труд! Оценивают заметить, без нашего с вами участия — закон принимался без всенародного обсуждения. Можно развенчать и другие постулаты «нового демократического» строя, куда ведут наше Отечество неodemократы, да коротка «Страница главного редактора».

Но развенчивать прелести предлагаемого нам пути и защищать интересы трудящихся надо, и это — миссия компартии. С теми же, кого такая постановка вопроса не устраивает, кто под афишей перестройки продолжает извращать и ополшать ленинизм, нам не по пути. Это — не призыв разделаться с дискутирующими, заблуждающимися, это оздоровление, самоочищение партийных структур. Критерий же разделения один: на что направлены новые течения и фракции — на созидание или на разрушение.

Разрушительную перспективу «Движения демократических реформ» нетрудно предсказать. Получив, если удастся, власть благодаря временному единению, «демократы» впрягутся в удельные дрожжи и будут тянуть их по своим проселкам. Ведь как-то признался лидер одной из таких партий Н. Травкин: пока в Б. Ельцина верят люди, надо отдать ему власть, чтобы вскоре забрать ее в свои руки. О народе ли здесь будет болеть голова!

Жизнь стремительна. Она ставит множество вопросов перед гражданами страны. Ответ на них мы можем дать лишь действенной защитой народа от надвигающейся нищеты, от дурманящей нравственной пустоты. Поэтому — только «Вперед!».

ЗАКЛАННИЕ

«Апофеоз тоталитарного режима» — этой громкой метафоры в свое время удостоился взрыв четвертого блока ЧАЭС. Ученые, публицисты, политики, врачи, не сговариваясь, сошлись в одном мнении — катастрофа положила начало агонии командно-административной системы. Да, видимо, поспешили с прогнозами: устоял отечественный бюрократизм со всеми его атрибутами. Жив курилка и после девяти кругов ада реактора. И невольно замираешь, завороженный: как же сильна система, если и с агонизирующей не совладать? Если от конвульсий ее падают как подкошенные те, для кого Чернобыль продолжается.

Для СПРАВКИ: На основании постановления Совета Министров РСФСР от 6.08.90 г. решением Брянского облисполкома № 380 от 29.08.90 г. с 1.10.90 г. в районах и населенных пунктах (список утвержден опять же решением облисполкома № 445 от 12.10.90 г.), подвергшихся радиоактивному загрязнению, введена дифференцированная система оплаты труда по повышенным ставкам для всех работающих на предприятиях, в организациях и учреждениях. Также выплачиваются денежное пособие от 15 до 30 рублей на члена семьи, а рабочим и служащим — единовременное пособие от 300 до 500 рублей. Расходы отнесены за счет средств, выделяемых на мероприятия по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

Вряд ли кто из читателей удивится, узнав: внутренним войскам, охраняющим объекты в грязной зоне, процентных надбавок и пособий не хватило. Только роте майора М. Гавриловца относительно повезло: там 15 рублей каждому члену семьи перепало. Да и то нет уверенности, что в любой момент эти деньги в суммарном виде не потребуют назад. Как же так? Почему такое отношение к «последышам» (так иногда называют тех, кто на собственной шкуре ощущает по сей час прелесть последствий аварии)?

МАЙОР МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ В. КОРМЧЕНКИН: Бюрократическая топь — все вязнет в ней безнадежно. Не раз уже направляли в различные инстанции списки военнослужащих, работавших в смертоносной зоне в первые месяцы после катастрофы. А воз и ныне там. Многие до сих пор не знают доз полученного облучения и, думаю, истинных уже никогда не узнают. А то, что нам выводили там, на атомной, «в среднем» — туфта. Пожинаем плоды. У

прапорщика Василия Михайловича Хавлука, например, открылись трофические язвы на ногах, но ни я, ни другие врачи не можем доказать, что это связано с полученной дозой: нет специалистов. Хотя прапорщик был там в июле 86-го — «кочегарка» пытела всюю. Обследовать людей толком негде. Лечить — тоже. В брянском военном госпитале на наши просьбы ответ один: «Вы не наши — не Советская Армия». Чьи же мы, черт побери!!

Как быть с теми, кто несет службу в зоне загрязнения теперь, в эти минуты! Нужна дезактивация, а нам это не по силам. Сгодит надо вывести в чистую зону — нет нормативов по выводу. Необходим учет индивидуальных доз, полученных на службе, а считаем на глазок: мало того, что не обучены — приборов нет. Да что приборы, если бань в подразделениях нет, со стиркой белья — проблема. Так что никому наша чернобыльская героика не нужна...

Неужели опять у военнослужащих нет никаких средств защиты от радиации, кроме погон? Жители городка, где дислоцируется подразделение майора М. Гавриловца, опрошенные выборочно, признают: и единовременное пособие дали, и тридцатипроцентная надбавка к зарплате идет, и 15 рублей на каждого члена семьи... А люди военные?

СТАРШИЙ ПРАПОРЩИК Е. ТЕСЛЯНОК: Наши коллеги по министерству — милиция, пожарные, работники ИТК — получают все, что положено. Обеспечивают их остродефицитными товарами, а для нас даже путевок нет. Дети болеют. Прапорщик Подольяко свозил своих на обследование в Москву. Вернулся — на нем лица не было. Тут же подал рапорт на увольнение — ради детей. Не отпускают. Наконец уволили по дискредитации звания. И это секретаря партийной организации! А у него ни одного взыскания за всю службу.

ПРАПОРЩИК М. СЕРДЮКОВ: Сын третий месяц в больнице: увеличена печень, сахарный диабет. Недавно и нас погнали на анализ крови — я отказался. Столько лет никому дела не было, а теперь вдруг кому-то интересно стало, что там с кровушкой нашей произошло. Может, материала на диссертацию не хватило! Как подопытные кролики: выживем — не выживем. От этой проклятой радиации ходим как вареные. Бывает, носом кровь идет, она хоть и подпорченная, а все равно жалко.

ЛЕЙТЕНАНТ А. ТЕРЕЗОВ, ПОЛИТРАБОТНИК: Вопрос вопросов — допитание солдат и сержантов. Даем чуть больше масла и мяса, да и то говядина поставляется из соседних районов. А личный состав Советской Армии получает здесь сгущенное молоко, шоколад, соки яблочный и виноградный, паштеты свиной и печеночный. Думают о людях. Мы же не найдем подшивочного материала для солдат, хотя в наших условиях чистый подворотничок — не дань уважения уставу. И смех и грех: белый материал можно достать только через... похоронное бюро, и то при наличии усопшего. Так что расхожее выражение «только через мой труп» приобретает зловещий характер.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ А. ЛОМОВЦЕВ, ЗАМЕСТИТЕЛЬ КОМАНДИРА ПО СЛУЖБЕ КОНТРОЛЕРОВ: Председатель горисполкома на сессии высказал неудовольствие редактору местной газеты, что, дескать, много некрологов стали печатать. Не то, что мрут люди, беспокоится, а то, что разговор об этом много.

ДЛЯ СПРАВКИ: Допустимое значение естественного (природного) радиационного фона — 15-25 мкр/час. В пункте дислокации подразделения майора М. Гавриловца штабом гражданской обороны замерен уровень радиации. Он составил: в казарменном помещении — 11-16 мкр/час, на территории военного городка — 20-39 мкр/час, на периметре охраняемого объекта — 21-71 мкр/час.

Вот уж действительно, не послужишь — не узнаешь... почему фунт радиоактивного лиха.

Рота, где замполитом лейтенант А. Лошков, находится в еще более худших условиях: плотность загрязнения цезием — 137 5-15 Ки/кв. км (против 1—5 в хозяйстве Гавриловца). Но это единственно, чем разнятся они. Неблагородное занятие — считать чужие деньги, но что делать, когда своих нет: начальник цеха ИТК капитан внутренней службы Ю. Лончаков на руки получал до недавнего времени около четырех с половиной сотен, не плюсуя премиальных. А люди военные имеют... лишь информацию о выплатах своим собратьям по министерству. Говорят, в нынешнее время достоверная информация дорого стоит. Может быть. Но не дороже зарплат.

А каково солдатам? Помните уровень радиации на периметре? На контрольно-пропускном пункте исправительно-трудовой колонии, где поток машин нескончаем, он и того больше. И потому командир роты, солдат железя, запретил часовым закрывать и открывать ворота вручную. И устав на его стороне, да вот беда: постоянно выходит из строя электромотор механизма ворот. Начальник колонии майор внутренней службы В. Копылов, узнав о решении

командира, по телефону в выражениях отнюдь не литературных высказал ему свое особое мнение (его сановные матюки бесстрастно записал магнитофон часового-оператора). Ротный, надо отдать ему должное, стоял на своем: ремонтируйте электромотор. Тогда начальник колонии, получающий двадцатипроцентную надбавку к зарплате за работу в зоне радиоактивного загрязнения, отказался подписывать накладные на получение продуктов для солдат и сержантов роты. Кто не работает, рассудил начальник, тот не ест. Сильный ход, как устоять?

Неволью приходит на ум крамольная мысль: а нельзя ли вывести ИТК и лечебно-трудовые профилактории из зоны радиоактивного загрязнения, дабы не гробить ни за грош (буквально) здоровье людей, отбывающих наказание, лечащихся и охраняющих их? С этим вопросом обратился в Главное управление по исправительным делам МВД СССР к заместителю начальника оперативного-режимного управления полковнику внутренней службы В. Орлову. Валерий Иванович призвал меня «спуститься на землю». И привел, на его взгляд, железные аргументы: перевод одной ИТК средней численности обойдется в пятнадцать миллионов рублей; кто при нашей бедности отпустит такую сумму? Не говоря уже о нарушении хозяйственных связей с предприятиями-партнерами.

Последовав совету Валерия Ивановича, я, спустившись на грешную землю, отчетливо осознал, что и осужденные, и военнослужащие — заложники одной системы, вынужденные расплачиваться своим здоровьем и самой жизнью за некомпетентность, нерасторопность и безразличие к судьбам людским административной машины. Мощной и совсем не агонизирующей, а процветающей. Вдумайтесь: за пять лет после аварии на ЧАЭС в зону заражения 10 раз (!) призывались солдаты и сержанты! А сколько еще она пропустит через себя? Какими миллионами оценить здоровье этих молодых парней, их будущих детей и внуков? Как, впрочем, и здоровье осужденных, которых ни один суд не приговаривал к наказанию радиацией. Их всех будто отдали на закланье.

Когда материал готовился к печати, стало известно, что по согласованию с финансово-плановым управлением МВД СССР разрешена выплата единовременного денежного пособия прапорщикам и офицерам — подчиненным майора М. Гавриловца и лейтенанта А. Лошкова. Вопрос о постоянной выплате процентных надбавок из руслу разговоров перешел наконец в стадию решения. Удалось все-таки сдвинуть с мертвой точки телегу бюрократизма. А сколько еще военнослужащих в пораженной зоне остаются пораженными в правах?

Прапорщик А. ЯГОДИН.

Оршанско-Хинганское Краснознаменное центральное управление внутренних войск.

Начальник финансово-планового управления МВД СССР
генерал-майор внутренней службы В. СОКОЛОВ:

«СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА УКРЕПЛЯЕТСЯ»

Кризис экономики, инфляция не пощадили никого, в том числе и Министерство внутренних дел. Именно потому социальная защита сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих внутренних войск становится приоритетным направлением в деятельности финансово-планового управления МВД СССР. Так считает его начальник — генерал-майор внутренней службы В. СОКОЛОВ, который согласился ответить на вопросы нашего корреспондента.

— Валентин Лукьянович, вряд ли преувеличу, если скажу: вы первый, кто несколько приоткрывает завесу, долгое время скрывавшую от широкого круга наших читателей заботы финансово-планового управления МВД СССР. Поэтому вначале вопрос общего характера: на чем базируется ваша деятельность?

— Мы исходим из решений съездов народных депутатов, указов Президента СССР, законов, постановлений Правительства страны, приказов министра. К примеру, второй Съезд народных депутатов рассмотрел вопрос «Об усилении борьбы с организованной преступностью». Естественно, что МВД СССР, в том числе и Главное управление командующего внутренними войсками, наметили и осуществляют меры, направленные на качественное обновление всех сторон организаторской и практической работы своих подчиненных, повышение их профессионального мастерства. Это требует средств. И немалых: на голом энтузиазме материально-техническую базу подготовки кадров не создашь. Тем более нормальные жилищно-бытовые условия. Нужны субсидии и обоснованные, соответствующие потребностям расчеты их необходимости. За последние два года МВД СССР совместно с Министерством обороны и КГБ СССР внесли в Правительство несколько обсто-

тельно подготовленных предложений, направленных на улучшение материального обеспечения работников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск.

— Если можно, конкретнее.

— Пожалуйста. 1989 год: военнослужащим внутренних войск, обеспечивающим общественный порядок при чрезвычайных обстоятельствах, связанных с массовыми антиобщественными проявлениями, установлена выплата в полторном размере окладов по должности и воинскому званию, льготная выслуга лет на пенсию (месяц за полтора), а также выплата суточных денег. Предусмотрен краткосрочный отпуск по истечении трех месяцев пребывания в командировке на десять суток с правом проезда за счет МВД. Лицам, получившим ранения, контузии или увечья, установлена выплата единовременных пособий в размере от 200 до 400 рублей. Им предоставляются бесплатные путевки в санатории и дома отдыха.

1990 год: повышены должностные оклады офицерам на 40—50, прапорщикам и военнослужащим сверхсрочной службы на 20 рублей в месяц. Тогда же установлена выплата за классную квалификацию офицерам 15—25 рублей, медицинскому персоналу из числа военнослужащих — 20—

75 рублей в месяц. Стали выплачивать компенсацию за поднаем (наем) жилых помещений: 60 рублей, согласитесь, помощь ощутимая. Увеличены размеры полевых денег, а также пособий при увольнении в запас военнослужащих срочной службы. Они теперь при нахождении в пути свыше суток в один конец получают проездные документы на проезд в плацкартном, а не в общем вагоне. Разрешена выплата подъемного пособия (кроме солдат и сержантов срочной службы) при перемещениях в пределах войсковой части на расстояние свыше 100 километров в размере 100 процентов месячного оклада денежного содержания. Было — 50 процентов...

— Вы говорите пока только о военнослужащих внутренних войск. Видимо, в органах внутренних дел сотрудники тоже ощутили перемены в материальном положении!

— Безусловно. Но мне подумалось, что читателям вашего журнала это не будет интересно.

— Почему же, мы рука об руку выполняем задачи по охране общественного порядка, вместе заняты реализацией исправительно-трудовой политики, наконец, не редкость, когда офицер, прапорщик или солдат, сержант переходит на службу в органы внутренних дел. Так что любопытство не праздное.

— С 1 января 1990 года на 30—45 рублей в месяц повышено денежное содержание рядового и младшего начальствующего состава органов внутренних дел. А среднего и старшего начальствующего состава подразделений уголовного розыска, БХСС, следственных и экспертно-криминалистических — в среднем на 70—100 рублей.

С 1 мая 1990 года в среднем на 60 рублей в месяц выросли должностные оклады у данной категории лиц в остальных службах милиции, в пожарной, вневедомственной охране, ИТУ. Чаше стало практиковаться премирование сотрудников, им оказывается и иная материальная помощь. Для этого впервые были определены специальные средства в размерах двух и одномесечного фонда оплаты труда.

Сами понимаете, суммы на все это потребовались большие. Выплатить их сразу нам оказалось не под силу, поэтому прибавки к окладам осуществлялись не сразу, и не по максимуму, да и не всем. В первую очередь — работникам оперативно-следственных подразделений на уровне установленной «вилки», затем — остальных.

— В МВД СССР есть рабочие и служащие. Повысилась ли у них зарплата?

— Да. Мы внесли предложения в Государственный комитет по труду СССР, в Секретариат ВЦСПС (так он тогда именовался), и принято специальное решение.

— В какую же сумму вылились добавки всем тем людям, о которых вы говорили! Перечень их внушительный...

— Да и деньги немалые! Из союзного бюджета Минфином СССР дополнительно выделено 110 миллионов рублей. Часть средств изыскана из собственных резервов, из республиканских бюджетов. Как говорится, с миру по нитке. А что делать, если милицейская служба не только малопrestижна, но и малооплачиваема. Ставится задача усилить борьбу с преступностью, особенно с организованной, но ведь сделать это могут лишь кадры, которые не ломают голову: на чем ехать на операцию, как обеспечить устойчивую связь на любом расстоянии и в любую погоду, как дотянуть до полочки, как прокормить семью? Знаю, что и престиж офицерской службы упал. Военные справедливо считают: их ратный труд по защите Отечества, их жизнь, полная тягот и лишений, должны оплачиваться выше, к примеру, труда водителя автобуса. Слишком несоизмерима мера ответственности одних и других перед обществом, государством, историей, наконец. Вот почему МВД СССР в конце 1990 года направило в Правительство дополнительные предложения по улучшению материального обеспечения сотрудников правоохранительных органов. И как результат: Кабинет министров 12 февраля с. г. принял постановление «О повышении денежного содержания личного состава органов внутренних дел». Оно установлено для рядового и начальствующего состава на уровне военнослужащих Советской Армии. Кроме того, впервые оклады рядового и младшего начальствующего состава стали иметь тарифы семи категорий, что позволило дифференцированно подойти к оплате их труда: учитывать стаж службы, ее характер и качество, продолжительность. Оклады сотрудников милиции зависят и от того, где они несут службу. В отрядах особого и специального назначения плата выше, чем в остальных службах.

— Валентин Лукьянович, в системе МВД есть немало средних специальных и высших учебных заведений. Многие сотрудники учатся в вузах страны. Не оказались ли эти люди за рамками принятых решений!

— О них мы тоже позаботились: это наши кадры, наше будущее. Так, курсанты и слушатели учебных заведений МВД СССР в период прохождения ими производственной и учебной практики в отрыве от места дислокации взамен компенсации за продовольственный паек будут получать суточные деньги в размере 3 рублей 50 копеек в день. К их стипендиям, сохраненному денежному содержанию будет применяться районные коэффициенты, которые установлены для работников учебных заведений народного хозяйства в данном регионе.

А вот еще очень важное и, наверное,

долгожданное решение. Оно касается заочников, обучающихся в юридических вузах страны. Раньше они в период сессий получали на руки не более 100 рублей. Это мало стимулировало их учебу. Сегодня ограничены сняты, и студенты-заочники будут получать денежное содержание в полном объеме за весь период дополнительных отпусков на сдачу экзаменов и курсовых работ.

Постановление Кабинета министров СССР коснулось и таких вопросов, как служба в отдаленных, высокогорных районах. Раньше случались различного рода конфликты из-за того, например, что, посылая сотрудника на учебу на 3—6 месяцев, выплату повышенного оклада, надбавку за непрерывную службу в высокогорной или отдаленной местности или сумм по районным коэффициентам производили только за 2 месяца. Не все хотели терять в зарплате, вот и начиналась нервотрепка. Теперь ей положен конец, уехал в служебную командировку, на переподготовку — получай все сполна.

— Вы говорили, что новые условия оплаты труда введены для работников органов внутренних дел, содержащихся за счет союзного бюджета. Но, насколько известно, в республиках правительства нередко устанавливают свои условия, притом более выгодные.

— Правительство СССР, принимая решение, подчеркнуло, что вновь вводимые должностные оклады определяют минимальные размеры денежного содержания рядового и начальствующего состава органов внутренних дел на территории страны, и оно обеспечивает их государственную гарантию. Где бы ты ни находился, ни нес службу, можешь быть уверенным: определенный размер платы тебе обеспечен. Правительствам же союзных республик рекомендовано установить применительно к постановлению Кабинета министров свои условия оплаты труда работников органов внутренних дел за счет средств республиканских и местных бюджетов, средств соответствующих министерств, ведомств и обеспечить финансирование мероприятий. В некоторых республиках такие решения уже приняты. Например, в Российской Федерации у милиционеров оклады выше, чем у их коллег, содержащихся на союзном бюджете.

— Военнослужащие внутренних войск тоже ощутили прибавки, правда, из союзного бюджета. Что особенно важно: произошло это накануне повышения цен. Так было задумано!

— Было специальное поручение Президента СССР Правительству разработать программу социального обеспечения военнослужащих, членов их семей, а также лиц, уволенных с действительной службы. Реализация программы началась, но рассчитана она на несколько лет. На начальном

этапе, как вы знаете уже, повышены на 90—150 рублей должностные оклады офицерам, прапорщикам и военнослужащим сверхсрочной службы. При этом у прапорщиков, имеющих стаж непрерывной службы 20 и более лет, оклад более высокий. На 20—40 рублей увеличено денежное содержание курсантам военно-учебных заведений, солдатам и сержантам срочной службы.

В связи с ростом цен офицерам и прапорщикам повышены должностные оклады на 80 рублей. Курсантам, сержантам и солдатам — на 20. Офицерам на 30 рублей увеличена прибавка взамен продайка, а прапорщикам и военнослужащим сверхсрочной службы денежная компенсация за продажек возросла до 50 рублей в месяц.

С 1 июля повышены нормы выплат ряда добавочных видов денежного довольствия. Цель — стимулировать высокую профессиональную подготовку военнослужащих и прохождение ими службы в экстремальных условиях. В два раза выросла надбавка за особые условия службы у солдат и сержантов. В полтора раза — надбавка за классную квалификацию офицерам. Существенно увеличены нормы выплаты денежного вознаграждения за водолазные работы, морское денежное довольствие. Введены надбавки за особые условия службы офицерам инженерно-технического состава авиации.

Пять месячных окладов вместо двух теперь выплачивается увольняемому в запас по возрасту, болезни, сокращению штатов или ограниченному состоянию здоровья офицерам, прапорщикам и сверхсрочнослужащим в качестве единовременного пособия. Можно будет спокойно подыскать место работы, лучше устроить быт.

Который год страну лихорадит горячие точки, где льется кровь, где служба связана с риском для жизни. Кабинет министров установил, что военнослужащим срочной службы, изъявившим желание добровольно проходить службу на территории республик Закавказья, должностные оклады и дополнительные виды довольствия будут выплачиваться по нормам, предусмотренным для военнослужащих сверхсрочной службы. Им установлена льготная выслуга лет для исчисления пенсии (месяц — за полтора) и определен очередной отпуск продолжительностью 45 суток.

Подготовлены предложения по совершенствованию денежного довольствия военнослужащих, которые исполняют свой долг в отдаленных местностях.

Нет сомнения, что реализация мер, направленных на улучшение материального обеспечения и усиление социальной защищенности военнослужащих, а также лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, в немалой степени будет способствовать повышению их активности в деле укрепления правопорядка в нашей стране.

Наш адрес: 111250,
г. Москва, Е-250,
редакция журнала
«На боевом посту»

Столкнулся... с порядочностью

Пишет вам бывший осужденный, до недавнего времени «мотавший срок» в колонии-поселении для лиц, твердо вставших на путь исправления. Я не раз уже собирался обратиться к вам, но откладывал на потом, до освобождения. Это имеет принципиальное значение. И вы сейчас поймете, почему.

В последнее время о жизни в исправительно-трудовых учреждениях написано немало, и в основном публикации на эту тему носят остро критический характер. Удивляться здесь, к сожалению, нечему. Проблем в области пенитенциарной политики накопилось предостаточно. Особенно это касается взаимоотношений воспитателей и воспитуемых...

Но я хочу рассказать не о плохом, а о хорошем.

В поселке мы, семейные осужденные, проживали вместе с военнослужащими, осуществлявшими надзор за нами. У нас были общими и магазины, и клуб, и школа, и детский сад. Нередко ютились под одной крышей и семья прапорщика, и семья поселенца, то есть не было разделения на «белых» и «черных». При этом хочу заверить, ни о каком панибратстве, фамиллярности не могло быть и речи. Военнослужащие добросовестно выполняли свои обязанности — проводили проверки, при необходимости — досмотры, случалось, и провинившихся ставили на место. Но никогда между ними и осужденными, а уж тем более между членами их семей не возникало конфликтов. А как вы думаете, почему? Ответ очень прост: не было в действиях прапорщиков ни грубости, ни хамства. Свои обязанности они выполняли, не унижая достоинства осужденных, строго следуя букве закона и не превышая своих полномочий. И осужденные старались вести себя вежливо, исключая из своей речи нецензурщину и похабщину.

И в повседневной жизни никто из прапорщиков не стремился никогда продемонстрировать свое превосходство. Так, за три года я ни разу не видел, чтобы кто-то из военнослужащих пытался в магазине приобрести товар без очереди. Пусть даже эта очередь состояла сплошь из поселенцев. Кому-то этот пример может показаться малозначительным. Однако, поверьте мне на слово, для поселенцев это имело очень большое значение.

За девять лет, проведенных в различных ИТК, частенько (чего уж там скрывать!) доводилось мне слышать далеко не лестные отзывы осужденных о военнослужащих. Да и сам не раз сталкивался с грубостью и хамством.

Именно поэтому позвольте через ваш журнал выразить свою признательность прапорщикам Николаю Постриганю, Александру Батуре, Евгению Лисниченко. Для меня они навсегда останутся примером воинской чести, добросовестного отношения к нелегкой службе!

Александр САМАРСКИЙ,
бывший осужденный,
Красноярский край.

В списках не значимся

С большим трудом вырвался в увольнение (они у нас, вообще-то, запрещены) — хотел «дембельские» подарки родным и близким купить в поселковом магазине. Не тут-то было! Товары то есть, но нам их не продают. Вы, говорят, не местные. Все с прилавка только своим — по спискам да по купонам.

Выходит, как служить — так там, где велит Родина, а как отовариваться — так по месту жительства?

...Когда проводились выборы в местные Советы, будущие избранники народа сулили золотые горы. А потом забыли про нас. Не нужны мы им. Им только наши голоса на выборах нужны.

Сержант А. КУЗНЕЦОВ.

Плевок в душу ветеранам

Сейчас стало модным охаивать прошлое и ниспровергать авторитеты. Вот и В. Войнович разразился очередным опусом, поднятым на Западе на щит, да и у нас, к сожалению, тоже: журнал «Юность» опубликовал вторую часть его повести «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» (№ 6—8, 1990).

В произведениях Зоценко, Булгакова сатира тоже доходит порой до гротеска, но там есть боль, сострадание к жертвам тоталитарной системы. В повести же Войновича — ехидное зубоскальство, набор пошловатых анекдотов да самоуверенность дилетанта от истории.

Представляю, каково читать сей грязный пaskвиль ветеранам войны, проливавшим кровь на ратном поле в лихую для Отчизны годину. Это плевок в душу не только им, остановившим фашистские орды, но и всем нам. Да разве смогли бы такие «придурки», как главный герой повести рядовой Чонкин, остановить фашистского зверя, а потом добить его в его же логове?! Окунувшись в эту пену эмигрантской злобы, я подумал: а зачем вообще была написана повесть? Может быть, она высветила потаенные стороны нашей истории, поведала нам, читателям, о неизвестном? Ничего подобного! Более того, я уверен: напиши Войнович эту повесть теперь, она из-за своих весьма средних литературных качеств вряд ли смогла бы пробиться на страницы союзного журнала. Возникает и другой вопрос: видимо, автор выполнял «социальный заказ», таким образом зарабатывая свой кусок хлеба, не умея это делать по-другому. Если так, то его можно еще как-то понять. А вот позицию редколлегии журнала «Юность» понять трудно. Ради дешевой популярности она гонит «чернуху», не желая замечать того, что читатель уже сыт по горло «творениями» такого рода и хочет наконец увидеть на страницах журнала настоящих молодых прозаиков и поэтов, испытательным полигоном для которых журнал и должен быть.

В. ВОЛКОВ.

г. Минск.

Горжусь своим капитаном!

Не принято у нас мужей хвалить (может, чтоб не сглазить?). А я не боюсь сглазить и хочу рассказать о своем супруге.

Познакомились мы, когда Юра окончил первый курс Орджоникидзевского училища имени С. М. Кирова. И через три дня расстались. На два года. И когда снова встретились, он сказал, что хотел бы связать свою жизнь с моей. Тогда я и не предполагала, что дорожке этого человека у меня никого не будет. Теперь у нас уже дети — сын и дочь. И никогда никаких ссор и недоумков. О черных часах, днях, когда он на службе или в командировке, говорить не хочется. Тепло, сердечность, доброта и нежность разливается по всему дому, когда он наконец приходит домой. Я до сих пор удивляюсь, откуда у него столько человечности, теплоты ко всем нам. На работе его уважают, хвалят, наградили медалью «За отличие в воинской службе» — и знаю, что это заслуженная медаль, чистая.

Приезжает из командировки уставший, пыльный, голодный, а сам улыбается, старается и детишек, и меня — всех сразу обнять, расцеловать: «Ох, как я по вам соскучился!» Никогда не забудет каждому какой-нибудь сувенир. А отдохнув немного, приведя себя в порядок, никогда не валется на диване с газетой. Наоборот, сразу же выясняет, чем надо помочь. А я уж стараюсь к его приезду все дела переделать — устает же он там!

Вот такой у меня муж, Юрий Петрович Трофименко. Государственный человек — капитан, делегат съезда комсомола внутренних войск. Любимый мой...

С уважением
Майя ТРОФИМЕНКО.

Не до музыки...

Знаю, есть такой приказ, запрещающий назначать нас, военных музыкантов, в наряды, на хозяйственные работы и т. д. — словом, привлекать к решению служебных задач, не связанных с военно-оркестровой деятельностью. К сожалению, в жизни он не выполняется. Мы уже смирились с тем, что нас посылают на розыск бежавших солдат и осужденных, ставят в засады (не снабдив никакими средствами защиты), отправляют в командировки за призывниками. А после того, как пришла шифровка о готовящихся в колониях акциях неповиновения, нашего брата включили еще и в состав оперативно-маневренной группы. Теперь мы ходим на «зону» и ищем в канализационных колодцах подкопы. Абсурд? Несомненно!

До того, как переквалифицировались в контролеров, мы активно готовили концертную программу к празднику. Теперь нам не до музыки...

От имени личного состава
военного оркестра
старший сержант
Э. МОЛОСТОВКИН.

ФУГАСЫ ПОД ПРЕСТИЖ СЛУЖБЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТОЙ

1. За «глобальностью» проблем

Чуть ли не ежедневно в журнал поступают письма от военнослужащих с просьбой помочь уволиться в запас. Уволиться досрочно из-за нежелания продолжать службу, из-за разочарования в избранной профессии. Далеко не всем из вставших на этот путь удается осуществить задуманное (почему — тема отдельного разговора). И тем не менее, как свидетельствует статистика, за год войска по названным выше причинам лишь офицеров теряют примерно столько, сколько выпускает их одно наше военное училище. А сколько прапорщиков, сверхсрочнослужащих правдами и неправдами покидают строй?!

Самое печальное — процесс этот нарастает, приобретает все более тревожный характер. Симптоматично, что среди желающих ускорить расставание с армией значительный процент составляют именно те, кого на путь разочарования в службе привели, наряду с социальной незащищенностью, черствость, бездушие начальников, разучившихся за «глобальностью» решаемых задач видеть конкретного живого человека, с его именем и фамилией, запросами, интересами.

Вот весьма характерное письмо. Пришлал его капитан В. Вагин. Он служит на майорской должности, однако, несмотря на отсутствие оснований для задержки в присвоении ему очередного воинского звания, решение вопроса волокитится. Несколькими раз из части высылали представления, но хода в соединении им не давали. Поначалу члены аттестационной комиссии посчитали, дескать, рановато: мало проходил офицер в новой должности (весьма распространенная порочная, противозаконная практика, когда присвоение очередного воинского звания увязывается со временем пребывания офицера в должности). Потом просто, без объяснений, не рассматривали документы. Наконец,

объявили: дадим добро, но только после того, как кандидат на майорскую звезду перевезет к месту службы свою семью. Но, во-первых, куда было Вагину перевозить домашних — нет пока у него дома, не выделили квартиру. Во-вторых, где записана, в каком приказе такая правовая норма, определяющая зависимость присвоения звания от места пребывания домашних офицера? Нет такого приказа и быть не может.

«Поверьте, написал вам не для того, чтобы «выбить» себе очередное звание, а чтобы привлечь внимание к вопиющей несправедливости, чтобы в нашей жизни что-то менялось к лучшему, — пояснил Вагин. — Ведь не секрет, что сейчас многие офицеры, особенно молодые, теряют интерес к службе лишь потому, что лишены реальной возможности достойно, не рискуя карьерой, постоять за себя, огрadyть от нередкого произвола начальников. Бездушное отношение к личности офицера иной раз и меня наталкивает на мысль написать рапорт об увольнении. Жаль вот только двенадцати лет офицерской службы, которой отдавал всего себя...»

Кто-то может возразить, зачем, мол, такие частные случаи выносить на страницы журнала? Ну, задержали звание, подумаешь, трагедия, да такое сплошь и рядом наблюдается... Именно своей типичностью и привлекла наше внимание исповедь Вагина. Его переживания отнюдь не «буря в стакане». Очень даже можно понять — при желании, конечно,— его обиды. Семь лет ходит в капитанах, кто-то из одноклассников, поди, уже «подполковника» ждет, а тут «майора» не дают. И не потому, что не достоин, а просто ради того, чтобы почувствовал свою зависимость от начальства...

Самое удивительное, что, когда об этой печальной истории рассказал знакомому кадровику, услышал: а что плохого в том, что прежде, чем присвоить звание, к офицеру присматриваются?.. И потом, о человеке заботу проявили, а он в бочку лезет: дескать, когда семья рядом, и служба идет легче, и глупостей не натворит...

Сказано все это было, что называется, от души. Значит, не все из нас готовы «по капле из себя раба выдавливать». Не все переориентированы на жизнь по законам правового государства.

А вот еще образчик «чуткости» руководителей при погонах при решении жизненно важных вопросов подчиненных. Майор Н. Мардонов учится в институте. Так совпало, что вызов на очередную сессию в вуз пришел Николаю Нарзикульевичу, когда он находился в командировке в одной из горячих точек. Офицер обратился по команде с просьбой предоставить ему возможность отчитаться за семестр. Хоть и обещали до этого начальники пойти навстречу студенту-заочнику, никто не поспешил выступить с ходатайством об отзыве его с далекого юга. Но речь ведь шла не о капризе военнослужащего, а, если хотите, о его судьбе: в лучшем случае ему пришлось бы оформлять академический отпуск, в худшем он мог в итоге оказаться за порогом учебного заведения.

Можно, конечно, принять во внимание сложность ситуации, когда отзыв офицера, в силу обстоятельств оказавшегося за тысячами километров от места постоянной службы и учебы, не сразу решается. Но это ведь вовсе не означает, что в таком случае можно попросту отмахнуться от человека, прикрываясь чрезвычайностью возложенных на личный состав задач.

Майор Мардонов после благополучного разрешения конфликта вновь обратился в журнал — со словами благодарности в адрес редакции и в адрес... своих командиров. Что ж, хорошо то, что хорошо кончается. Ну, а если бы человек не решился написать в печатный орган войск? Известен случай, когда как раз препоны в реализации права, конституционного права на учебу подтолкнули офицера с хорошей перспективой на путь отказа от дальнейшей службы. Уволиться ему не дали, но карьеру он себе испортил полностью и бесповоротно.

А теперь о сложной обстановке, на которую нередко ссылаются иные начальники, отмахиваясь от житейских просьб подчиненных. Она у нас практически постоянно непростая. Особенно в так называемых горячих точках. Кому доводилось бывать там, воочию убеждались, в каких иногда неимоверно трудных условиях выполняют служебные обязанности наши парни. К ним и отношение должно быть соответствующее. Увы, и те, кто нередко ходит под пулями, постоянно рискует жизнью, не застрахованы от унижений и оскорблений со стороны начальства. Не потому ли нам, журналистам, частенько во время командировок в Нагорный Карабах, другие горячие точки приходилось слышать признания офицеров, прапорщиков, что их держит в войсках лишь существующее законодательство, не позволяющее уволиться по собственному желанию. И ладно,

бог с ним, если бы такие заявления делали люди, случайно оказавшиеся в наших рядах или испугавшиеся тягот службы. Немало среди них и таких, кто выбрал военную профессию по зову сердца. И к трудностям объективным они относятся спокойно, с пониманием. Но вот с чиновничьим произволом, бездушием к себе и своим близким мириться не желают.

2. С глаз долой, из сердца вон

На службу военную приходит каждый своей дорогой. И расстаются с ней по-разному. Во многих частях и подразделениях проводы тех, кто верой и правдой исполнил свой воинский долг, проходят в торжественной обстановке. Этот ритуал, как правило, запоминается на всю жизнь. И тем больнее отзываются в сердце письма с обидами бывших военнослужащих, с которыми расстались в коллективе по-казенному, равнодушно, а то и обидев на прощание.

Старший сержант Василий Манжуров за годы сверхсрочной службы неплохо зарекомендовал себя в оркестре части, как хорошо подготовленный в профессиональном отношении музыкант. Да и авторитетом, надо полагать, пользовался: сослуживцы избирали его секретарем комсомольской организации, дали в свое время рекомендацию для вступления в кандидаты в члены КПСС...

И вдруг буквально за несколько дней до окончания срока обязательства с ним произошла история, которая до сих пор не дает покоя и которая побудила написать в журнал.

У Манжуровых заболел ребенок. Так сложилось, что сидеть с малышом пришлось Василию. Именно это обстоятельство поставил подчиненному в вину его начальник — военный дирижер лейтенант С. Брыкин. Несмотря на наличие медицинской справки и соответствующего рапорта, офицер объявил старшего сержанта прогульщиком. И еще не вышедшего на службу человека уволили. Уволили с нарушением всех существующих норм и прав военнослужащего.

Вот такой получился минорный заключительный аккорд в службе военного музыканта.

Как проинформировал редакцию подполковник М. Змеев, решение командира об увольнении старшего сержанта признано неправомерным. Пункт приказа о его увольнении изменен. Должностные лица, виновные в незаконных действиях, привлечены к дисциплинарной ответственности. В. Манжурову сделан перерасчет денежного довольствия. А как произвести моральный перерасчет?

Немало нервов попортили на финише службы прапорщику Исааку Мустафиновичу Мустафину. Все началось с того, что, прибыв в строевую часть оформляться на заслуженный отдых, он напомнил: а как насчет неиспользованного очередного отпуска? Каково же было его удивление, когда ему показали отпускной, по которому он якобы отдыхал уже... Ладно бы те, кому положено, тут же разобрались детально в недоразумении, извинились за свое головотяпство, исправили ошибку. Ничего подобного! Не добившись правды, уже находясь в запасе, вынужден был Мустафин доказывать очевидные вещи. В конце концов с помощью журнала это удалось. Ему выплачена денежная компенсация за непредоставленный отпуск, а к лицам, пытавшимся водить его за нос, «приняты меры». Вот бы знать еще, кто же конкретно виновен в злключениях Мустафина и какие-то меры приняты? Надеемся, что на эти вопросы ответит нам генерал-майор В. Крылов, подписавший ответ в редакцию.

Не лучшим образом поступили при увольнении и с ефрейтором И. Ходыревой. Должность, которую она занимала, в результате оргмероприятий сократили, а так как подходящей вакансии для нее не оказалось, пришлось ей уходить из гражданку. К случившемуся Ирина Леонидовна отнеслась с пониманием, но вот другого понятия не смогла.

Короче, ее рассчитали так, что не хватило одного-единственного дня до наступления права на получение единовременно денежного вознаграждения за непрерывную службу. Не ахти какие по нынешним временам деньги, но для девушки любая сумма, выраженная трехзначной цифрой, — не мелочь. Ходырева попыталась выяснить, почему же так с ней обошлись. Сославшись на какие-то приказы, в строевой и финансовой службах отмахнулись от нее, как от назойливой мухи. Консультация со специалистами только подтвердила: с Ириной поступили бездушно, по-казенному. После запроса редакции по ее письму командир соединения отреагировал однозначно: безобразно, нельзя так с людьми обращаться. Пообещал: если есть необходимость, изменим дату исключения из списков личного состава. Однако при более детальном разборе ситуации на месте выяснилось — и без того есть все основания для выплаты Ходыревой единовременного денежного вознаграждения. Накладка же — результат некомпетентности офицера штаба части майора В. Рябушки и финансистов. Надо полагать, с ними уже разобрались. А вот Ходырева, которой деньги выплачены после стольких хождений по мукам, долго еще будет вспоминать равнодушие, черствость, которыми ее отблагодарили за службу в войсках, прерванную, кстати, не по ее воле.

И наконец, история, куда более печаль-

ная. Прапорщик А. Иванов заболел туберкулезом легких. Долго лечился, перенес тяжелую операцию. Ему как будто шли навстречу, поддерживали как могли. Пока не завел он речь об увольнении. За плечами у Александра Федоровича к тому времени набиралось 20 лет выслуги и, как послушали заверить его начальники, он вполне мог оформляться на пенсию. И человек с легким сердцем написал рапорт, которому тут же дали ход. Каково же было потрясение прапорщика, когда выяснилось — не наступило у него права на пенсию: не исполнилось 40 лет...

Неужели должностные лица части не знали действующих правовых норм о прохождении службы прапорщиками? Без всякого сомнения, и знали, и ведали, что творят. И ни у кого не дрогнула рука, подписывая соответствующие документы. Так оказался человек, более двадцати лет жизни отдавший войскам и по сути потерявший на службе здоровье, без пенсии. А у него, между прочим, шестеро детей.

По просьбе редакции журнала судьбой Александра Федоровича занимались офицеры управления кадров главка. Начальнику отдела кадров управления внутренних войск по Средней Азии и Казахстану предлагалось выступить с ходатайством об отмене приказа об увольнении прапорщика Иванова, чтобы дать ему возможность дослужить до момента наступления права на пенсию. Увы, эта рекомендация так и не была реализована. По-видимому, бывшие начальники прапорщика посчитали необязательным и обременительным исправлять свои кадровые и чисто человеческие просчеты. Хотя нетрудно представить реакцию любого из них, окажись они в подобной ситуации.

Пенсию А. Иванов, надо полагать, уже получает (согласно новому законоположению о пенсионном обеспечении военнослужащих лица со стажем службы 20 и более лет, в том числе и в льготном исчислении, с января 1991 года получили право на пенсию независимо от возраста).

Все активнее и громче в нашем многострадальном обществе раздаются голоса и среди самих военных, и среди гражданского населения: нужны конкретные решения для восстановления пошатнувшегося престижа ратной службы, в том числе выработка правового механизма защиты людей при погонах, их чести и достоинства. Эта надежда звучит и в письмах в журнал. И еще — вера, что этот процесс будет развит и подкреплен непосредственно в воинских коллективах активной борьбой с чиновным бюрократизмом, бездушием, черствостью начальников к тем, кто в строю и кто уходит или собирается уйти в запас, унося в своем сердце память о военной службе: память эта должна быть светлой.

Полковник В. АФАНАСЬЕВ.

«ЛЕЧИТЬ РАЗРЕШАЮ»

ПРЕДСТАВЬТЕ себе ситуацию: на приеме у врача больной, и ему требуется освобождение от работы. Доктор снимает телефонную трубку и спрашивает у директора предприятия, где трудится занедуживший человек: «Иван Иванович, у меня тут работник второго цеха Петров, можно ли выдать ему больничный, достоин ли по производственным показателям?» А в ответ: «Что вы, доктор, он план не выполняет, на работу на днях опоздал, никак нельзя ему бюллетенить». «Извините, дорогой, — говорит врач больному, — вот вам рецепт, лечитесь, как хотите, но без отрыва от производства».

«Абсурд! — скажет любой человек, далекий от армейской медицины. — При чем здесь план, если лихоманка скрутила?!» А у нас это в порядке вещей, более того — закреплено уставом: ни один военнослужащий без ведома и разрешения командира не может позволить себе заболеть. Вернее, заболеть-то может, пожалуй, ста, сколько угодно, а вот лечиться... Не потому ли многие военные к пенсиям безнадежно больны, а то и вовсе инвалиды, что санкции на лечение дают командиры-единоначальники, не сведущие в медицине?

Мне могут возразить, что главная причина в том, что медицине в нашем гу-

манном обществе всегда отводилась трехстепенная роль и снабжалась она по остаточному принципу. Верно. Но военные медики — в многократно худшем положении. Помещения, которые мы занимаем, зачастую не соответствуют никаким санитарным нормам. Приходится из кожи вон лезть, чтобы как-то обустроить их. Ну где вы видели, чтобы в гражданской больнице врач своими руками ремонтировал водопровод, проводил отопление, менял канализацию? А мой начальник уже поднаторел в этом. Можно сказать, овладел смежными специальностями. Если бы не в ущерб основной! Тут, в хозяйственных вопросах, он сам себе голова, а вот в медицине — другое дело.

В Советской Армии сегодня начальник медслужбы соединения выведен из подчинения тылу дивизии. К нам же поступило штатное расписание, согласно которому медслужба части подчинена заместителю командира по тылу (вразрез с положениями устава). Кто бы разъяснил, с какой целью это сделано? Ведь, по-моему, не нужно быть семи падей во лбу, чтобы понимать: находясь в прямом подчинении командования части, начмед буквально связан по рукам и ногам.

В подтверждение — простой пример из практики. Уставом канонизировано: «Начальник медицинской службы полка контролирует санитарное состояние...» Пусть так, и, «контролируя», доктор обнаружил недостатки в столовой, где фронтом работ командует начальник продслужбы. И раз, и два, и три обращается к нему начмед — тщетно. Идет к командиру полка. Последний, выслушав доклад, напутствует: «Иди и устраний». Все помнят, наверное, что получается, «коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги точать пирожник»? Вот только больных жалко, они-то ни в чем не виноваты.

Рискуя навлечь на себя гнев высокого начальства, все же предложу: хорошо бы подчинить начмеда полка на порядок выше, то есть комдиву. Хотя бы в мирное время. Тогда-то при встречах с командиром полка он не станет понуро опускать голову и краснеть за чужие грехи, а сумеет постоять за чистоту и порядок в части. Глядишь, и кривая заболеваемости поползет вниз. Когда лечить станем не по разрешению командира, а по профессиональному долгу и совести.

Старший лейтенант
медицинской службы
Ю. СЕМЕНОВ.

ЭФФЕКТЫ И ДЕФЕКТЫ

ОХРАНА здоровья солдат порядка и оказание им медицинской помощи в ИКАО — дело сложное. Мы столкнулись с разного рода проблемами сразу же по прибытии в Степанакерт. Мы — это один из первых отрядов врачей, фельдшеров, санитаров и водителей. Впрочем, только в идеальных условиях какой-нибудь именной клиники можно говорить о четком разделении профессиональных обязанностей: фельдшеру — фельдшерство, санитару — санитарово. В ИКАО же при максимуме нагрузки и минимуме персонала каждому приходится работать за троих.

Времени было в обрез, а следовало срочно оборудовать перевязочную, операционную, аптеку, палаты для больных. Тем более в помещениях, не приспособленных для этого и не соответствующих санитарным нормам. Не делили работу на свою и чужую, чистую и грязную: хирурги капитан медицинской службы Н. Казначеев, старшие лейтенанты медицинской службы И. Обельчак, Г. Романов вместе с рядовыми О. Петровским, В. Бакеевым устанавливали медоборудование, перетаскивали кровати; мыли полы. Работали с раннего утра и до позднего вечера, буквально не покладая рук. Без отрыва от нужд хозяйственных решали вопросы профессиональные: именно на такой ритм настроила нас с первого дня тревожная обстановка Степанакерта...

Как-то получили по радиции сообщение — нужна срочная помощь военнослужащему. Уже через полчаса старший лейтенант медицинской службы Г. Романов доставил больного для операции по поводу острого аппендицита. Все бы ничего, да внезапно отключили электроэнергию. Положение усугубилось отсутствием стерильных биксов с перевязочным материалом: одно к одному.

Выручила смекалка. Прапорщик А. Соловьев кинулся во двор к ЗИЛу-131 за аккумулятором, старший лейтенант медицинской службы И. Обельчак — в горбольницу за биксами. Вернулся — дежурное освещение налажено. Больного — на операционный стол.

Случай, как назло, выдался неординарный: для специалистов скажу — необычное расположение червеобразного отростка, который к тому же оказался гнойным; неспециалистам объясню — тут уже на смекалке далеко не уедешь, умение надобно. И хотя операционные условия были куда ближе к фронтовым, нежели к оптимальным, этот бой со смертью мы выиграли.

Лиха беда начало. Дальше — больше. Еще свеж в памяти тот случай, когда в пропасть упала машина с военнослужащими. Тут же вертолет с капитаном

медицинской службы В. Юртаевым и старшим сержантом Г. Зюлькиным вылетел к месту происшествия. Неотложная помощь, транспортировка в Степанакерт и почти трое суток без сна и отдыха. Ребята находились в ужасном состоянии: черепно-мозговые травмы, сотрясение головного мозга, множественные ушибы туловища и конечностей, вывихи. Недавно встретили их в Москве — порядок, улыбаются.

Мы были первыми — не мы последними. И дабы в дальнейшем нашим коллегам не пришлось преодолевать те же трудности — несколько практических советов.

Крайне желательно для развертывания госпиталя посылать медицинскую разведку. Так можно сэкономить время и силы основного отряда. Нам этот «дефект» в планировании обошелся недешево. Как, кстати сказать, и другой. Мы наивно полагали, что медицина — вне межнациональных противоречий. Обязанность любого врача — помочь больному, раненому независимо от того, кто он по национальности — армянин, азербайджанец или русский. И, увы, ошиблись. Очень уж неохотно, с большим боем иной раз шли навстречу местные гиппократы. И потому целесообразно иметь с собой в биксах стерильное белье суток на трое. Честное слово, лишним не покажется. А заодно и поваров с полевой кухней: не всегда госпиталь удастся развернуть вблизи солдатской столовой. Наши больные, к примеру, первое время по этой причине были вынуждены обходиться сухим пайком.

И еще — практика показала, что апробированная и канонизированная теория развертывания полевых госпиталей и медсанбатов дала сбой. Выходит, не так уж она универсальна. В горных районах куда эффективнее готовые модули, приспособленные для проведения операций и полностью укомплектованные медицинским имуществом и медикаментами. На карту поставлены жизни, стало быть, любые затраты оправданны.

Капитан медицинской службы
А. ФИЛАТОВ.

«В 82-м В АФГАНИСТАН МЫ НЕ ВОШЛИ»

Политики, дипломаты, военные еще много лет будут с разных точек зрения исследовать войну в Афганистане, тот ее девятилетний отрезок, когда на территории сопредельного дружественного нам государства находились советские войска. Как ни пытались скрыть их истинное количество под лукавым термином «ограниченный контингент», теперь-то ясно как белый день, что через горнило той войны прошли сотни тысяч солдат и офицеров, а более тринадцати тысяч сложили там свои головы.

Об афганской войне написано уже немало, однако множество фактов, событий, документов остаются неизвестными. Сегодня я хочу рассказать о попытке ввести в ДРА части внутренних войск МВД СССР.

13 ИЮНЯ 1982 года посол СССР в ДРА Ф. А. Табеев обратился телеграммой к руководству страны (Л. И. Брежневу, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинову, В. В. Федорчуку, Н. А. Щелокову) с просьбой о срочном вводе 7—8 батальонов внутренних войск МВД СССР. Просьба эта объяснялась весьма традиционно — «осложнением обстановки». Предполагалось взять под охрану и оборону объекты советско-афганского экономического сотрудничества и места проживания советских граждан, которых всегда было достаточно много. В телеграмме также указывалось, что вопрос согласован с руководством ДРА.

Л. И. Брежнев дал указание Министерству обороны, МВД, КГБ, ГКЭС (Государственный комитет по экономическим связям) внести свои предложения. Не берусь судить и предполагать, как обсуждался этот вопрос в верхнем эшелоне руководства. Расскажу непосредственно о той работе, которую проделали генералы и офицеры внутренних войск, решая очень непростую всднюю.

18 июля состоялось совещание у начальника внутренних войск генерала армии И. К. Яковлева — члены Военного совета ознакомились с телеграммой нашего посла в Кабуле и поручением министра внутренних дел СССР о направлении в ДРА оперативной группы Главного управления внутренних войск. Предстояло совместно с представителями КГБ и ГКЭС провести рекогносцировку: изучить объекты и реальную обстановку вокруг них, определить требуемое количество сил и средств, согласовать с командованием 40-й армии и руководством МВД ДРА условия ввода войск, их материально-техническое обеспечение. Была еще и масса других вопросов — задача командованию войск сразу же представлялась чрезвычайно сложной, требующей взвешенного, быстрого и в то же время тщательного решения.

Внутренние войска не имели свободной численности. Небольшие части оперативно-го назначения дислоцировались в основном в столицах некоторых союзных республик и были предельно загружены выполнением повседневных задач.

Но как бы то ни было поручение руководства страны есть приказ, и его нам следовало выполнять. На совещании, о котором я упомянул выше, был определен состав группы для скорого вылета в Кабул. Возглавлять группу поручили мне (в то время я был первым заместителем начальника штаба войск). Сразу замечу, что мне здорово повезло с заместителем — генерал-майор П. А. Степанов уже провел в Афганистане почти два года, прекрасно знал обстановку. Через несколько дней, уже в командировке мы убедились в высоком авторитете Павла Александровича среди руководителей советских представительств в ДРА, сотрудников МВД Афганистана, наших воинов.

Хочу поименно назвать всех офицеров нашего главка, с которыми работали в те дни: В. А. Пономарев, Н. Ф. Руденко, Б. П. Абросимов, В. В. Москаленко, В. П. Попов, А. Д. Мосунов, В. А. Дурбажев, С. В. Киреев, Ю. П. Власов, В. И. Ульянов — грамотные, опытные, физически крепкие, они оправдали доверие командования войск.

28 июля я был в кабинете начальника войск, когда позвонил заведующий отделом административных органов ЦК КПСС А. И. Савинкин и потребовал ускорить наш вылет.

29 июля наша группа, к которой присоединился представитель КГБ полковник Александров, вылетела традиционным маршрутом через Ташкент.

31 июля мы были в Кабуле и сразу же начали работу. Первое совещание — у руководителя представительства МВД СССР генерал-лейтенанта милиции Н. Е. Цыганника. Я доложил цель командировки, ее

сроки. До нас довели обстановку, подробнее охарактеризовав ее в тех провинциях, где находятся интересующие нас (и, естественно, душманов) объекты.

Разговор был полезным. Я задал вопросы, которые волновали меня больше всего. Во-первых, кто подал послу Табееву идею о привлечении внутренних войск? Во-вторых, не явится ли это нарушением международного права? Ведь внутренние войска на международном языке классифицируются практически как полицейские силы. Какова будет реакция в мире? Не осложнит ли это и без того непростую ситуацию вокруг ДРА? Скажу откровенно — вопросы мои вызвали некоторое замешательство среди наших представителей. Ответа я не получил, и тему эту решили на время отложить, начинать работу.

В ТОТ ЖЕ день поздно вечером были заслушаны советники внутренних войск при Главном управлении защиты революции (ГУЗР) полковники Е. А. Мальцев и В. П. Сабинин. Руководитель группы советников Н. И. Кулик находился в командировке в одной из провинций, с ним мы встретились позже. Беседовать с коллегами было не просто интересно — что называется, понюхавшие пороку, они предельно четко и объективно обрисовали оперативную обстановку, взгляды на предполагаемый ввод наших войск в ДРА.

Части царандоя (специальные формирования МВД ДРА) созданы в Кабуле и большинстве провинций, идет процесс их организационного укрепления и боевого слаживания. Они принимают участие в охране общественного порядка, проводят самостоятельные операции по ликвидации банд-групп, а также взаимодействуют в большинстве операций с частями афганской армии и нашей 40-й. Причем действия царандоя высоко оцениваются как нашим, так и афганским командованием. Моральный дух в этих частях высок, случаи перехода на сторону противника или дезертирства — явления редкие. Наверняка здесь сказались основательная подготовка командного и политического состава на курсах у нас в Союзе, в Ташкенте. Да и советники из числа наших офицеров трудились в частях царандоя, не жалея сил, а порою и жизни, их боевое сотрудничество с афганскими товарищами было нередко скреплено кровью.

Естественно, слабым звеном было материально-техническое обеспечение — скудное, на уровне вчерашнего дня. Практически отсутствовали тяжелое вооружение, бронетехника, автотранспорт повышенной проходимости.

С УТРА 1 августа уже определившаяся группа руководителей представительств (МВД, КГБ, опергруппа ГУВВ) собралась у представителя ГКЭС в Кабуле товарища Гуцина, чтобы предварительно, еще до доклада послу, определить

перечень объектов, которые предполагалось взять под охрану.

Дебаты наши продолжались долго — далекие от военного дела люди, в полной мере прочувствовавшие, что такое реальная война, хотели охранять силами наших солдат буквально все. Перечень поначалу оказался длиннющий, едва ли не в каждой провинции обнаружилось «важные» объекты, которым угрожали душманы. Мы призывали всех быть реалистами, трезво оценить наши возможности. В итоге в списке остались авторемонтный завод, домостроительный комбинат, совместное автотранспортное предприятие «Афсотр» — в Кабуле; газоперерабатывающий завод в Шибиргане; завод азотных удобрений, нефтяной техникум, элеватор и хлебокомбинат — в Мазари-Шарифе; ирригационный комплекс в Джелалабаде и разработки залежей меди в кишлаке Айник. На многих этих объектах работали советские специалисты, преподаватели, за жизнь которых тоже возникали серьезные опасения. Естественно, это было первой заботой, главной болью каждого из нас.

Высказал свои тревоги и командующий 40-й армией генерал-лейтенант В. Ф. Ермаков. Мы, люди военные, его прекрасно понимали — боевые подразделения растаскивались на выполнение не свойственных им задач по охране объектов, сопровождению автоколонн, что снижало возможности частей при проведении боевых операций.

Во второй половине того же дня мы были приняты начальником Главного управления защиты революции МВД ДРА полковником Азим Ханом и, чуть позже, министром Гюлябзоем. В ходе этих бесед афганские товарищи высказали удовлетворение, что рассматривается возможность ввода подразделений внутренних войск, высоко оценили работу наших офицеров-советников в частях царандоя.

2 августа руководители нашей группы, а также представители МВД, КГБ, ГКЭС были приняты послом Советского Союза в ДРА Ф. А. Табеевым. Познакомились. Посол стал рассказывать подробно и откровенно об обстановке в республике. В каждом слове звучала озабоченность. В Афганистане, крайне отсталом в экономическом отношении, появились с нашей помощью первые ростки промышленного производства, продуктивного сельского хозяйства, здравоохранения. И многие наши усилия сводились на нет диверсионными действиями бандформирований. Причем действия эти день ото дня становились все более организованными. Руководители банд проходили подготовку в Пакистане. На вооружении душманов было современное оружие и снаряжение производства США, Италии, Израиля, других стран.

Бандформирования активно противодействовали всем прогрессивным реформам НДПА и революционного правительства. В союзе с наиболее реакционной частью служителей ислама они бойкотировали про-

ведение земельной реформы, совершали обстрелы и прямые нападения на промышленные объекты, взрывали газопроводы, автоколонны, школы, медпункты, убивали врачей, учителей, школьников.

Мы внимательно слушали посла, не вступая с ним в полемику, так как, с одной стороны, прекрасно понимали его озабоченность, с другой — пока не готовы были вести предметный диалог. Доложили лишь план нашей работы и ориентировочный срок доклада наших предложений.

В СЮ СЛЕДУЮЩУЮ неделю шла напряженная рекогносцировочная работа. Мы изучали условия расположения объектов, их уязвимость от внешнего нападения, обстрелов из различного вооружения душманов. Промерили периметры объектов на предмет применения инженерно-технических средств охраны, минирования подступов. В каждом конкретном случае была разработана система охраны и обороны, определены места расположения караулов и подразделений, организация связи, возможности боевого и материально-технического обеспечения. При этом учитывали дислокацию ближайших частей Советской Армии, армии ДРА, царандоя, отдаленность баз снабжения и многое другое. Был сделан, естественно, предварительный расчет сил и средств, численности и структура подразделений и частей.

В следующие два дня офицеры группы, каждый по своему направлению, работали в штабе, политотделе, органах тыла 40-й армии, уточняя вопросы, представляющие взаимный интерес.

И только после этого мы с генерал-майором П. А. Степановым сделали определенные выводы. Вот их краткое изложение:

— для охраны обследованных объектов предстоит сформировать дивизию в составе одной бригады, трех полков и отдельного батальона, подразделений боевого и материально-технического обеспечения ориентировочной общей численностью 13,5—14 тысяч человек;

— части должны быть оснащены не только стрелковым вооружением, но и иметь в своем составе боевые машины пехоты, бронетранспортеры, минометы, гранатометы, автомашины повышенной проходимости, современную инженерную технику, средства инженерно-технического оборудования объектов;

— по месту расположения объектов нет готовых помещений для размещения подразделений и частей, следовательно, в случае их прибытия размещать их придется в армейских палатках, а потом строить военные городки из сборно-щитовых казарм;

— предстоит большая работа по инженерно-техническому оборудованию объектов — ограждение, оснащение техническими средствами, строительство оборонительных сооружений;

— очень сложным будет материально-

техническое обеспечение, так как армейские базы весьма далеки и подвоз продовольствия, боеприпасов, имущества потребует опять же сопровождения колонн;

— части оперативного назначения, дислоцирующиеся в нашей стране (дивизия имени Ф. Дзержинского и небольшие по численности полки и батальоны в некоторых городах), не могут служить основой новых формирований для направления в ДРА. Собрать дивизию, что называется, с миру по нитке, за счет многих частей внутренних войск МВД СССР, провести в течение трех месяцев боевое слаживание — задача трудновыполнимая. Осенью 1982 года в этом случае потребовалось бы решение Генерального штаба о проведении дополнительного призыва в войска;

— части и подразделения царандоя в то же время имели уже боевой опыт, были достаточно хорошо укомплектованы и, что важно, находились вблизи объектов.

Последний вывод представлялся нам главным — войска царандоя защищают свою революцию, действуют на своей земле. Мы же оказывали, оказываем им помощь. И готовы оказывать ее впредь. Выделив дополнительную боевую и специальную технику, можно было за 1,5—2 месяца сформировать необходимое количество частей специального назначения царандоя и принять под охрану все важные объекты.

И НАКОНЕЦ, политическая сторона вопроса. Рассматривалась возможность ввода внутренних войск на территорию другого государства, причем на неопределенное время — таких прецедентов еще не было.

Первыми, кто выслушали наши выводы, были главный военный советник Советской Армии при армии ДРА генерал армии М. И. Сорокин и командующий 40-й армией генерал-лейтенант В. Ф. Ермаков. В принципе они согласились с нами и готовы были оставить свои подразделения на охране объектов до принятия окончательного решения.

В тот же день первые результаты нашей работы я доложил начальнику внутренних войск МВД СССР генералу армии И. К. Яковлеву и заместителю министра внутренних дел СССР генерал-полковнику Б. К. Елисову. Начальник войск в целом тоже одобрил наши выводы, приказав до обсуждения вопроса у посла Ф. А. Табеева высказать мнение руководства МВД ДРА и доложить утром следующего дня.

Немедленно созвонились с министром Гюлябзоем и договорились о встрече в 21.00.

Беседовали в загородной резиденции министра за чашкой чая. Вернее сказать, чаю была выпита не одна чашка, так как разговор продолжался три часа. Свои аргументы мы приводили, на мой взгляд, дипломатично, ненавязчиво. Откровенно сказали, что возможность ввода внутренних войск в Министерстве внутренних дел СССР встречена неоднозначно по ряду

причин. Военные, технические трудности усугубляются политическими.

Нужно отдать должное министру Гюлябзою — при всех сложностях обстановки в республике, неимоверной нагрузке на части царандоя, он в конце концов согласился с нашими предложениями. Подчеркнул, однако, настоятельную необходимость в короткие сроки поставить из Союза технику, прислать новых советников. Тут же договорились о направлении с афганской стороны соответствующих запросов, заявок.

Наутро состоялся разговор по ВЧ с начальником войск. Он предложил ускорить переговоры с послом, чтобы закончить работу в два-три дня.

Скажу откровенно — не все представители МВД, КГБ и ГКЭС с полным пониманием отнеслись к нашим выводам, были горячие споры. Но все же главный разговор был впереди.

Совещание у посла было весьма представительным. Докладывая, я внимательно следил за реакцией Ф. А. Табеева. Он был спокоен. Но лишь до того момента, пока я не произнес фразу: «Внутренние войска МВД СССР в Афганистан не вводить по политическим мотивам».

Посол буквально взорвался от гнева. С места в карьер он обвинил нас в непонимании ситуации. Мой аргумент о политических последствиях был отвергнут ссылкой на то, что в северных провинциях ДРА проводятся операции нашими пограничными войсками, однако, дескать, международная общественность не высказывает ни малейшего неодобрения или возмущения.

Шквал негодования посол обрушил на отсутствующего министра Гюлябзоя, обвиняя его в некомпетентности и вообще во всех смертных грехах.

Напряженно слушал я нашего посла. Перед нами был полномочный представитель Советского Союза. Но где же его дипломатическая корректность, элементарная воспитанность, этика. Теперь уже ни для кого не секрет, что с некоторых пор на ответственные должности послов стали назначаться аппаратчики, «прогоревшие» на партийной и советской работе, безязыкие дипломаты, уверовавшие в свое всезнайство, вседозволенность, всеисилие. Именно таким предстал перед нами посол в ДРА.

Он тем временем закончил свой гневный монолог. Отступать я не собирался, тем более под напором некомпетентных разглагольствований. Свои аргументы повторил еще раз, решительно и без обиняков. С большой благодарностью вспоминаю, как настойчиво, но в то же время спокойно и деликатно меня поддерживали руководитель представительства МВД СССР генерал-лейтенант милиции Н. Е. Цыганник, представители КГБ СССР товарищи Дзюба и Александров. Посол, наконец, согласился с нашими доводами, оставив за собой право вернуться к этой теме, если в течение трех месяцев части царандоя не примут под охрану объекты.

Вышли из здания посольства. Темная южная ночь принесла относительную прохладу. Где-то неподалеку слышались автоматные очереди. Мы с генералом П. А. Степановым пожали друг другу руки, в знак благодарности за проделанную большую работу...

ОСТАВАЛОСЬ два дня работы в Кабуле. Предстояло подготовить докладную записку начальнику войск и МВД СССР, КГБ, Министерству обороны и проект постановления по данному вопросу ЦК КПСС и Совмина СССР.

Снова скрупулезные уточнения, обоснования, выкладки, на которых останавливаться сегодня не стоит. Назову лишь ориентировочную стоимость боевого и материально-технического оснащения будущего формирования — 57 миллионов рублей.

Утром 12 августа на десантном Ил-76 мы вылетели на Родину. На следующий же день докладывали о проделанной работе Военному совету войск. Подготовленные документы были подписаны исполняющим обязанности министра внутренних дел СССР Ю. М. Чурбановым, первым заместителем министра обороны Л. С. Соколовым, председателем КГБ В. В. Федорчуком.

В сентябре было принято постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, где даны соответствующие поручения министерствам и ведомствам по оказанию афганской стороне помощи в формировании специальных частей царандоя, их боевому и материально-техническому оснащению.

...Прошло много лет. Вспоминаю пережитое за свою сорокасемилетнюю службу и прихожу к выводу, что та командировка в воюющий Афганистан — самая памятная. С теплотой и болью вспоминаю афганских мальчишек — пусть будет их жизнь мирной. Думаю о том, что бы произошло, если бы, вопреки нашим убеждениям и доводам, в Афганистан были посланы тысячи солдат наших войск. Были бы новые жертвы. Так что напрасно сегодня раздаются голоса, без тени сомнения утверждающие, что высшее командование, ничтоже сумняшеся, бросало в костер той войны наших мальчишек. Нет, это не так! Поверьте мне, прошедшему Великую Отечественную и поведавшему немало крови.

Сегодня внутренние войска оказались на острие межнациональных конфликтов в своей собственной стране, выступая в роли защитника жизней людских. Надо при этом помнить, что нет более острых и болезненных вопросов, чем вопросы чести и достоинства каждого народа, большого и малого. Пусть величайшая осторожность, чуткость и внимание движут каждым офицером и генералом, волею судьбы оказавшимся в гуще нашей драматической истории.

Генерал-лейтенант в отставке
Ф. БУБЕНЧИКОВ.

ДЕФИЦИТ СОВЕСТИ,

ИЛИ

Ошельмованная армия

ОКЕАН можно вычерпать чайной ложкой, утверждают математики... Но ставят граничные условия — если убрать дожди, ликвидировать грунтовые и прочие почвенные воды, перекрыть или, как недавно было модно, повернуть реки. Такое возможно только в народной нематематической сказке. А потому в наш век суровых реалий, бессовестных фальсификаций, когда все средства хороши ради политических амбиций, сказка никогда не станет былью. И потому попытка вычерпать чайной ложкой внимательного изучения мутный океан наветов на армию — занятие безнадежное и пустопорожнее. Но остается вопрос — зачем и почему такое происходит и кому это выгодно?

Любая нация, государственность, находясь в здравом уме и твердом рассудке, исходя хотя бы из инстинкта самосохранения, обязана быть внимательной к своей армии, заботиться о ней, любить ее. Да и наш Союз Советских Социалистических Республик (или вспоминаем непопулярное ныне слово «Отечество») всегда гордился своей армией и любил ее. И отгремевшая почти полвека тому назад страшная война называлась Отечественной, слив воедино народ, государственность и армию.

Так что же произошло или что происходит? Взор, естественно, минуя досужих и всеядных журналистов, обращается за ответом к специалистам, политологам, идеологам, увенчанным учеными степенями и званиями. И хочется получить ответ однозначный и объективный, прозрачный и хрустальный, как журчащая вода в девственном горном ручье. Но, увы, наши недавние гуру, наши идеологические предводители меняют веру, как испачканное нижнее белье, мимикрируя под новые политические веяния.

В этом смысле весьма любопытен недавно обнародованный список новых действительных членов Академии наук СССР. Престижность стать навеки академиком пока еще не девальвирована, пока непреходяща, и если не вспоминать прошлые лысенковские годы, то академиком действительно становился выдающийся ученый, лидер, открывающий новые научные материки и раздвигающий горизонты идей и знаний. Во Франции академик почти серьезно причисляется к сонму бессмертных. Список новых академиков открывает математик Арнольд. Выбор сомнений не вызывает, Арнольд действительно блестящий математик и выдающийся ученый. Еще на заре туманной юности, будучи студентом, он решил одну из знаменитых задач Гильберта, позднее совместно с гениальным Колмогоровым получил Ленинскую премию за цикл

ДЕФИЦИТ
СОВЕСТИ

фундаментальных работ по математике...

Читаем дальше и видим среди бессмертных Александра Николаевича Яковлева. Если исходить из его ранних политологических работ, то все его идеологические концепции и построения рассыпались в прах... А что он проповедует сейчас? Ведь его можно без натяжки причислить к одному из творцов развала, и результаты, как говорится, налицо. Среди прочих заслуг академика Яковлева в период его пребывания главным идеологом Политбюро числится и выпуск антиармейского джина из волшебной бутылки, именуемой средствами массовой информации.

Да, модно нынче поносить армию, так возьмем лыко в строку, подскоким со спины и громко пискнем, как все, авось услышат, приметят и приветят. Ну, кому интересно героическое прошлое Красной и Советской Армии, политических дивидендов не приобретешь, так и состаришься рядовым тружеником пера! Кому интересно героическое настоящее Советской Армии: Чернобыль, землетрясение в Армении, противостояние в качестве живой мишени в межнациональных конфликтах да просто банальное участие в очередной уборке урожая. Очень неинтересно, даешь жареную периодику, даешь сто дней, стройбат, Чонкина, солдата, который ребенка не обидит, и еще, и еще. Кому интересен очередной опус про Гагарина, очень неинтересно, но вот, что Гагарин не летал в космос, уже теплее, Зоя Космодемьянская совсем и не Зоя, панфиловцы вовсе не панфиловцы. Угонщика сторожевого корабля, нарушителя военной присяги Саблина демократическая пресса пытается сделать новым лейтенантом Шмидтом, хотя сами трубят на всех перекрестках, что армия должна быть вне политики. Чувствуете, так постепенно уже добралась до возвышения петлюровцев, власовцев, махновцев, бандеровцев. Сомнений нет, каждый исторический факт должен занять в истории свое законное место, но зачем заведомо городить пирамиды лжи?

Суровые реалии наших дней общеизвестны, определенные средства массовой информации взвинчивают массовый антиармейский психоз. И вот уже убивают военнослужащих не спровоцированно, а просто так, как в Намангане, убивают зверски, иезуитски при преступном попустительстве местных властей. Эскалация насилия над военнослужащими нарастает, и министром обороны разрешено ношение личного оружия в некоторых регионах офицерам, прапорщикам, мичманам и военнослужащим сверхсрочной службы. Такое решение опять палка о двух концах: с одной стороны, военнослужащий вооружен и может постоять за свою честь, достоинство и жизнь, а с другой — теперь он желанный источник пополнения оружия.

В ОКРУГ армии идут недостойные и амбициозные политические игры. То вдруг депутаты демократического толка бросаются под танки в стремлении воспрепятствовать репетиции 1-го параду, то вдруг дружно пытаются навязать политическое решение об использовании тех же самых танков, то есть армии, в Персидском заливе и, потерпев неудачу, например, в «Литературной газете» устами «честного» писателя сожалуют, что-де «в кои-то веки страна решила выступить на стороне свободы — и ей не дают сделать это...» Называть их товарищами язык не поворачивается, и хочется сказать: господа, да разберитесь вы наконец — или все под танки, или вылезайте из-под них, армейское упражнение для новобранцев «обкатка танком» не для вас.

Народные депутаты из межрегиональной депутатской группы постоянно твердят о деполитизации армии, на самом высоком уровне требуют принятия решения о неиспользовании армии, МВД, КГБ в политических целях. Ну, а сами чем пробавляются? Вот весьма любопытное выступление народного депутата Г. Старовойтовой, известного специалиста Центра по изучению национальных отношений Академии наук СССР. С одной стороны, народный депутат Г. Старовойтова призывает к гражданскому миру и согласию, вроде как нельзя соединять антикоммунизм и идеи мщения, с другой стороны, сознавая, что требуется вести напряженную работу с армией и студентами, горестно сетует — студенты политически пассивны, в демонстрациях их-де бывает не более одной-двух сотен. И многозначительно подчеркивает, что в Восточной Европе во всех революциях — от бархатной до кровавой в Румынии — студенты сыграли самую активную роль. Значит, недоработка со студентами, так куда их подвигнуть, на бархатную революцию или кровавую и против кого? А что нужно уважаемому депутату от армии? Ведь ее коллеги сами категорически требуют отлучить армию от политики!

Особенно трогательна забота об армии народного депутата СССР, теперь уже бывшего майора, способного в одном лице заменить целые институты, доктрины и концепции. Кажется, убедились уже буквально на собственной облезлой шкуре, как кухарка способна управлять государством. Нет, не учимся даже на собственных ошибках! Деятель вечернего института марксизма-ленинизма при Доме офицеров без всякого ликбеза выступает специалистом и пытается решать судьбу важнейшего института государства — армии. Вспомним, даже Василий Иванович Чапаев, героический командир дивизии, вполне реально оценивал свои возможности и, когда ординарец Петька замахнулся слишком высоко, со вздохом сказал: подучиться надо... Чтобы стать простой медсестрой, требуется учиться три года, а тут вперед по коням, шашкой руби, пикой коли. Нет, не

устали за семьдесят с лишним лет от лихих кавалерийских наскоков. В любом другом правовом государстве, на которое так любят кивать именно демократы, такое невозможно представить даже в тяжелом бреду.

Конечно, все это болезни роста, и лозунг «Вся власть Советам» сочетается с будущим рынком, как удав с кроликом. Все придет в норму, и со временем депутатами, естественно, станут профессиональные политики, кухарки вернутся к плите, а любой велеречивый майор или останется в армейском строю или получит место мелкого клерка в избранной политической конторе, и потребуются годы самоутверждения, чтобы занять место сенатора.

НИКОЛЬКО не претендуя на всесторонний охват, понимая тщетность усилий, позволим все же обратить внимание на некоторые средства массовой информации, чьи антиармейские усердия и старания особенно заметны и назойливы.

Беспорным лидером, самым лютым другом армии, несомненно, является журнал «Огонек», ведомый выдающимся прорабом перестройки, а также выдающимся певцом застойных времен Коротичем. Вот уж воистину — все преходяще, кроме таланта, дарованного Богом. В «Огоньке» о зеках и зснах пишут с большим сочувствием, чем об армии: ненависть прямо патологическая, она бьет через край, выплескивается на обложки журнала. Пространные комментарии тут, как говорится, излишни, случай скорее медицинский. Упомянем лишь «Огонек» № 47 за 1989 год, где некто Марк Розовский сетует на «жуткое время». Ведь рядом с ним и с нами живет «Пол Пот — выпускник Сорбонны, убийца нескольких миллионов человек», африканец, «который, не снимая королевской короны, занимался людоедством, держа в холодильнике куски мяса своих подданных», а также «возможны длительные дискуссии на тему, можно ли бить женщину по голове саперной лопаткой». Что ему, пламенному гуманитарии, выводы Прокуратуры СССР и международной комиссии ООН по тбилисским событиям, что ему теперь уже тысячи погибших в среднеазиатских республиках, которых могло и не быть, не витай в воздухе раздутый, так называемый «тбилисский синдром». В том же интервью журналу он томно вздыхает: «Боже, как много разговоров о войнах интернационалистах!»... «Употребление этого словосочетания продолжает коверкать наши души и унижать нашу нравственную позицию». Поправим, ваши души, а наши души полны скорби и сочувствия погибшим в бессмысленной войне воинам-афганцам, живет боль за тысячи покаленных, а теперь нередко обездоленных молодых людей, между прочим, наших соотечественников.

По широте охвата и воздействию на страну, конечно, на первом месте стоит телевидение. Много увлекательных программ дарит оно благодарным людям — тут и «Сельский час», «Очевидное—невероятное», «Что, где, когда?» и прочие другие. Но, несомненно, впереди длительное время были суперпопулярные программы «Взгляд» и «До и после полуночи».

Что и говорить, «Взгляд» было крайне интересно смотреть на протяжении всего прошлого года. Ждешь пятницы, устраиваешься перед телевизором поудобнее и загадываешь сам против себя — ставлю сто против одного — обязательно будет «чернуха» про армию, обязательно пройдет по генералам.

Ураганный огонь по генералам некоторых наших ведущих вроде как обязательный ритуал, как молитва. Но совершенно другое дело, когда речь идет о генералах с теми же привилегиями, но, так сказать, своими, перешедшими физически или духовно на сторону, противоположную Красной Армии.

Как метеор, как яркая звезда взлетел на политический небосклон бывший генерал КГБ О. Калугин. Вспомним поэта-классика: «Если звезды зажигают — значит, это кому-нибудь нужно». Оказалось, нужно... Вот и уважаемая Г. Старовойтова созналась, что помогла кандидату в депутаты по мере своих слабых сил, наши крутые ребята из «Взгляда» тоже приложили руку, вернее, камеру, и многие другие.

Открытый «Комсомольской правдой» записной генерал пошел на расхват. Последовали личные откровения в «Аргументах и фактах», нашлось экранное время в телепередачах «Взгляд» и «До и после полуночи». На улице истинных демократов возликовал настоящий праздник. Еще бы, в их митингующие толпы вошла такая важная фигура — сам генерал того самого «страшного» КГБ! Тайны кэгэбешного двора стали явью, демократическая общественность содрогнулась: оказывается, сорудников КГБ больше, чем их всех взятых вместе, кроме Китая. Уверен, специалисты и просто здравомыслящие люди усмехнутся, КГБ не настолько прост и наивен, чтобы верить свои тайны даже своему генералу.

Генерал вроде как попал в опалу, уволили. Но специалисты снова усмехнутся. Калугин выслужил точно установленный законом срок и благополучно отбыл на пенсию. Но чувство обиды, видимо, сохранил, поправки к законам у нас резиновые и позволяют особо выдающимся служить еще и еще подчас до полного маразма и протрации.

Да и власти предержавшие, похоже, сделали абсолютно все, чтобы способствовать политической карьере Калугина. Указами и постановлениями его лишили генеральского звания, пенсии и прочего. Так возник образ пусть пока еще не великого гражданина, но великомученика, борца за свободу и идею. Остальное для демократов

было делом техники, на разных депутатских уровнях такие великомученики и поборники справедливости уже проходили. Будем откровенны — сам Калугин не подкачал, держался, например, на телевизионном экране с достоинством, словом, был настоящим профессиональным разведчиком, какими и привыкли мы видеть наших среди ихних.

Даже авторитетный голос вдовы А. Сахарова Э. Боннер — нельзя доверять генералу КГБ с тридцатилетним стажем, не может он быть демократом — услышан не был. Цель, тем более политическая, оправдывает средства, надо быть полным идиотом, чтобы побрезговать перебежчиком такого калибра. Хотя история всех времен и народов повествует о редком благополучии подобных акций и актов — предавший да предаст снова.

Говорит и говорил Калугин с большой болью о бедах Кубани, хотя, возможно, видел ее, Кубань, впервые во время предвыборной кампании. Излагал, как хорошо выученный урок, например, о тяжелом положении рабов в древнем Риме. Будущие историки, изучая феномен депутатства наших дней, несомненно, застынут в искреннем изумлении и полном непонимании — почему интересы Луганска или Харькова, Краснодар или другого города в Верховном Совете СССР должны представлять посторонние, далекие от местных проблем люди? В застойные времена кандидаты из центра спускались, а сейчас-то, при свободном волеизъявлении... Сейчас у нас страна чудес и обильных несобранных урожаев.

Себя Калугин называет «неисправимым романтиком», замечает, что он не чужд богеме, не прочь выпить чашечку кофе и пропустить рюмочку вина. Однако при всем при том в сорок лет стал генералом, имея раздрай в душе, горяча внутренне протестуя. Любый бравый служака, однако, скажет — это как же надо подметки рвать, чтоб в таком «юном» возрасте стать генералом!

Однако «неисправимый романтик» в ранге высокого лица КГБ достаточно продолжительное время бдел над собственными согражданами в романовском Ленинграде. Как раз в то время проходили политические процессы над Азадовским, Рагинским, Митяшиным, Майлохом и другими прочими. Конечно, генерал КГБ Калугин горячо протестовал, но внутренне, в душе.

К настоящему времени сложились как бы две биографии Калугина — одна, одобренная справками, дипломами, рапортами, другая — лично рассказанная.

— Я пришел работать в КГБ в 1958 году, в разгар хрущевской «оттепели», — утверждает Калугин. — Мы все верили, что не за горами «весна»...

Калугин поступил в школу КГБ в 1952 году, утверждают официальные документы. Как опытный разведчик Калугин прорабатывает собственную версию, ссылаясь на Талейрана, что самый лучший способ

свалить правительство — стать его частью. Теперь понятно, в далеком 1952-м стал Калугин сотрудником КГБ, чтобы развалить этого монстра.

Последняя часть биографии Калугина имеет библейский сюжет. Его отец, тоже профессиональный кэзгбешник, по словам сына, «не слишком любил свою контору» и «не советовал туда поступать». Вспомним великую картину «Возвращение блудного сына»... Что ж, воля отца священна. Возвращение состоялось. Только вот непонятно, зачем Калугин подал в суд на все и вся, требуя возвращения всей кэзгбешной атрибутики, принципиальной было бы, подобно американским ветеранам вьетнамской войны, выбросившим свои несправедливые медали, добровольно отказаться от звания генерала КГБ запаса и презренной кэзгбешной пенсии.

Бурлит политическая жизнь, вот уже О. Калугин, Т. Гдлян и А. Иванов организовали манифестацию, на что небезызвестный В. Войнович заметил: любопытно видеть митинг во главе с благополучным генералом КГБ и двумя следователями.

Вспомним еще одного крупного политического генерала, пожалуй, крупнее его нет, есть только мельче, которому предоставляют целую студию в Останкине — так сказать, встреча благодарных телезрителей с интересным человеком... Не одно застойное десятилетие он указывал, ну прямо Сулов в погонах с большими звездами. Оказалось, заблуждался, прозрел и не в пример библейскому Моисею бросил свою паству посреди пустыни «днем в столпе облачном, а ночью в столпе огненном».

История не признает сослагательных наклонений, но ой как хотелось бы представить крупного политического генерала в сей день, но в предположении, что перестройки не было. Писал бы очередной увесистый фолант о победе коммунистических идеалов во всем мире, о «несокрушимой и легендарной» и с напряженным взглядом, застывший, выступал в утренней телевизионной воскресной армейской программе. Другое дело сейчас — на телеэкране уважаемый депутат, раскованный, эрудированный, обаятельный... И все о Троцком — демоне революции, будто других забот нет и вот-вот без пропавших спичек вспыхнет общенациональная трагедия. Поживем, возможно, увидим особый взгляд генерала Д. Волкогонова на Ленина, на цитатах которого, как на гидропонике, взошли его сверхсытая жизнь и суперпривилегии.

БЫЛО бы совершенно несправедливо обойти молчанием «Литературную газету», которая в ущерб отечественной изящной словесности упоенно специализируется также на генералах и их привилегиях. Тон задает большой журналист, старый друг армии Ю. Щекочиных. Диагноз тот же — милитерсиндром, причем лично для нашего большого журналиста — ма-

никальный. Просто диву даешься, каким образом собирает материалы опытный журналист, а ответственный за выпуск газеты их пропускает... Вот что значит сверхзадача!

Сбор этого материалчика начался на большой проезжей дороге, получилась небольшая статейка, опубликованная в «Литературной газете» от пятого сентября 1990 г. под модным заголовком «Придет ли конверсия в генеральские семьи?» Для простоты восприятия начнем с цитирования статьи: «Опаздываю на вокзал. Таксисты, находящиеся в постоянной забастовке, естественно, проносятся, не обращая внимания на мою поднятую в приветствии руку...» Но автор — профессиональный везунчик: тут же «смилостивился частник, замер у обочины». Далее следует небольшая перебранка о цене, потом, как говорится, ударили по рукам. Весь последующий диалог происходит в машине частника, видимо, для статьи подвергшийся талантливой литературной обработке Юрия Щекочихина. Всякий пересказ может только испортить блестящий литературный текст, а потому вернемся к цитированию:

«И вдруг без перехода, доверительно (частник) — Мои-то скупают все, ты бы знал... Главное — успеть сейчас выбросить деньги...

— Жена, что ли? — без интереса спрашиваю я.

— Какая жена... Я сам-то на персоналке работаю. Вожу здесь одного...

— Большого?

— Большого, — кивает... Я-то в Министерстве обороны работаю. Вот у нашего Главкома есть и персональная, и разгонная, и дежурная. Вот только «Чайку» отобрали, на «Волгу» заменили. Ну и для жены, естественно, машина...

— А у вашего шефа?

— Я-то зама вожу. Ну, у того проще... Но, — вдруг, подмигнув, говорит мне, — они сейчас как делают? Они специально приказывают темнить стекла, чтобы не видно было, кто в машине.

— Неужели останавливают?

— Я дважды подзалетал. Один раз генеральскую жену вез, второй сына. Пришлось соврать гаишникам, что попутчиков подхватил... Они-то, жены, привыкли к машинам».

Такой подарок и сам в жаждающие руки, прямо выигрыш по лотерее, мотоцикл с коляской. Ну, держись, генералы, тут уж Ю. Щекочихин даст волю сарказму. Он и дает: «О, господи! Бедные генералы! Еще вчера свобода, а сегодня приходится прятаться за темные стекла. Бедные генералы! Вчера сами будто в погоне и с лампасами, а сегодня приходится себя выдавать чуть ли не за мешочницу с Казанского... «Мы наверняка занимаем первое место по числу генералов на душу населения... Сколько все-таки реально уходит из бюджета на эти сверхвоенные расходы?»

Написано с большой патетикой, эмоционально, возмущение проникает в самую

глубину души. И хочется крикнуть вместе с Ю. Щекочихиным: «Может, пора разоружаться, товарищи генералы? А то, боюсь, каждый из вас обходится сегодня государству не дешевле, чем танк или зенитная ракета».

Но крик замирает почему-то в горле, смущают немного новации опытейшего и талантливейшего журналиста Щекочихина. Получается, вроде как послушал первого встречного-поперечного и сразу выплеснул на полосу уважаемой, солидной газеты, теперь с единственным профилем родоначальника — самого Александра Сергеевича Пушкина. А вдруг частник пошутил или приврал, например, для красного словца. Увы, подобные пассажи стали в определенной прессе нормой. Тут недолго и до историй из цикла «бабушка надвое сказала», и начало даже представляется: «Опаздываю на вокзал, спешу, иду строго на зеленый сигнал светофора. Но на перекрестке бабушка замешкалась, старенькая такая, с двумя большими сумками. Старость надо уважать, поезд подождет. Подхватываю на руки старушку вместе с ее сумками, несу. Сумки будто запчастями к танку набиты, ноги дрожат. Бабушка доверчиво обняла за шею и вдруг, без перехода, доверительно прошамкала запавшим ртом:

— Мои-то, касатик, скупают все, ты бы знал... Главна — успеть эта, счас выбросить деньги.

— Внуки, что ли? — без интереса спрашиваю я.

— Каки внуки. Я сама у одного енерала домработницей трудюсь.

— Большого?

— Пузатого, — кивает...» И так далее по тексту.

Хочется поверить до конца Щекочихину, но вот что тревожит. Главкомов можно перечесать по пальцам одной руки. Чего уж тут в эпоху гласности и плюрализма не назвать пофамильно и конкретно. Тем более Щекочихин заверяет доверчивого читателя: «Я знаю, о каком именно Командующем идет речь». А так вроде как на всех Главкомов подозрение падает. И начинаешь загибать пальцы этой одной руки.

Может, о Главкоме ВМФ речь идет, который и на Севере вволю послужил, и почти четверть века на подводных лодках проплавал? Очень сомнительно. Тогда — молодой главком ВВС? Его мне лично приходилось наблюдать уже в большом генеральском чине на ночных полетах. Любимый город спит спокойно, а генерал, оставляя за хвостом своего «МиГа» радужные форсажные кольца, ввинчивает самолет в хмурое ночное небо. Достоинейший человек, пилот, потому и стал самым молодым Главкомом за послевоенное время. Загибаешь пальцы дальше и понимаешь — быть того не может, потому, как сказала бы бабушка: «Не таки люди собрались». По Щекочихину, у нас генералов больше всех на душу населения. Предположим, но вот беда — наш родной гене-

рал получает меньше американского сержанта или английского капрала. Да что там капрал, в переводе на твердую валюту получает меньше тамошнего безработного.

В последней «Литературной газете» ушедшего года очередная статья: «Дачи маршалов на шею налогоплательщиков» и подпись пышная, как у восточного магараджи: «Юрий Щекочихин, народный депутат СССР, член Комиссии Верховного Совета по вопросам привилегий и льгот».

Привилегии у маршалов, конечно, есть, никто не спорит, и с чрезвычайными надо бороться, но должен существовать и какой-то уровень представительства и комфорта для лиц высокого государственного уровня. Или опять, как легендарная Коллонтай, полномочный посол, красить палантин из зайца под соболя? И хочется поставить снова сто против одного, что никогда, ни за что наш правдолюбец, пламенный борец с привилегиями не упомянул бы еще недавно занимаемую Э. Шевардадзе так называемую дачу Ворошилова в районе Дмитровского шоссе или те творимые безобразия, когда, например, летом в воскресенье, вечером, в ожидании выезда или приезда министра иностранных дел на тридцать-сорок минут перекрывалось Дмитровское шоссе и застывшие колонны автомашин в три ряда вытягивались длиной, многокилометровой змеей.

Есть мудрая русская пословица: не ищи в селе, а ищи в себе. Так, может, поначалу Щекочихину покопать привилегии в своей родной «Литературной газете», все ближе, и не придется жаловаться в духе: «нам воспрепятствовали в осмотре территории»...

Когда читаешь пламенные выпады Щекочихина против генералов и маршалов, то сам автор-праведник представляется скромным, невысокого роста, в рубище добродетели. Приподнимем почтенное рубище Щекочихина. Догадливый читатель скажет — там голое тело и глубоко ошибется.

Оговоримся сразу, негоже залезать в чужой карман и чужие деньги считать да привилегии примечать. Но что делать, ради истины поступимся, так сказать, принципами. Сравним среднего генерала и среднего щекочихина из «Литературной газеты». Генералы стараниями множества щекочихиных на слуху и на виду...

Каждый ли генерал имеет казенную дачу? Отнюдь нет. Проедем совсем недалеко под Москву — в поселок Шереметьево и посмотрим казенный дачный поселок «Литературной газеты», так, для рядовых сотрудников. Однако теплые дачи, отапливаемые зимой, кое-где с телефоном, за весьма умеренную плату... Но это пустячок. Вышние иерархи газеты имеют дачи совсем в другом месте — в Переделкино, уже с горячей водой, ванной, телефонами. Вот где место праведному гневу и патетике! Да как же так, в стране полно балков и барачков с удобствами на улице, опять же беженцы-горемыки! Однако не видно, чтобы кто-нибудь подвинулся или мило-

сердно возвысил голос. И не на электричке едут литературные чины в Переделкино, да и люду помельче в конце недели подают автобус транзитом прямо в Шереметьево. Не в районной поликлинике сотрудники газеты на болячки жалуются, есть кое-что получше.

Перейдем к презренному металлу. Побожески зарабатывают журналисты, и гонорары опять же, премии квартальные, тринадцатые. Вроде как на службе и твердом окладе человек, ан нет, малейшее движение пера — и гонорар. Вот и свою статейку Щекочихин написал не бесплатно. Представим, генерал едет в служебную командировку, например, инспектировать, а по возвращении пишет отчет, и без всякого гонорара.

Привилегий труженикам пера тоже хватает — продаказы, мануфактура при распродаже, талоны на обед, а столовая закрыта — компенсация, ну прямо как в реактивной сверхзвуковой авиации. Путевки на отдых почти задаром, и членов семьи не забывают. Но, скажем прямо, «Литгазета» далеко не первая в этом привилегированном финансовом забеге. Иные издательства полностью оплачивают раз в год путевки, даже заграничные, квартплату тоже, да и лечение, например, зубов в лучших кооперативах. Так, одна служивая дамочка счет предъявила четырехзначный, будто эти самые зубы в два ряда встали.

Если дело пойдет так дальше, то на фоне общего обнищания будем наблюдать построение коммунизма в одной отдельной взятой редакции или некоем издательстве.

А если проехать много дальше, еще лучше пролететь на самолете, то на берегу Черного незамерзающего моря можно обнаружить небольшой такой уютный отелик — с пальмами и теннисными кортами, скромно именуемый — «Дом творчества Литгазеты», в местечке Гульрипш под Сухуми. В бархатный сезон собираются там «золотые», не всегда праведные перья. И кто знает, может, опаздывал на вокзал Щекочихин, спешил в Гульрипш. И представляешь его, загорелого, окрепшего, принципиального, слегка утомленного теннисом на пляже, огороженного строгим забором... От кого забор? От простого народа, депутатом от которого пребывает сам Щекочихин.

Можно полюбопытствовать: а может ли генерал поехать в бархатный сезон в такой уютный отелик? Сомнительно, службу надо править. А кто сосчитал, сколько пропахал будущий генерал или маршал по тайге, по пескам, по горам, сколько пролил пота, маялся с семьей в нашем бытовом беспределе, прежде чем надел ненавистные многим лампасы?

Если же взять конкретного Щекочихина, то Главкомам его заработка и не снились. Все оплачено — статьики, книжечки, сценарии, опять же премии, социальные доплаты и скидочки, депутатские и прочее, прочее. Правда, беру грех на душу: может, напраслину возвожу на человека.

Вдруг он все излишки, так сказать, сверхприбыль переводит на детские дома и сиротские приюты... Тогда заранее глубочайший поклон и всяческие извинения, нечистый попутал, с кем не бывает.

Неуемен, по-хорошему жаден до жизни журналист и член Союза журналистов Щекочихин. Все идет у него как по рельсам, все к месту — и на телевидении гость желанный, народный депутат от далекого Луганска. Ну, бывают мелкие неприятности, вот недавно в Союз писателей не приняли. Пустяки все это. Знаем его как человека отважного, волевого, упорного — будет биться, как муха о стекло, но прорвется в Союз, обязательно прорвется. Хотя и напрашивается вопрос: для чего ему Союз писателей, вроде и так все в ажуре? Есть догадка, правда, неосознанная. Для престижа в Союз надо, вроде как для приобретения генеральских лампасов и для получения этих самых проклятых писательских привилегий, с которыми он яростно борется.

В газете Щекочихин далеко не одинок. На благодатной, уваженной почве патологической ненависти подрастают новые волонтеры. Снова в «Литературной газете» от 26 сентября очередная статейка — интервью, вроде как в духе плюрализма, совсем, думается, даже о другом, и название бодрит: «Кто защитит генералов?» Подозрительно, хотя опять на той же второй «пульсирующей» полосе. И совсем захватывает, когда понимаешь, что речь идет о заде Главкома войсками ПВО, летчике. Обидели его и поступили с ним нехорошо. Прямо детективная история, ну сюжетик, а вдруг этого зама возил тот частник, который подкидывал Щекочихина на вокзал? Надо же, чего только жизнь не подбрасывает. Хочется верить всему написанному, но опять скребет наждаком по душе: вот так, на слух — и сразу на полосу газеты, без проверки и сомнений. Хотя еще древние говорили: да будет выслушана другая сторона. И очень уж красиво читается, позволим себе снова цитирование: «Андреев, — представляет посетитель, — 6 сентября уволен в запас, до этого командовал авиацией ПВО, заместитель Главкомандующего войсками ПВО по авиации, генерал-лейтенант. Еще две недели назад пилотировал самолет».

Не зная, не будем оспаривать, и, возможно, все сказанное в интервью почти правда. Но вот чтобы от пилотирования самолета до увольнения в запас прошло две недели, скажем прямо, случай невероятный. Любой уволенный в запас офицер или генерал вспомнит, что процедура эта затяжная, трудоемкая, одних бумаг ворох готовится. В авиации служба особая, на жертвах по разным причинам замешанная, строгие допуски и правила безопасности... Если человек написал рапорт, кто же его до полетов допустит?

Но что стоило сердобольному журналисту в соответствующий штаб позвонить по телефону? Многое бы не сказали, предложили подъехать для приватного разго-

вора, но такой пустячок — про полеты, прояснили... Был генерал Андреев в отпуске, а это не менее 45 суток, да месяца приказа до увольнения ждал. Дальше можно просто, как в старину, сложить в столбик, на костяшках пощелкать или на компьютере обчитать — не получается две недели после пилотирования самолета, хотя фраза сама очень даже эффектная и где-то слезу выжимает.

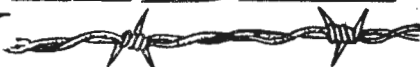
ПРОСТО ведется целенаправленная, массированная атака на армию, причем по всем правилам военного искусства. Ну, прямо десять сталинских ударов! Артподготовка, расчленение с последующим уничтожением по частям. Вот и расчленяют, отделяют солдат от офицеров, младших офицеров от старших, старших офицеров от генералов, а если подфартит, как в случае с генералом Андреевым, то можно и генералов посорить, главное — все на колесо одной и той же мельницы. И «Огонек», «Взгляд», «Литгазета» одни из многих, а имя им легион. Они, радетели, прекрасно понимают, что армия — последний рубеж, за которым, как за нарисованным каминном папы Карло, возвышается чудесная и желанная страна ЧХТЛ (чем хуже, тем лучше).

Никто не пытается обожествлять армию, представлять, что там все хорошо. Армия больна, как больно общество, требуется внимательное и терпеливое лечение. Но не избивание наотмашь, не уничтожение, как хотят новоявленные граждане мира.

Что любопытно, судя по бойкости пера, по шустрости мысли, в прошлом они, радетели-праведники, все, как один, отличники. Но, похоже, пятерки свои они зарабатывали зубрежкой и подзабыли древнюю историю, историю средних веков, новую и новейшую. Бесплезно говорить о раскачивании лодки или упоминать высказывание опять же Пушкина о русском бессмысленном и беспощадном бунте. В очередной раз предаваясь иллюзиям, они думают: им гарантированы билеты на удобные и безопасные места в Колизее Флавиев в Риме, откуда можно с интересом наблюдать бои гладиаторов на арене. Но история всех времен и народов повествует об обратном. Нет Колизея с заполненным амфитеатром, есть ристалище, где католики убивают протестантов и, наоборот, смешиваются Гугеноты и Гогенцоллерны, красные, белые и другие цвета, соседствуют Сенатская площадь и Ходынка, Сумгаит и Карабах, Фергана и Баку... Зловещей тенью нависает трагический и бессмысленный Наманган...

Чем хуже, тем лучше — как эхо перекатывается из одного выступления определенных средств массовой информации в другое... И как последнее досадное препятствие, оплотом народности и государственности на пути этого перекати-поля стоит Армия!

КРЕСТНЫЕ ОТЦЫ

ГУЛАГа

МНОГО ходит легенд о ГУЛАГе, его миллионных обитателях и среди них о божь-созидателе этой твердыни — Нафтали Ароновиче Френкеле. Одна из легенд о том, как однажды, оседлав крылья аэроплана на Соловках, спустился он с поднебесья и предстал перед Отцом народов, а затем, припав ниц к стопам его кавказских сапог, поведал о своей заветной мечте построить под его личным руководством социализм через труд заключенных. И вроде бы Отец народов уронил скупую мужскую слезу на преклоненную голову Френкеля и повелел быть тому, хотя и жалко было посылать заключенных в дикие, пустынные места государства.

Такова легенда. А как же было на самом деле? Обратимся к архивным документам. Первоисточником для нас послужит записка Ф. Э. Дзержинского И. С. Уншлихту по поводу применения к преступникам смертной казни, решительным противником которой он был. Ее применение для пролетарского государства, считал председатель ВЧК, «вредно и даже пагубно». Чем же, по мнению Дзержинского, следовало заменить ее? В качестве альтернативы выдвигалась идея усиления репрессивной роли лишения свободы путем неприменения амнистий к лицам, осужденным свыше определенного срока, например, пяти лет. И, кстати говоря, многие амнистии за всю более 70-летнюю историю страны не распространялись на осужденных свыше этих сроков. «Необходимо будет, — писал Ф. Э. Дзержинский, — далее заняться действительно организацией принудительного труда (каторжных работ) — лагерей с колонизацией незаселенных мест и с железной дисциплиной. Мест и пространства у нас достаточно».

Ф. Э. Дзержинский требовал отказаться от либерального чувства жалости и абстрактной справедливости к преступникам. По его мнению, республика не могла быть жестокливой и не может на них тратить

больших средств. Осужденные обязаны трудом окупать расходы на свое содержание. Поскольку в условиях безработицы в стране не представлялось возможности занять их трудом по месту совершения преступления или месту жительства, то он предлагал заселять ими пустынные, бездорожные местности и в качестве таковых называл Печору, Обдорск и другие места.

Практически в конце 20-х годов в борьбе с преступностью перед ЦК РКП(б) и правительством страны стояли две взаимосвязанные задачи — изолировать преступников от общества и занять каждого из них общественно полезным трудом. Решить проблемы с минимальными затратами на содержание мест лишения свободы можно было посредством изоляции в отдаленных местностях Союза, что совпадало с интересами индустриализации и мерами по ликвидации безработицы. По расчетам, на выдачу пособий по безработице предстояло истратить около миллиарда рублей. В условиях начавшейся индустриализации эти средства было выгоднее вложить в развитие промышленности, но тогда как быть с безработицей? В ряде публикаций (Рыков и др.) указывалось на наличие на территории Союза огромных областей, пригодных для переселения туда избыточного населения. Проведение же такой кампании потребует настолько больших средств, что на протяжении ближайших пяти лет не позволит приступить к решению этой задачи.

Но, если нет средств для переселения избыточного населения, то следует направить туда осужденных, тем более, что в таком случае государство, не имевшее от них экономической выгоды и несущее крупные расходы на содержание, получит не только прибыль, но и существенно сократит расходы. Для этого нужно было всего лишь внести изменения в законодательство, подчинив его, как говорил Эйхе, в первую очередь требованиям жизни и жизненной целесообразности.

В 1928 году нарком РКИ РСФСР Н. Янсон в письме Сталину также высказал предложение об использовании труда уголовных преступников в освоении отдаленных местностей, на земляных работах крупных строек, а главным образом на заготовках леса, так как экспорт древесины давал необходимую валюту для оплаты закупаемого за рубежом оборудования. В древесине во все больше возрастающем объеме нуждались и металлургические заводы.

Пособия по безработице — на индустриализацию страны. Безработных за решетку — пусть работают!

За законодательством дело не стало. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 6 ноября 1929 года в «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» были внесены необходимые изменения. В новой редакции статья 13 предусматривала лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях Союза ССР. Несколько ранее, 11 июля 1929 года, СНК СССР принял постановление, которое возложило на ОГПУ СССР задачу развития хозяйственной жизни наименее доступных для освоения и вместе с тем обладающих огромными естественными богатствами окраин Советского Союза посредством использования труда изолируемых опасных элементов, колонизации ими малонаселенных мест.

СОЗДАТЕЛЕМ Управления лагерей ОГПУ стал Лазарь Иосифович Коган. О нем известно, что накануне Великой Октябрьской социалистической революции он отбыл наказание в Бутырской тюрьме как анархист. Но вот большевики победили. Реальная власть у них. Коган размышляет, куда податься? Единственный выход — срочно менять идеологическую ориентацию. Анархистские идеи, как акции на фондовой бирже во время экономических потрясений, падают в цене. Уж как эсеры были сильны, входили в состав правительства, и те стали сходить с политической арены. Выход один — податься к большевикам. Коган пишет заявление, в котором утверждает, что идеи Маркса, Энгельса и большевиков обладают притягательной силой и способны помочь отстоять революционные завоевания масс. В июле 1918 года Херсонским комитетом РКП(б) был он принят в партию большевиков. С той поры началось восхождение Когана к вершине государственной управленческой пирамиды. В Красной Армии он прошел путь от политкома батальона до комисса-

ра инспекции 9-й армии. Был начальником партийной школы на Кубани. Работа тихая, спокойная, но не приближающая к власти. А он уже рассмотрел, какую силу набирают органы ОГПУ. Выручили друзья. Выхлопотали ему назначение на пост начальника особого отдела родной 9-й армии. Здесь уже пришлось не идеи Маркса вдавливать в головы вставшим на первую ступеньку партийной лестницы, а копаться в душах блуждающих в потемках партийных течений красноармейцев. Через некоторое время становится Коган заместителем начальника войск ОГПУ СССР.

А тем временем подоспела великая стройка — Беломоро-Балтийский канал. Запахло славой и орденами. Надо только быстро построить и отрапортовать. И во все неважно, что стройка затянется и фактически будет продолжаться до начала Великой Отечественной войны. Честь возглавить строительство канала была оказана Л. И. Когану. В руководящее ядро строительства и лагеря им привлекаются Френкель, Сегаль и Бродский.

Новым крестным отцом ГУЛАГа стал Матвей Давидович Берман. Последняя его должность — заместитель народного комиссара внутренних дел Союза ССР, комиссар госбезопасности 3 ранга. А начал уполномоченным ОГПУ в г. Шахты. И еще тогда хорошо ориентировался в обстановке. Однажды, закрыв на ключ дверь служебного кабинета, опустив шторы, подбросил для комфорта угля в печку, расположился Матвей Давидович за столом. И побежали из-под пера строчки спецсообщения о имевшем место вредительстве в Шахтах. Так наверху узнали, что это он, Берман, стоял у истоков знаменитого Шахтинского дела, к которому было привлечено внимание прессы в стране и за рубежом...

Вот только как теперь быть? Процесс признан сфальсифицированным, жертвы реабилитированы. Но вот они, наши парадоксы! Реабилитированы и фальсификаторы, в том числе и Н. В. Крыленко. А ведь именно он, читаем мы в современных публикациях, склонял подсудимых, якобы в интересах партии, взять вину на себя. Что ж, Шахтинское дело все еще ждет своего добросовестного исследователя. Возможно, еще раз придется поставить все с ног на голову.

Заместителем начальника ГУЛАГа М. Д. Бермана был Яков Давидович Рапопорт, недоучившийся студент Дерптского университета, эвакуированного в Воронеж. После падения Ягоды пришлось ему пересест в кресло начальника Волжского ИТЛ, и, по всей видимости, оставил он по себе там не очень добрую память, поскольку поругивают этот лагерь в современной печати те, кому пришлось отбывать там наказание. После войны в чине генерал-майора пришлось заняться восстановлением Беломоро-Балтийского канала. Преодолея Рапопорт бурные и непредсказуемые волны сталинских репрессий, хотя и без помпы, но благополучно достиг пенсионной гавани.

ПЕРВЫМ детищем ГУЛАГа явилось Управление северных лагерей особого назначения ОГПУ, официальная дата рождения — 5 августа 1929 года, место рождения — Сольвычегодск. В северную группу лагерей входили: Севитлаг, Котласский, Усть-Вымский, Пинюгинский, Сыктывкарский с общей численностью заключенных 33 511 человек, у третьей части из которых приговоры даже не вступили в законную силу. Перед этими лагерями ставилась задача: освоить силами заключенных природные богатства северного края — добычу угля в бассейне рек Печора и Воркута, нефти в Ухте, строительство железных и грунтовых дорог, разработку лесных массивов. Созданное управление возглавлял Август Петрович Ширин.

В 1930—1932 годах создается еще ряд лагерей: Беломоро-Балтийский (начальник Коган), Сибирский (начальник Бискон), Казитлаг (начальник Израилев), Карагандинский (начальник Шаверский), Дальжелдорстрой (начальник Мартинелли), Темниковский (начальник Сенкевич), Дмитровский (начальник Фирин, его заместитель Канцельсон) и др.

ГУЛАГ — это не просто машина по переработке человеческого материала. Его функционирование нуждалось в теоретическом обосновании. И теоретики нашлись. Их было много — больших и малых. Всех перечислять долго, но без наиболее заметных не обойтись. Назовем Е. Г. Ширвиндта, одного из первых начальников Главного Управления мест заключения РСФСР. Обошли его стороной и империалистическая, и гражданская войны. Много публиковался на страницах ведомственной печати в 20-х годах и наверняка создал бы фундаментальный труд по лаговедению, но приключилась с ним история, как в известной тюремной шутке. Как-то спрашивает у заключенного начальник тюрьмы: «Где проживал до ареста?» Тот отвечает: «Да вот, гражданин начальник, из окна вашего кабинета видно. Через дорогу, напротив тюрьмы. А теперь живу против собственного дома». Так и с Ширвиндтом. Руководил тюремной системой и сам стал ее узником. Десять лет просидел «от звонка до звонка». Правда, не пришлось катать по делянке в тайге «баланы», но ГУЛАГ изучил, что называется, изнутри. В хрущевскую оттепель вновь его призвали руководить небезызвестным ведомством. Но к тому времени теоретический багаж Ширвиндта в области исправительно-трудовой политики застрял на уровне конца 20-х годов. «Убедившись», что классовой борьбы в тюрьмах нет, решил плюнуть на свою должность и отпросился на пенсию.

Был у Ширвиндта закадычный приятель Борис Самуилович Утевский. Вместе писали первые работы по тюремноведению, вместе создавали правовую базу и обосновывали химеру — теорию перевоспитания преступников всех категорий. Утевского знали как крайне осторожного и ни в каких партиях не состоявшего. Попади в ла-

герь, носил бы он кличку «Хамелеон». Однако не попал. Потому что быстро «перекрасился» и начал громить своих единомышленников и их «бредовые тюремные идеи». В 1931 году выступил на заседании в Институте по изучению преступности при НКЮ РСФСР с докладом: «Исправительно-трудовая политика реконструктивного периода». По его мнению, исполнение наказаний в предшествующий период было построено на принципах, воспринятых у либеральной буржуазной пенитенциарной теории, а литература по пенитенциарным вопросам отражала эти либеральные принципы и резко расходилась с марксистскими установками. Осудил он заложенные в исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1924 года такие наиболее важные принципы, как индивидуальный подход к преступнику, прогрессивную систему исполнения наказаний, отвергались исправительно-трудовые педагогика и психология, планомерная подготовка для мест заключения и сама идея перевоспитания осужденных. Выступление Утевского вызвало острейшую дискуссию, и хотя его основные положения не нашли поддержки у ученых, тем не менее в принятой резолюции осуждалась предшествующая исправительно-трудовая политика.

Спрос рождает предложение. И как только ГУЛАГу понадобилась теория, за теоретиками дело не стало.

Фактически принятая резолюция во многом отходила от основополагающих принципов исправительной политики, сформулированной В. И. Лениным. Вот так опять и отвертелся теоретик Утевский от надвигающейся грозы, как в свое время от империалистической и гражданской войн, а потом и от Великой Отечественной. Вовремя Борис Самуилович переметнулся в лагерь Вышинского и подвизался исключительно на ниве теоретических изысканий мер борьбы с уголовными преступниками. В хрущевскую оттепель Утевский вновь предстал со своими идеями по перестройке ГУЛАГа, которые осуждал в начале 30-х годов. Предлагал тюрьму реформировать в нечто подобное политклубу. Здесь с подъема и до отбоя осужденные всех мастей могли бы свободно общаться между собою, обмениваться опытом, идеями, замислами и т. д. Поскольку дневные дебаты в утверждении приоритета собственной мысли у некоторых заключенных могли ночью перерасти в уточнение исходной теоретической посылки при помощи кулаков или подручных предметов, запрещенных к хранению ведомственной инструкцией, то рекомендовал их в ночные часы закрывать под замок по камерам: пусть немного поостынут.

Однако воспитанники Л. П. Берии, мало сведующие в пенитенциарных вопросах, со

сложившимся стереотипом мышления в отношении закоренелых преступников, для которых собственно тюрьма и предназначена, не согласились с теоретической посылкой Утевского, отменив ее напрочь как порочную. Что оставалось делать Борису Самуиловичу? Оставшийся единственным из живых родинальчиков теории перевоспитания осужденных, узрел он необъятное поле деятельности, на котором уже никто не путался у него под ногами. Перво-наперво занялся срочной реставрацией в правах исправительно-трудовой педагогики и психологии, и вмиг открылась ведомственная кормушка, обеспечившая на долгие годы безбедное существование его семье. Но не успеют еще ученые труды выйти в свет, как под натиском перестройки посыплется тщательно возведенные теоретические конструкции Утевского и начнет сотраться вся исправительно-трудовая система.

Другим «видным» тюремным теоретиком была жена куратора ГУЛАГа Г. Г. Ягоды Ида Авербах — племянница Я. М. Свердлова. Но, изучая ГУЛАГ, видела она все не так, как было на самом деле. И вовсе не рабоче и крестьяне, случайно попавшие в лагерь, перековывали контрреволюционеров и преступников-профессионалов. Наоборот, судимые по пятьдесят восьмой статье обкрадывали их труд на производстве, а уголовники-рецидивисты отбирали честным трудом заработанную пайку и все, что приглянулось из личных вещей. Ей же принадлежат восторженные дифирамбы о проводимой в лагерях коллективизации, к которой многие не успели приобщиться принудительно.

УСПЕХИ ОГПУ СССР в перековке всех и вся нуждались в широкой рекламе. И уже поплыла по только что открытому Беломоро-Балтийскому каналу имени Сталина большая, шумная компания литераторов и журналистов. По пути на остановках встречали их лагерные чины с оркестрами образцово-показательными, с хлебом-солью. Заодно вручали журнальные и газетные подшивки с очерками, зарисовками и стихотворениями заключенных — писателей и поэтов, чей талант начал развиваться и смог расцвести только на благодатной почве вдоль берегов канала и только под руководством местных чекистов.

После возвращения из поездки лучшие силы были брошены на создание первого монументального труда о героях Белбаллага. Вскоре вручили Отцу народов великолепное издание в сафьяновом переплете. На обложке красовался его бронзовый барельеф.

Перековка осужденных в книге преподносилась как нечто крупномасштабное в стране и в оптимистических тонах. Особый упор делался на то, что в сознании преступников происходят крупные сдвиги, потому что ОГПУ при помощи каторжного труда вправляет им мозги на нужное место. Благодаря этому они сознают свое пре-

ступное прошлое, становятся на путь новой жизни. Шумиха в газетах и журналах вокруг строительства канала, описание жизни и быта заключенных в розовых красках приводило к тому, что под воздействием средств массовой информации у трудящихся складывалось впечатление, что лагеря чуть ли не кузница ударников и стахановцев, шутя сворачивающих горы и меняющих русла рек. Условия жизни там таковы, что многие свободные граждане, особенно в деревенской глухомани, были не прочь приобщиться к ГУЛАГовской цивилизации. Одним словом, благодаря средствам массовой информации стиралось в сознании граждан устрашающее воздействие исправительно-трудовых лагерей.

СОЗДАТЬ систему лагерей — дело не такое уж сложное. Гораздо труднее заставить ее функционировать в интересах выполнения поставленной задачи. В первые годы работы лагерей только высший командный состав управлений и отделений комплектовался кадровыми чекистами и вольнонаемными работниками, которые составляли незначительную долю аппарата. Например, по состоянию на 1 февраля 1931 года штаты Управления Севитлага насчитывали 542 единицы. Заключенными были укомплектованы 411 должностей. Они выполняли обязанности: начальников лагерных пунктов, командировок, лагерных старост и их помощников; ротных старост и их помощников; комендантов отделений и отдельных зданий; прорабов, мастеров, десятников, нарядчиков, контролеров; воспитателей; бойцов военизированной и пожарной охраны; работников информационно-следственных частей, учетно-распределительных и культурно-воспитательных; капитанов судов и летчиков; радистов; медицинских работников и т. д.

Вследствие неграмотности и малограмотности многих осужденных на этих должностях практически оказывались лица, судимые по пятьдесят восьмой статье, кулаки, мошенники-рецидивисты и др. Сразу же выявились и отрицательные стороны использования труда заключенных на этих работах. Усилилась нелегальная связь заключенных с гражданами за пределами лагерей. От руководителей мест лишения свободы укрывались допущенные осужденными проступки и преступления, что вело к разложению дисциплины. Имели место факты, когда занятые на работе в канцеляриях использовали свои возможности для изъятия документов из личных дел, для подделки различных бланков, внесения изменений в срок наказания, разглашали сведения, касающиеся судьбы лишенных свободы, а все это приводило к нежелательным последствиям.

Руководство ОГПУ СССР, ГУЛАГа трезвонило во все колокола, заявляя, что попавшие в лагерь рабоче, крестьяне, советские служащие, занимая ключевые посты в управленческом аппарате лагерей на

различных уровнях, помогут администрации организовать работу по перевоспитанию контрреволюционеров, кулаков, профессиональных преступников. Трудно себе представить, чтобы они не понимали: необходимыми знаниями и практическим опытом решения производственных задач и работы с людьми обладали как раз специалисты, инженерно-технические работники, интеллигенция, отнесенные к классово-враждебным элементам. Привлечь их на свою сторону ОГПУ могло, только пообещав за хорошую работу определенные льготы. Поэтому с первых дней содержания в ИТЛ специалисты, используемые на производстве, на административно-хозяйственной и воспитательной работе отбывали наказание в совершенно иных условиях, чем те, кто специальности не имел. Специалисты проживали в отдельных бараках и в улучшенных жилищно-бытовых условиях. Им устанавливались персональные оклады, во много раз превышающие премиальное вознаграждение за выполнение планового задания, получаемого заключенными на основных работах. Подтверждением тому служит приказ № 105 по Беломоро-Балтийскому ИТЛ, в соответствии с которым установлены оклады заключенным инженерам: Н. Х. Дзерне — 120 руб., И. В. Алексееву и другим по 90 рублей. В то же время заключенные, занятые на земляных работах, при выполнении нормы на 100 процентов получили премиальное вознаграждение в сумме 10 руб. в месяц, а на работах второй и третьей категории соответственно 7 руб. 50 коп. и 3 рубля.

Специалисты питались в своей столовой для административно-технического персонала. Части из них предоставлялась возможность вызывать семью для совместного проживания. Они направлялись в командировки в пределах страны, пользовались другими льготами.

«Номенклатура» за колючей проволокой! А почему нет — в любом деле нужны специалисты.

Таким образом, правомерно сделать вывод о том, что фактически среди заключенных была создана привилегированная каста, через которую руководители ГУЛАГа проводили свою линию. Необходимость ее создания не вызывает сомнения. Ведь ОГПУ взяло на себя обязательство снять бремя расходов на содержание заключенных посредством перевода лагерей на самокупаемость.

Инженерно-технический персонал, специалисты различных отраслей хозяйства, в том числе работающие в специальных конструкторских и технических бюро, составляли среди заключенных особую касту со своим укладом жизни. На нижней ступеньке административно-хозяйственной системы

стояли мастера и бригадиры. Именно они под давлением уголовно-бандитствующих заключенных обкрадывали на производстве работяг в пользу уголовников.

Обслуживающий персонал на лагерных пунктах — повара, кладовщики, каптеры, хлеборезчики, продавцы ларьков — в свою очередь обкрадывали заключенных в пользу свою и уголовников-рецидивистов.

При таком положении острие карательной политики, направляемое теоретически против контрреволюционных элементов и профессиональных преступников, оборачивалось прежде всего и главным образом против рабочих и крестьян (как называли их в официальных документах ОГПУ — социально близких советской власти), которые в своем подавляющем большинстве использовались на тяжелых физических работах, но отбывали наказание в значительно худших материально-бытовых условиях. И хотя начальник ГУЛАГа Берман публично призывал заключенных из социально близкой пролетариату среды помогать Рабоче-Крестьянскому правительству перевоспитывать контрреволюционеров и деклассированных преступников, на практике получалась наоборот.

ИДЕИ Льва Троцкого о трудовой армии находили прямое воплощение в практике ГУЛАГа. Заключенные назывались «каналармейцами», «путеармейцами» и носили обмундирование военного покроя. В соответствующем духе издавались и приказы по лагерю. Прочитав один из подобных приказов за № 4 от 22 марта 1932 года подписанный начальником строительства Беломоро-Балтийского канала Л. И. Коганом. «Наш план — это приказ на фронте. Кто не верит в возможность его выполнения, тот оппортунист, тот враг — тот враг советского строительства. Кто не выполняет плана — тот не выполняет приказа на фронте, в боевой обстановке. Кто не выполняет боевых приказов — тот изменник.

Командиры!

Позор прорыва в первой половине марта должен быть смыт мобилизацией всех сил во второй половине марта и апреле. Надо нагнать упущенное.

Каналармейцы! Коллективы! Ударные бригады!

Выполнение заданных вам производственных норм, выполнение планов в целом — ваш долг, ваша обязанность, ваш путь исправления и облегчения условий возвращения в среду вольных рабочих.

Вы обязаны работать больше, лучше и производительнее, чем вольнонаемные рабочие.

Только этим вы можете искупить свою вину перед пролетариатом Союза, перед Революцией».

Таким образом, в начале 30-х годов, с благословения высшего партийного и государственного руководства страны и под непосредственным руководством Г. Г. Ягоды, курировавшего ГУЛАГ, сложилась сис-

тема исправительно-трудовых лагерей, дислоцированных в отдаленных районах страны с тяжелыми климатическими условиями. Сформировалась и довольно четкая административно-командная система управления всеми структурными звеньями на различных уровнях.

В каких условиях работали и проживали осужденные, можно судить на примере Ухто-Печорского ИТЛ: холодный, дождливый климат, заросли леса с глубокими, непроходимыми болотами на водоразделах. Сообщение кое-куда возможно лишь на лодках через опасные пороги. Большая удаленность от оседлого населения, бедность природы и отсутствие местного продовольствия. При мокрой почве, постоянных дождях, комарах и т. п. жизнь в палатках очень тягостна. Подвижный характер работы не позволял иметь стационарное жилье.

С 1935 года контингент заключенных в ИТЛ стал дифференцироваться по составу преступлений: в Свирском, Ухто-Печорском, Норильском, Северо-Восточном лагерях концентрировались осужденные и респрецированные за измену Родине, шпионаж, совершение террористических актов, члены антисоветских политических партий, руководители различных контрреволюционных организаций (вредительских, националистических, фашистских, церковных, сектантских и др.). Кроме того, сюда направлялись все категории заключенных из числа злостных нарушителей установленного в лагерях порядка. Осужденные за контрреволюционную агитацию и различные категории уголовных преступников концентрировались для отбывания наказания в более благоприятных климатических условиях. Они направлялись в Дмитровский, Волжский, Карагандинский лагеря.

К середине 1936 года, как выполнившие свою хозяйственную задачу, семь исправительно-трудовых лагерей были закрыты: Ахунский, Вишерский, Казитлаг, Карело-Муромский, Северный, Соловецкий, Сызранский. Действовавших и вновь созданных насчитывалось пятнадцать: Беломоро-Балтийский, Байкало-Амурский, Волжский, Дальневосточный, Дмитровский, Калужский, Карагандинский, Норильский, Прорвинский, Северо-Восточный, Среднеазиатский, Сибирский, Свирский, Темниковский, Ухто-Печорский. Общее число заключенных в них на 1 января 1936 года составляло 839 406 человек. Наиболее крупным по численности являлся Дмитровский ИТЛ.

Между тем, если обратиться к прозе В. Шаламова — «Вишера. Антироман», то как он пишет, ему пришлосьзнакомиться со сведениями Главного управления лагерей: по состоянию на 1 января 1931 года в СССР уже было 16 лагерей, в которых содержалось около двух миллионов человек. При этом он считал одним из наиболее крупных Вишерский — 600 тысяч человек, а самым большим в то время, по его мнению, был Темниковский (Потьма). Не вступая в полемику с В. Шаламовым, отметим только, что по архивным документам за пять лет существования Вишерского

ИТЛ через него прошло 103 740 заключенных, а в Темниковском ИТЛ за все времена его функционирования одновременное максимальное его наполнение не достигало 24 000 человек. Отсюда мы вправе сделать вывод о том, что Шаламов не знал действительного положения дел. Если он преподносил читателям сфальсифицированные цифры, то в отношении фактов, не поддающихся проверке, его фантазия может быть безграничной. Впрочем, этого сугубо личного мнения мы никому не навязываем.

Странной выглядит и попытка Р. Медведа утверждать, что основные факты, приводимые Солженицыным, полностью достоверны. Фактически это далеко не так. Бурное развитие лагерей Солженицын правильно относит к 1930—1931 годам и перечисляет созданные тогда лагеря. Между тем известно, что Севураллаг, Севжелдорлаг созданы в 1937 году, Печорский в 1938, Северодвинский в 1940, Березняковский в 1942 году. Такая же путаница царит в определении дат возникновения других ИТЛ и их наполняемости.

ИТАК, система была создана, заработала на полную мощь, затем появились сбои, и вскоре она захлебнулась в собственных неурядицах. Во второй половине 1936 года она стала подвластна Н. И. Ежову, который и занялся «капитальным ремонтом». Однако времени и власти у него хватило только на то, чтобы открутить головы «отцам ГУЛАГа» и перестрелять тех, кто, по его мнению, постоянно вставлял палки в колеса лагерной телеги.

Очередную попытку подтянуть гайки в расшатавшейся системе предпринял Л. П. Берия и кое-чего добился в налаживании четкой работы, но помешала Великая Отечественная война. В первые послевоенные годы было, как говорится, не до того, и вновь залихорадило материк. К тому времени все нити управления оказались сосредоточенными в руках нового министра внутренних дел С. Круглова. Надо отдать ему должное, было довольно много сделано для достижения необходимой управляемости, без чего невозможна нормальная работа мест лишения свободы. К сожалению, дальнейшие его замыслы и идеи разметало политическим штормом, связанным с приходом Н. С. Хрущева. Наведенный при Хрущеве на систему косметический глянец только более надежно скрыл ее дефекты, не затронув существа. Такой она дождала до перестроечных процессов в стране и только благодаря новым политическим ветрам привлекла к себе пристальное внимание общественности. Какая она, мы теперь все знаем. А вот какой будет...

**Полковник внутренней службы
Станислав КУЗЬМИН, кандидат
юридических наук, доцент.**

Анатолий БОГДАНОВИЧ

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ОБЪЯВЛЕНИЯ

Инвалиды Великой Отечественной войны обслуживаются вне очереди

Нынешним летом Анатолию Богдановичу исполнилось 50. Он — член Союза писателей СССР, автор двенадцати поэтических книг. Нам приятно поздравить с юбилеем поэта, который, по собственному признанию, писать стал всерьез именно во время службы во внутренних войсках.

Вне очереди — форма РККА.
Вне очереди в прорези прицепа
Качался ты на мушке у врага,
Да, к счастью,
пуля мимо пролетела.
Теперь ты носишь
ветеранский знак
И на высокой праздничной трибуне
Вдруг ощутишь дыхание атак,
Как в том, гранатой взорванном,
шюне.
Обуглился державный небосклон,
И брови в бруствер сдвинутся
сурово.
Постукав пальцем в чуткий
микрофон,
Тебе дадут вне очереди слово.
И ты шагнешь с достоинством
вперед,

ДИВО

Смывает времени листва
То дни торжеств,
то дни печали,
Какими родина жива
В своем бессмертном изначале.
Дождинкой золотистый шмель
Вдруг налетит, что дуновенье.
И вся земная карусель —
Луны и солнца отраженье.
Пока дивишься — ты живешь.
Но путь распутав, будто узел,
Ты ничего уже не ждешь,
И ветер в даях веки сузил.
А свет за плугом, как заря,
Встает в полнеба над землею.
И люди, новый день творя,
Перекликаются с зарею.
Есть философия земли —
Закон извечного возврата:
Все,
что в рассвет не сберегли,
Вернется в отблесках заката.
Мелькнет улыбкою твоей
Река, играя на просторе.
И унесет и смех, и горе,
Как волны суетливых дней.

Не то, что в магазине или в бане.
И, затаив дыхание, народ
К твоей невольно прикоснется ране.
Ты выдюжил в чудовищной пальбе,
А вот на речь едва хватило духу.
И хочется протиснуться к тебе,
Пожать вне всякой очереди руку.
Все меньше,
меньше фронтовой родни
Приходит к нам
на встречу поколений.
Недолог век у этих объявлений,
Не потому ль бумажные они?

ПАРАДОКС

Как грабили Россию,
так и грабят —
Одни извне, другие изнутри.

И даже из кладбищенской ограды
Крест унесли с опилками зари.
Страна воров.
«Воров» читай, как хочешь,
Хоть слева или справа —
все одно.

Чего, признайся, ветер,
ты хохочешь,
Листвой плюешь в раскрытое окно?
Нет, не случайно,
вовсе не случайно

Из храма сделали гаражный бокс...
Жизнь не безрадостна —
она печальна,
И в этом азиатский парадокс.
Патриотическое равнодушие!
Святое — за бесовские гроши.
И что тебе, потомок,
вслед идущий,

Привидится за дымом анаши?
Крадется вновь из тишины кордона
Тот, кто забыл мудрейшее вчера:
Ни русский крест,

ни русская икона
Чужой земле не принесут добра.
Не выручить и не вернуть с послами
Всего, что перекупищик оценил...
Но небеса еще покуда с нами
И росы, что на травах расцвели.

МИЛОСЕРДИЕ

Ниве

В забытые вглядишься иконостасы:
Чернеют доски и мутнеет медь.
Таких, как ты, искали богомазы,
Чтоб милосердие запечатлеть.
Оно ничуть в веках не потускнело,
Но в блеске лакированных машин
Его нам не хватает то и дело
На линиях космических вершин.
Мне без тебя и в радости тревожно,
Во всем на свете, что ни назови.
Мне без тебя представить
невозможно
Святое милосердие любви.

Глаза полны терпения и веры,
И посреди безликой суеты
Ты — на стене обветренной пещеры
И на изящном слайде — тоже ты.
Привычно милосердие природы
Как шелест нив

и как осинки дрожь,
Как в отблесках осенней позолоты
Бесшумно льется паутины дождь.
Все под луной не раз переменялось,
Лишь постоянна преданность
в крови,

И, значит, милосердие —
не милость,
А имя милой. И самой любви.

ОБОЙДЕМСЯ

Что за знамя, скажите, без ордена,
Человек на виду — без звезды?..
Отчего же так сумрачно, родина,
Пусто, как от набега орды?
Снова всходами поле беременно,
Снова крест свой

в лишенях несем.

Говорили нам: все это временно,
Будто вечно на свете живем.
Улыбались с портретов дородные
Властины умов и сердец.
— Никому нету дела до родины,—
Кто-то бросил сомненья свинец.
Но знаменами вооруженные
Шли колонны под лозунги в май,
Легионами зла окруженные,
Как мы выжили?

Сам понимай!

И усвоил с призывами ясными
Эту присказку я от стола:
«Обойдемся, даст бог,
и без мяса мы,
Только б родина сильной была»...
Вот протопали годы шеренгою,
Но врагов не редееет кольцо.
И как будто полою шинельною
Утирает мне ветер лицо.

г. Химки.

982

• КНИГА В ЖУРНАЛЕ • КНИГА В ЖУРНАЛЕ • КНИГА •

Анатолий
БЕЗУГЛОВ

ТАЙНА ЯХТЫ
ЭЛЕГИЯ

В.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

[В кооперативном ресторане «Воздушный замок» города Южноморска хулиганы устроили погром. В телефонной будке около ресторана застрелен неизвестный. Началось следствие, к которому подключили и ОБХСС — для проверки версии: не хотят ли кооператоры сплести свои грехи на хулиганов]

Ресторан был закрыт для посетителей — на двери висела табличка «Санитарный день», огорчавшая гуляк, которые к вечеру все прибывали, но вынуждены были уезжать не солоно хлебавши.

Зал «Воздушного замка» срочно приводили в порядок после погрома — вставляли стекла, заменяли разбитые плафоны светильников, закрашивали следы от вина на стенах, ремонтировали мебель.

Последним, с кем беседовал старший оперуполномоченный ОБХСС старший лейтенант Ларионов, был метрдотель Леониды. На скуле администратора переливался цветом радуги огромный кровоподтек.

— Кто был зачинщиком дебоша? — спрашивал Ларионов.

— Вроде двое, — не очень уверенно ответил метрдотель.

— Их приметы?

— Затрудняюсь сказать... Лет по двадцать пять, здоровые такие...

— Лица запомнили?

— Нет, — отрицательно покачал головой Леониды. — Они были в темных очках. К тому же, меня сразу свалили на пол. А потом погас свет, и уже ничего нельзя было разглядеть...

Выйдя из ресторана, оперуполномоченный ОБХСС направился к сторожу платной автостоянки. Хотя работы для него нынче не было, старик считал, что не имеет права покидать свой пост.

— Пронин, — представился старик Ларионову и продолжил: — Тут вчера четверо подозрительных молодых людей подъехали на «Волге». Вот я и размышляю, не они ли эту бучу заварили?

— Почему думаете, что они? — настаивал Станислав Архипович.

— Аккурат перед самой дракой заявились, да еще черные очки нацепили, это раз, — солидно стал перечислять Пронин. — Вели себя как-то настороженно: когда заходили в ресторан, все оглядывались по сторонам. Это два... Ну и смылись сразу после заварухи — три!

— Точно? — подозрительно посмотрел на старика лейтенант: уж слишком безапелляционным было его заявление.

— Факт! — горячо проговорил сторож. — Эти молодчики мне сразу не понравились.

— Вы запомнили их? — спросил Ларионов. — Может, какие-то детали, отдельные приметы?

Старик раздумчиво покашлял.

— Голос одного из них запомнил, — наконец сказал он. — Того, что сидел за рулем. Я предлагал ему оставить машину на нашей стоянке... Так вот, думаю, с чьим его голос схож? Потом хлопнул себя по лбу — батюшки, точь-в-точь как у того певца, что на каждом углу крутят. Хриплый такой...

— Высоцкий, что ли? — подсказал Ларионов.

— Во-во, он самый! — обрадовано закивал сторож.

Он попросил оперуполномоченного немного подождать, исчез на пару минут в своей будочке, а вернувшись, протянул старшему лейтенанту спичечный коробок.

— Возьмите, может, пригодится.

— Зачем он мне? — удивился Ларионов.

В коробке вместо спичек лежал окурочок.

— Один из тех парней бросил, — пояснил сторож. — Когда они садились в машину уезжать. Как узнал, что произошло в ресторане, подобрал на всякий случай. Авось, думаю, понадобится. Ведь не зря пишу, что по окурку можно найти...

— А если кто другой бросил? — засомневался Ларионов. — Пуганица выйдет.

— Они, голову наотрез даю, они!

— Ой, введете нас в заблуждение...

— Нечто я не понимаю в этом деле! — обиделся старик. — Во время войны в СМЕРШЕ служил, конвоиром. Один раз по окурку даже шпиона разоблачили...

Ларионов, немного поколебавшись, решил уважить сторожа и взял коробок. Потом задал свидетелю еще несколько вопросов, на которые тот ответил охотно и обстоятельно.

— Спасибо, товарищ Пронин, — сказал напоследок Ларионов. — Возможно, вы нам еще понадобится.

— Ради бога! Звоните в ресторан, меня позовут.

Уже садясь в поджидавший его «Москвичок», оперуполномоченный с улыбкой спросил у сторожа:

— За что награда?

— За боевые заслуги, — не без гордости сказал старик, косясь на новенький орден Отечественной войны.

И он по привычке почтительно захлопнул за Ларионовым дверь.

— Какая-то чертовщина, товарищ полковник, — докладывал по телефону оперуполномоченный ОБХСС начальнику городского УВД полковнику Хохлову. — Хулиганы покуролесили в «Воздушном замке» от души! Разгромили по первому разряду. Стереустановка вдребезги, видеосистема — тоже! Между прочим, и то и другое — японские. Ну, светильники, посуда, мебель — это, считай, мелочи...

— Ущерб большой? — поинтересовался Хохлов.

— Тысяч на тридцать, не меньше. Но вот из-за чего весь сыр-бор, непонятно.

— А что говорит директор? — спросил полковник. — Карапетян, кажется?

— Да, — сказал старший лейтенант. — Сурен Ованесович. По его словам, во время драки он находился у себя в кабинете и не видел, что творилось в зале.

— И не слышал? — удивился полковник.

— Нет, — сказал Ларионов. — Я опросил персонал ресторана — ничего конкретного. Запомнили только, что один из посетителей хохотал до упаду.

— Ты серьезно? — спросил Хохлов.

— За что купил, за то и продаю, — ответил оперуполномоченный... — Может, случайная драка? Знаете, как бывает под винными парами... Кто-то на кого-то не так посмотрел или удочку закинул даме, а кавалер взбеленился.

— Может быть, и случайно, — задумчиво проговорил полковник. — А что, если две банды сводили счеты? А?

— Ребята из угрозыска ищут посетителя, что были вчера в «Воздушном замке», — продолжал Ларионов. — Кстати, любопытные показания дал сторож автостоянки. — Он рассказал о том, что услышал от Проина. — Даже номер «Волги» назвал: Л 10-11 ЮЖ...

— Ну и?.. — нетерпеливо спросил Хохлов.

— Опять загадка, — ответил старший лейтенант. — Я справился в ГАИ — машины с таким номером в городе вообще не существует. Более того, сторож сказал, что один из приехавших на «Волге» остался в машине, а трое пошли в ресторан. Потом этот оставшийся достал из багажника не то куль, не то мешок и тоже зашел в «Воздушный замок». Но никто из персонала ресторана такого эпизода не помнит. Одним словом, туман.

— Выходит, генералу докладывать одни только загадки? — хмуро сказал Хохлов.

— Будем работать, товарищ полковник! — откликнулся старший лейтенант. — Времени-то прошло всего ничего...

— Вот именно, — с нажимом произнес начальник городского УВД. — Возможно, что и ушло... А по вашей линии как?

— Вроде Карапетян не нарушает. Мясо, масло, говорит, покупает на рынке или в потребкооперации. Даже договоры показал... Овощи и фрукты — только с рынка.

— Карапетян не жаловался? — спросил Хохлов. — Может, ему угрожают? Вымогают деньги?

— Нет, — решительно мотнул головой старший лейтенант. — Отрицал начисто...

Яхта «Элегия» лениво дрейфовала километрах в пяти от берега. Южноморск остался в стороне, и перед взором пассажиров, в купальниках и плавках развалившихся в шезлонгах, простерлась панорама диких гор, поросших буйной растительностью.

Просторный салон и каюты отделаны ли-

ванским кедром, мореным дубом и натуральной кожей. Везде зеркала, хром и бронза. На «Элегии» имелся бар, камбуз, нашипигованный современной электроникой, гриль. На верхней палубе было все для приятного отдыха: шезлонги, надувные матрасы, столики для игр. Любителей порыбачить ждал набор великолепных снастей — удочки, спиннинги, а также маски с лапами и пневматические ружья для подводной охоты. Кто же был охоч до современных удовольствий, мог провести время у видеомагнитофона.

Яхту обслуживала целая команда во главе с капитаном Семеном Васильевичем Кочетовым. И хотя ему было лет тридцать, не более, обращались к Кочетову только по имени и отчеству. Капитан разгуливал в тельняшке, клешах, на голове — фуражка с крабом. Ну, а какой морской волк может обойтись без татуировки! Они покрывали его руки и грудь.

В подчинении Кочетова был матрос Жора Бородин. Комплекция — что твой Добрыня Никитич. Будучи по возрасту не моложе капитана, Жора тем не менее относился к нему с глубоким почтением.

Еще один член команды — кок Евгений Мухортов, самый младший. В службе состояли и две милovidные девушки. Регина была хозяйкой бара и славилась тем, что варила отменный кофе по-турецки. Впрочем, ей отлично удавались и коктейли — слабые, крепкие и вовсе безалкогольные. А подавала еду и напитки официантка Люся. Она то и дело пробегала с подносом туда и обратно, одаривая по пути всех обязательной улыбкой.

Владельцем яхты был Валерий Денисович Хинчук. И хотя его профессия, судмедэксперт, скажем, не из веселых, он, несмотря на это, был натурой жизнерадостной и в свои сорок холостяцких лет сохранил вкус к еде, женщинам и другим земным радостям. Сегодня Хинчук в особом расположении духа — гости самые желанные. Супруга секретаря горкома партии Виктория Леонидовна, жена начальника южноморского ОБХСС Зося со своим любимцем Карлушей — чистокровным хином, вальяжно развалившимся на руках хозяйки, молодожены из Москвы Сева и Таня. Ну и, как говорится, гвоздь программы — Александр Белов, популярнейший артист, прибывший в Южноморск на гастроли. Собственно, нынешний пикник на воде и был затеян ради прославленного певца.

Среди этой публики своими, можно сказать, были журналист Вадим Снежков, Генрих Довжук — атлетического сложения красавец, культурист и каскадер, и Эвника — временная подруга Белова.

«Трижды корреспондента Советского Союза» владелец яхты приглашал всякий раз, когда на борту «Элегии» находилась очередная знаменитость. Снежков был обязан запечатлеть ее на борту увеселительного судна на фото- и видеопленку.

Впрочем, сам Валерий Денисович тоже

поминутно щелкал своим полароидом, щедро раздавая гостям снимки.

Показался катер на подводных крыльях. Он быстро приближался к «Элегий».

— Во дает! — воскликнул кто-то из отдыхающих.

За катером мчался на невидимом отсюда троссе водный лыжник, проделывая немалые пируэты. Когда виртуоз приблизился к яхте, в нем узнали майора Киреева.

— Ай да Донат Максимович! — восхищалась больше всех Татьяна.

Катер резко сбросил ход, и начальник ОБХСС плавно подкатил к яхте. К нему тут же протянулось несколько рук, и Киреев был поднят на борт.

Донат Максимович поздоровался со всеми и, увидев удочку у Белова, поинтересовался:

— Большой улов?

— Увы, ни одной поклевки.

— Уметь, брат, надо, — похлопал его по плечу майор.

— Хотел бы я посмотреть, как это у тебя получится, — обиженно произнес Белов.

— У меня-то клюнуло, да еще как... — протянул Киреев и на недоуменный взгляд певца пояснил со смехом: — Правда, не ставрида там или кефаль. Рыбка другого вида — подцепили махрового жулика...

Майора обступили, стали просить, чтобы он рассказал подробности.

— Ладно уж, выдам служебный секрет, — сделал начальник ОБХСС, усаживаясь в шезлонг и потягивая через соломинку «шампань-коблер» из запотевшего бокала, принесенного официанткой. — Представляете, чем пользовался, подлец? Нашей с вами любовью к детям. Точно рассчитал!

— Кто же это? — нетерпеливо спросил Хинчук.

— Лучше — по порядку, — поднял руку майор. — Как вы сами понимаете, у всех родителей одно сейчас на уме — купить сыну или дочке школьную форму. Первое сентября на носу. Приходит мамаша или папаша в «Детский мир», а там пусто. Нет форм. Что же делать бедным родителям?

— Совершенно верно, Донат Максимович! — возмущенно подтвердила официантка Люся. — Неделю ходим, а все без толку. Говорят, фонды выбрали...

— Запудрить мозги они умеют, — кивнул Киреев. — Получается, путь один — к кооператорам.

— А там форма в два, а то и в три раза дороже, — заметил Снежков.

— Вот-вот, — усмехнулся майор.

— Но зато какое качество! — парировала жена секретаря горкома. — Неужели пожалеешь для родного дитяти.

— Мамаши и не жалеют, — продолжил Киреев. — Втридорога платят за ту самую форму, которая, кстати, пошита не кооператорами, а на обыкновенной государственной фабрике. И должны ее продавать в государственном магазине, по государст-

венной цене. Между прочим, ниже себестоимости, с дотацией...

— Ничего не понимаю, — развела руками Татьяна. — В чем же дело?

— А в том, — повернулся к ней Донат Максимович, — что государство заботится о детях, а коммерческий директор «Детского мира» — о своем кармане. Вот и придумал комбинацию, как хапнуть около ста тысяч.

— Скворцов? — охнула Виктория Леонидовна.

— Он, голубчик, — подтвердил Киреев.

— А такой с виду интеллигентный, честное лицо, — покачала головой жена секретаря горкома.

— Прожженный махинатор, — сурово проговорил майор. — Но не учел, что ОБХСС — не лопух-покупатель. Нас не проведешь...

— Прямо уж, — проворчала негромко его жена Зоя, — еще как обкручивают вокруг пальца!

— Если милиция сама того пожелает, — иронически улыбнулся Белов.

Киреев встрепенулся, хотел что-то ответить на шильку, но тут с катера, чуть покачивающегося на волнах рядом с «Элегий», крикнули:

— Товарищи, кто еще желает прокатиться на лыжах?

Изъявили желание почти все. Даже Виктория Леонидовна не могла удержаться от соблазна. Однако катание пришлось отложить — капитан Кочетков ударил в корабельный колокол и провозгласил:

— Прошу всех в кают-компанию! Вас ждут куропатки на вертеле, баварское пиво и еще кое-что...

* * *

У капитана милиции, следователя горуправления внутренних дел Владимира Ивановича Ветлугина было осунувшееся лицо. Месяц назад он перенес операцию на желудке. Язва — профессиональное заболевание следователей.

Рунов знал, что врачи советовали Ветлугину сменить профессию, но тот отказался. И вот теперь, слушая его доклад, Анатолий Филиппович почему-то стеснялся своего цветущего вида.

— Когда я получил материал из ОБХСС о махинациях коммерческого директора «Детского мира» Скворцова, тут же допросил его самого и председателя кооператива «Силуэт» Земцова, — рассказывал капитан. — Земцов — твердый орешек, все отрицал.

— А Скворцов?

— Поюлил, поюлил... И кое-что признал.

— Конкретно, — попросил генерал.

— Ну, как передал несколько партий школьных форм для реализации в «Силуэте». — Владимир Иванович нашел в лежащей перед ним папке пужные бумаги. — Вот протоколы допросов. В них бомба против одного из наших сотрудников...

Рунов надел очки, стал читать. Постепенно лицо его мрачнело все больше и больше.

— Та-ак, — протянул сердито генерал,

снямая очки. — Киреев... Неужели правда?

— Я из Скворцова показания на Доната Максимовича насильно не тянул, — сказал Ветлугин. — Директор сам разоткровенничался.

Когда касалось чести работников милиции, даже малейшие нарушения вызывали у Анатолия Филипповича болезненную реакцию, а тут такое...

— Хохлова проинформировали? — спросил он.

— Тут же, — кивнул капитан.

— И как он отреагировал?

— Хохлов считает, что Скворцов врет. Клевещет. Одним словом, и слышать не хочет. Мол, зачем наводить тень на плетень...

— Не желает портить отношения с Киреевым? — поднял недовольно брови Рунов.

— Я думаю, еще больше — с тестем Киреева.

— А вы-то сами верите показаниям Скворцова? — в упор посмотрел на Ветлугина генерал.

— Анатолий Филиппович, при чем здесь верю или не верю? Пока это только слова. Нужны факты. Но раз есть такие серьезные показания, требуется тщательная проверка.

— Хорошо, Владимир Иванович, оставьте дело. Посоветуюсь с прокурором области. Решим...

— Что доложить Хохлову?

— Я сам позвоню ему, — сказал начальник УВД области, давая понять, что разговор окончен.

...Мудрить, собственно, было нечего: сам бог велел проверять факты в отношении начальника ОБХСС прокуратуре области.

Старший следователь облпрокуратуры, младший советник юстиции Николай Павлович Шмелев производил впечатление тугодума. Но если уж и была у него какая-то отличительная черта характера, так это обстоятельность. «Копал» он обычно медленно, зато уж никакого, даже малюсенького, белого пятнышка при расследовании не оставалось. Не было случая, чтобы дело, проведенное Шмелевым, суд вернул на дополнительное расследование.

Николай Павлович достиг пенсионного возраста, жил богатылем. Увлечение выбрал под стать своей натуре — все время, остающееся от работы, отдавал собиранию редких и старинных книг. Словом, библиофил. Хотя этого термина Шмелев не переносил. Именовал себя по-русски: книголюб. Самым ценным подарком для себя почтал томик издания этак двухсотлетней давности, с пожелтевшими страницами и изъеденным переплетом. Возиться с такой книженцией, приводить ее в божекий вид было для следователя истинным наслаждением. Николай Павлович имел дома соответствующий станочек и разный инструмент. Зная его хобби, знакомые обращались с просьбой привести в порядок пришедшую в ветхость любимую книгу — и никогда не

слышали отказа. К переплетным работам он относился с таким же тщанием, как и к своему основному занятию — следствию.

Впрочем, неизвестно еще, что Николай Павлович больше любил в жизни...

Приняв к производству дело, Шмелев решил провести допрос коммерческого директора «Детского мира». Скворцов находился под стражей, а потому первая встреча произошла в следственном изоляторе.

Обвиняемому было немногим за сорок. Его привели в шегольской комбинированной сорочке (за такими охотятся самые отчаянные модники), в фасонистых импортных брюках и туфлях. Но выглядел он каким-то помятым, на лице — многодневная щетина.

Конечно, следственный изолятор не сапаторий. Но некоторые в нем ухитрялись оставаться подтянутыми, словом, следили за собой. Таких раскалывать — семь потов сойдет. А вот что касается Скворцова, сразу видно: поставил на себе крест...

Шмелев назвал себя, сказал, что ему поручено следствие по фактам, сообщенным им Скворцовым на прежних допросах.

— Сперва, Владлен Карпович, я хотел бы услышать, — начал Николай Павлович, — что толкнуло вас повернуть махинацию со школьными формами. Знали же, что идете на преступление.

— Так все же воруют. Ваш Киреев, к примеру. Как сказал Жванецкий, что стережешь, то и имеешь... Закон для Киреева — как собственная овчарка: на кого хочет, на того и науськает.

— Почему вы пришли к такому выводу?

— А к какому же я, простите, должен был прийти? — негодовал обвиняемый. — Я-то здесь, а он наслаждается волей. Хотя такой же преступник, как и я. Да-да, преступник! Но вас это почему-то не касается...

— Следствие только началось, — пожал плечами Шмелев. — Исходя из презумпции невиновности, никто не имеет права считать его преступником.

— А меня можно? — по-наполеоновски сложил руки Скворцов. — Выходит, эта самая презумпция одна для меня, работника торговли, а другая для начальника ОБХСС? Странно получается, гражданин следователь.

— Если вина Киреева будет доказана, — начал было Николай Павлович, но Скворцов его запальчиво перебил:

— Ага! Акта, составленного Киреевым, оказалось достаточно, чтобы меня упечь в каталажку, а моих показаний не достаточно, чтобы посадить его в соседнюю камеру! Но между нами нет никакой разницы!

— Есть. Вам предъявили обвинение — вы признали себя виновным, — невозмутимо произнес следователь. — А Киреев...

— Предъявите и ему, — снова перебил Скворцов.

— Доказательства?

— Их навалом! Он берет с каждого.

Слышите, с каж-до-го! Всех обложил да-нью. Магазины, ателье, столовые. Ни од-ного шашлычника не обошел стороной. А теперь кооперативы появились. Вот уж где раздолье для киреевых!

— Можете назвать конкретно, с кого, когда, и сколько он брал?

Скворцов вдруг поник, словно из него выпустили пар.

— Нет, — произнес тихо.

— А откуда у вас такие сведения?

— Не беспокойтесь, сведения самые точ-ные, — негромко, но твердо произнес об-виняемый. — Из надежных источников.

— Назовите их.

— А это уж увольте, — решительно за-явил Скворцов. — У нас, в торговле, свои правила игры, и я их нарушать не буду. Я лично отвечаю только за себя. Играю с вами честно: что касается моих грехов— весь как на ладони. Ничего не скрыл.

— А скрывать и не было смысла, — за-метил следователь. — По документам все ясно. Никуда не денешься — подписи ва-ши... Хорошо, вы сами Кирееву давали?

— Ему в руки — нет. А вот для него передавал. Правда, всего один раз.

— Уточните: когда, через кого, сколько?

— Когда?.. — тяжело вздохнул подслед-ственный. — В декабре прошлого года. Всего месяц прошел, как меня назначили коммерческим директором. И тут заявля-ется шестерка Киреева — старший опер Ларионов.

— Имя-отчество помните?

— Станислав Архипович... Так вот, пред-ставился, значит, он, разговорились. Сог-релись коньячком. За знакомство как бы. Он и говорит: дочери его начальника тре-буется дубленка. Требуется так требуется, хотя ума не приложу, зачем она при на-шем-то климате... Пошли на склад, выбра-ли. Бельгийскую. Сорок четвертый размер. Завернули, как положено. Я жду, когда Ларионов рассчитается. Держи карман ши-рей!.. Когда он ушел, мне популярно рас-толковали, что к чему. Сказали, что еще дешево отделался. Но радоваться было ра-но. Недельки через две снова пожаловал Ларионов. Я опять выставил марочный коньяк. Одной бутылки ему оказалось ма-ло. Вторую раскупорили. И вдруг этот мо-локосос заявляет, что я должен ежеме-сячно вручать ему для его начальника три тысячи рублей... Представляете, три тыся-чи! В месяц! Я возьми да ляпни: «А не жирно ли будет для твоего Киреева?» Ла-рионов говорит, что Донату Максимовичу будят доставаться из них крохи: львиная доля пойдет наверх, аж до самой Москвы...

— Ларионов назвал, кому именно?

— Что он — дурак? — хмыкнул бывший коммерческий директор. — Да и мне мно-го знать — излишне. Короче, я возмутился. Ну и рубанул сплеча: никаких тысяч от-стегивать не буду!.. Действительно, поче-му? Тут, понимаешь, ночами не спишь, му-чаешься, как, что и откуда, а эти крово-сосы... — Он хрустнул пальцами и замол-чал.

— Ну и что же дальше?

— Ларионов аж побагровел. Говорит, пожалеешь — начальник не любит тех, кто против течения, и ничего не забывает... Ушел. — Скворцов снова замолчал.

— И чем все кончилось?

— Тогда — ничем Правда, пару раз Ла-рионов приходил со своими коллегами с проверкой. Но ничего интересующего их не нашли.

— Не смогли или не захотели? — внима-тельно посмотрел на Скворцова следова-тель.

— Не захотели, — осклабился тот.

— За здорово живешь? — с сомнением произнес Шмелев.

— У «Киреева и К^о» так не принято. Свое он имел.

— Все-таки давали? — настаивал следо-ватель прокуратуры.

— Я — нет. Но это не значит, что не давали другие, — уклончиво ответил об-виняемый.

Здесь тайлась какая-то непонятная ком-бинация, поэтому Шмелев строго сказал:

— Послушайте, Владлен Карпович, вы же сами уверяли, что передо мной — как на ладони.

Скворцов некоторое время колебался, затем со вздохом проговорил:

— Ладно. Начистоту так начистоту. Но только не для протокола. Идет?

— Слушаю.

— Знаете, почему я здесь перед вами? — понизив голос, произнес бывший ком-мерческий директор. — Потому что ком-панийны мои скиксовали.

— Кооператоры, что ли? — уточнил сле-дователь.

— Они. Обещали прикрыть тылы своими силами. Ну, отстегнуть Кирееву. Как рань-ше делали. Но пожалели, наверно. А этот вампир и впрямь ничегошеньки не забыва-ет.

При подписании протокола допроса Скворцов проявил невероятную дотошность. Цеплялся к каждому слову. Расписался на листах дела лишь тогда, когда все его за-мечания и дополнения были зафиксирова-ны со скрупулезной точностью.

Киреев пребывал в прекрасном настрое-нии — отлично провел время на даче в горах в обществе начальника главка одно-го из влиятельных ведомств в Москве. Бе-лая «Волга» майора, покинув прохладное ущелье, вылетела на оживленные, несмотря на глубокий вечер, улицы Южноморска.

Уже на родной улице Киреев вдруг вспомнил, что обещал Зосе навесить ее родителей: теща прихворнула. Но заку-ртился и забыл.

«Теперь уже поздно, — с огорчением подумал он. — Ладно, заеду завтра».

И тут раздался зуммер радиотелефона.

— Киреев слушает, — поднял он трубку.

— Говорит полковник Дойников, — по-слышался знакомый голос заместителя на-

чальника УВД области. — Сообщаю, что операция «Прибой» начнется завтра в девять ноль-ноль. Как поняли?

— Понял, товарищ полковник, — откликнулся Донат Максимович. — Операция «Прибой» начинается завтра, в девять ноль-ноль.

— Общее руководство осуществляет сам генерал Рунов, — продолжал четким, без всяких эмоций голосом Дойников. — Вам с оперативным составом быть в полной готовности. Конкретные указания — что и кого проверять — получите непосредственно перед началом операции. За утечку информации начальники подразделений несут персональную ответственность. — Полковник выдержал паузу, чтобы, вероятно, начальник ОБХСС осмыслил приказ, и в заключение спросил: — Все понятно?

— Так точно, товарищ полковник.

— До свидания.

— До свидания, — положил трубку Киреев. И скомандовал водителю: — Разворачивай.

— В управление? — вопросительно посмотрел на патрона шофер.

— Сначала в «Аполлон».

Капитолина Савельева, держательница салона мужской красоты под названием «Аполлон», встретила позднего гостя настороженно.

— Что-нибудь серьезное? — спросила хозяйка «Аполлона», когда Киреев развалился на диванчике.

— Очень, — кивнул он. — Главное — срочно.

— Свистать всех наверх! — возбужденно заходил по своей жердочке Чико, распушив хохолок.

— Господи! — уставился на поугая Донат Максимович. — Честное слово, готов иной раз поверить, что он был когда-то человеком.

— И весьма неглупым, — рассмеялась Капитолина Алексеевна, а затем озабоченно добавила: — Ну, выкладывай.

— Нужно кое-что передать боссу, — начал Киреев.

— Хорошо, — кивнула Савельева. — Сегодня, правда, я не смогу связаться с Совой.

— Нет, обязательно сегодня. Сейчас!

— Ладно, — после некоторого размышления согласилась Капочка...

[По возвращении с зонального совещания в расследование включается прокурор области Захар Петрович Измайлов.]

Не успел войти — зазвонил аппарат ВЧ. Чисто и звонко. Это была Москва.

Заместитель министра начал издали, о зональном совещании, где выступил его шеф. Пришлось поддержать в общем-то пока ни к чему не обязывающую тему. Я сказал, что патрон его выступил очень даже нестандартно (я не лукавил, это действительно было так). Наконец мой собеседник спросил:

— Что это вы там устроили проверку нашему работнику, Захар Петрович? Я готовлю о Кирееве...

Почему-то он избежал слова «следствие».

— Не проверку, возбудили дело, — поправил я.

— И что установили? — продолжал замминистра уже не так любезно.

— Пока ничего не могу сказать. Идет следствие.

— Кто ведет?

— Очень опытный товарищ.

— Вы ему доверяете?

— Это уже начинало походить на допрос.

— Не доверять нет оснований, — ответил я официальным тоном.

— Так что, Киреева уже взяли под стражу?

Я почувствовал недобрые нотки в голосе собеседника.

— Нет. И даже не отстранен от работы.

— Захар Петрович, — неожиданно сменил интонацию заместитель министра, — прошу учесть, что товарищ Киреев недавно получил звание «Отличник милиции». А просто так у нас работников не отмечают.

Заслужил, значит. Словом, очернять человека просто, а вот потом ему отбеляваться будет ох как трудно. Не наломать бы вам дров...

— Постараемся не наломать, — заверил я замминистра.

Он просил держать его в курсе...

«Я предупреждал вас, Захар Петрович», — словно говорил взгляд стоявшего рядом моего зама Гуркова.

Обсуждать с ним разговор с Москвой у меня не было желания.

Снова зашемило грудь. Боже мой, как далеки наши декларации от воплощения в жизнь!

«Покончим с телефонным правом! Защитим авторитет и независимость работников правопорядка!»

Я вызвал через секретаршу Шмелева с материалами по делу Киреева. Как только следователь переступил порог кабинета, Гурков заторопился.

— Захар Петрович, у меня, понимаете, назначено совещание. Разрешите идти?

— Да-да, идите, — кивнул я.

Мой зам шарахался от всего, что было связано с начальником городского ОБХСС, как от чумы.

По виду Шмелева никогда нельзя было определить, успешно движется дело или нет.

— Что новенького? — спросил я у Николая Павловича.

Тот разложил бумаги, взял в руки видеокассету.

— Знаете, Захар Петрович, может, я поставлю? — показал он пластмассовую коробочку. — Так сказать, увидите предметно.

— Очень даже хорошо.

— Ну а потом мы обсудим...

Он включил телевизор, вставил кассету в видеоприставку. Слава богу, система работала. Это была наша, отечественная

«Электроника». Год как приобрели, а уже несколько раз вызывали мастера. Спасибо, хоть такая имела. Об импортной даже мечтать не приходилось.

— Все Скворцова потрошили? — поинтересовался я.

— Нет, еще один данник Киреева, — пояснил следователь. — Директор магазина «Дары юга».

На экране возникло знакомое усатое лицо. Агеева я встречал несколько раз на заседаниях горисполкома, хотя знакомы лично мы не были. Судя по обстановке, допрос велся в кабинете Шмелева.

— Что ж получается? — бубнил директор. — Я, значит, выложу вам все начистоту, а вы меня того... — Он сделал жест рукой, будто бы что-то схватил.

— Я, кажется, внятно объяснил, — втолковывал ему Шмелев. — Если вы давали взятки в результате вымогательства, то в ваших действиях нет состава преступления.

— Мягко стелете, Николай Павлович, — с подозрением смотрел на следователя Агеев.

— Экий вы Фома неверующий, — покачал головой следователь, раскрывая книгу в коленкором переплете перед допрашиваемым. — Читайте сами, статья сто семьдесят четвертая. А вот комментарий к ней.

Агеев взял кодекс и стал читать, отставив на расстоянии вытянутой руки (был, видимо, дальновзорким). Он молча шевелил губами, наморщив лоб, потом передал книгу Шмелеву.

— Поняли? — спросил тот.

— А что тут не понять? — вздохнул директор.

— Я хочу, чтобы вы хорошенько себе уяснили, — с нажимом сказал следователь. — От уголовной ответственности освобождается лишь тот, кто добровольно заявляет о случившемся! Понимаете, сам! И если у него вымогали. В противном же случае...

— Конечно, вымогали! — поспешно произнес Агеев. — Что я, дурак, буду сеять деньгами, яко пахарь? Буквально за горло взяли...

— Ну вот и расскажите подробнее.

— Понимаете, обэхэээсэсники начисто перекрыли кислород.

— В каком смысле?

— Попробуйте поработать, когда тебя проверяют чуть ли не каждый день, — с мукой в голосе проговорил директор овощного магазина. — Цеплялись к чему надо и не надо. У нас товар специфический, деликатный... Короче, не буду утомлять вас тонкостями нашего дела... Не торговля получалась, а сплошной убыток. Хоть увольняйся! Вот я и вынужден был давать взятки.

— Кому?

— Кому, — усмехнулся Агеев. — Кирееву.

— За что? Конкретно.

— За то, чтобы отстал. Дал наконец спокойно работать.

— И только?

— Ничего себе только! Вздохнули, можно сказать, свободно.

— И в какую сумму оценена услуга начальника ОБХСС?

— Три тысячи.

— Когда вы их ему дали?

— По сей день плачу ежемесячно три тысячи. — Агеев стряхнул с колен несуществующие пылинки. — Копейка в копейку.

— А кроме денег?

— Это — само собой, — как о чем-то совершенно обыденном сказал директор. — Фрукты, овощи, консервы, коньяк, вино...

— Как вы ему это все передавали?

— Обычно он звонил и диктовал адрес: доставить то-то туда-то.

— А кто доставлял?

— Иногда шофер Киреева, но в основном — мы.

— Кто это — мы?

— Чаще всего — мой шофер Володя. Словес его фамилия.

— На вашей служебной машине?

— Помилуйте, откуда у меня служебная? Личная! Иной раз я и сам подвозил.

— Можете вспомнить, кому предназначались эти подношения?

— Попробую, — потер лоб Агеев. — Самое свеженькое — буквально на прошлой неделе. Подвез прямо к поезду две корзины с фруктами и дюжину бутылок марочного вина. Вручил артисту Белову. Слышали небось о таком?

— А как же, — кивнул следователь. — На каждом углу афиша... Еще?

— Заместителем министра Воронову, — перечислял директор. — На дачу... Генералу Авдюшко в правительственный санаторий... Да разве всех упомянешь?

— Надо вспомнить, Сергей Фролович.

— Многих я не знаю. Некоторых вообще в глаза не видел.

— Как это не видели? — удивился Шмелев.

— Очень просто. Киреев называл по телефону гостиницу или санаторий, номер комнаты... А в другие города — и вовсе неизвестно кому и куда.

— Вы и туда посылали?

— Еще сколько! Ящиками. Через проводников. Мое дело было упаковать и подвезти к поезду. А что дальше — никогда не интересовался.

— И много вы передали Кирееву за все время, я имею в виду деньгами и натурой?

— Могу сказать. — Директор некоторое время смотрел в потолок. — Деньгами семьдесят две тысячи, ну а товара — тысяч на шестнадцать. Примерно...

Шмелев, не тот, что на телеэкране, а находящийся в кабинете, остановил звукозапись.

— Хорошо подоил Агеева Киреев, — заметил я.

— Не беспокойтесь, директор в накладе не остался, — с усмешкой произнес следователь. — Киреев отработывал свой «гоно-

рар». Наш дорогой директор умолчал о том, что начальник ОБХСС надежно прикрывал его самого и продавцов магазина. Если говорить об обсчетах и обвесах в «Дарах юга», это замать для Киреева — мелочи. Куда важнее было подстраховывать Агеева от плановых и неплановых проверок. Их только еще задумывали, а директор уже был в курсе. Ну и, сами понимаете, заранее готовился. Нагрянут проверяющие, а у Сергея Фроловича все в ажуре. Комар носа не подточит. Отсюда и грамоты, выпелы, первые места...

— Шопера Агеева допросили? — поинтересовался я.

— А как же. Все подтвердил. Но больше патрона не сказал ни слова. Кстати, знаете, сколько отваливает ему Агеев? Восемьсот рэ в месяц!

— Восемьсот? — поразился я. — Доктора наук столько не получают.

— Вот именно. А у самого директора зарплата всего-навсего двести пятьдесят. Заковыристый ребус, верно? — прищурился Шмелев.

— Не простой, — согласился я. — А с шофером Киреева говорили?

— Еще нет. Считаю — рано. — Николай Павлович сменил видеокассету. — А сейчас, Захар Петрович, увидите миллионера. Самого натурального...

— Кооператора, что ли?

— Индивидуал, — уточнил Шмелев. — Нет, Ступак. Ну, тот самый, что имеет «роллс-ройс».

— Кто же не знает его роскошной машины?

— У Ступаков имеется и другая, «Ягуар». Не менее роскошная. На «Ягуаре» жена ездит. Оба приобрели патент на извоз.

На телеэкране возник трехэтажный особняк с колоннами и широкой лестницей, украшенной статуями под античностью.

— Не дом, а дворец! — вырвалось у меня.

— Это не вся недвижимость Ступаков, — пояснил следователь. — Имеют еще четырехкомнатную кооперативную квартиру в Москве, дачу в Подмосковье, оцененную в триста тысяч, и более дорогую — в Крыму...

Он умолк, потому что на экране появился сам Ступак, сидящий напротив Николая Павловича у тяжелого старинного стола, отделанного резьбой. Оператор не удержался, чтобы не пройтись панорамой по комнате. Антикварная мебель, хрусталь, на стенах ковры и гобелены. Люстра — как в Большом театре... Я понял: допрос происходил в особняке южноморского миллионера.

— Во что обходится вам один патент в год? — спрашивал Шмелев у Ступака, поджарого мужчины лет пятидесяти.

— Семьсот рублей, — ответил владелец шикарных лимузинов и дач.

— А какой доход вы получаете от извоза? Вместе с женой?

— Считаю, по четыре тысячи в месяц,

не меньше. Ежели хотите знать точно, можете справиться в райфинотделе. Налоги мы платим исправно.

— Прилично, — протянул следователь. — Я знаю, что другие...

— Другие, товарищ следователь, — перебил Ступак, — на «Жигулях» и «Москвичах». Да и возят кого? Всякую шелупонь. Видали наши тачки? Клиента соответствующего обслуживаем. Сами понимаете, какого. — Ступак похлопал себя по карману.

— Тачки, как вы говорите, действительно знатные, — согласился Шмелев и хитро прищурился. — Но вот, судя по спидометрам, вы на них немного успели наездить. Откуда же такие доходы?

— Вот именно за то, чтобы милиция ко мне не приставала и не задавала, простите, таких ехидных вопросов, я и вынужден, подчеркиваю — вынужден, был взять на «прокорм» Доната Максимовича Киреева — с несколько нагловатой улыбкой ответил допрашиваемый.

— Поясните, пожалуйста, — вежливо попросил следователь, — что значит на «прокорм»?

— Пообещал вашему начальнику ОБХСС отваливать каждый месяц по четыре тысячи.

— И отваливали?

— Факт. Сказать по правде, получалось даже больше, — уточнил владелец лимузинов. — Платил аккордно, пятьдесят тысяч в год.

— А кроме этого что-нибудь дарили?

— Чего нет, того нет. Разве что... просил он пару раз покататься на моих ласточках. Для форса. Ну это не в счет...

Изображение задергалось. Экран опустел.

— Да, техника у нас, прямо скажем... — покачал головой следователь. — Пришлось дальше вести допрос без видеозаписи. Но ничего интересного больше Ступак не показал.

Я недоумевал: какой резон был Ступаку, зарабатывая сорок восемь тысяч в год, отдавать Кирееву... пятьдесят? Работать себе в убыток?

— И вообще, почему он старается вас убедить, что зарабатывает много? — спросил я у Николая Павловича.

— Очень просто: чтобы оправдать, откуда у него такой дом-дворец и прочая роскошь.

— А на самом деле, откуда?

— Захар Петрович, Ступак — картежный шулер экстра-класса! Лобовик, по-ихнему. А лобовики эти играют даже не на тысячи, на миллионы! Все, что он имеет, выиграл в карты. Даже жену. — Шмелев достал из папки с делом фотографию. — Полюбуйтесь.

Я глянул на снимок: настоящая красавица. Молодая. Лет на двадцать пять, моложе супруга.

— Ну и дела творятся у нас под боком! — не смог сдержаться у негодования. — Что твой Монте-Карло! А милиция спит.

— Что они могут? — вздохнул следова-

тель. — Если кого и ловят, то в основном шпачей. У любовиков катраны так законспирированы, что иностранным агентам с их явками и не снилось! Понимаете, прижучить Ступака можно только в том случае, если на него поступит жалоба от жоха, ну, облапошенного им. Но таких жалоб в органы не поступало. Я интересовался и в горуправлении, и в областном... Ступака не ухватить! Свои не выдадут ни за что — он босс! И денег на обшак не жалеет. По слухам, на съезд картежников в прошлом году отвалил сто тысяч.

— А мы о кооператорах говорим, мол, денежные мешки, — заметил я.

— Да они Ступаку в подметки не годятся. И уж коля зашел разговор о кооператорах... — Шмелев вставил новую видеокассету. — Посмотрим еще один допрос.

На экране появились сам Николай Павлович и полный мужчина восточного типа. Они сидели на балконе какого-то дома. На фоне склона горы и моря.

— Директор ресторана «Воздушный замок», — пояснил следователь.

Я вспомнил недавнюю историю с хулиганским нападением на кооперативный ресторан — она так и не прояснилась до сих пор.

— Нет, так работать невозможно! Совершенно! — темпераментно говорил экранный директор ресторана, жестикулируя волосатыми руками. — Все, распуцу кооператив к чертовой матери!

— Почему? — интересовался следователь. — Надоело! Всем нужно класть на лапу! — все более азартно продолжал Карапетян. — Санитарному инспектору дай, пожарному — дай, торговому — дай! Фининспектору — дай!.. Но это еще не все! Председателя райисполкома накорми и напои, народный контроль требует, ОБХСС тоже. Хоть по миру иди!

— Что же вы такой покладистый, Сурен Ованесович? — покачал головой Шмелев. — Мало ли кто будет просить...

— Просить? — прямо-таки взвился Карапетян. — Просят нищие да убогие. Эти же набрасываются, как шакалы! На части реут. Кровь высасывают, как пиявки... И попробуй не дай!

— Пошлите их всех подальше, — посоветовал Шмелев.

— Вам легко говорить, — поник головой директор ресторана. — Посмотрели бы, во что превратили мой «Замок» на прошлой неделе! У меня волосы на голове дыбом встали! Сколько я туда сил и денег вложил! Всю душу, можно сказать, отдал, а они... — Он замолчал, печально устремив глаза вдаль.

— Так вы никогда не отделаетесь от хлебников, — сказал следователь.

— А что делать? — в отчаянии спросил Карапетян.

— Помогите следствию вывести всех винователей на чистую воду. Назовите их имена.

— Вах! — грустно усмехнулась Сурен

Ованесович. — Я не враг себе! Вы запишите в свои протоколы, пойдете домой и будете спать спокойно. А что ждет несчастного Карапетяна?.. Дорогой Николай Павлович, у меня ведь есть жена, дочь. Кто нас защитит? — Он безнадежно махнул рукой. — Нет, пропади все пропадом! Заберу семью и уеду подальше отсюда!

— А преступники останутся на свободе и будут тянуть с других...

— Меня это не касается!

— Но ведь кто-то должен встать на защиту справедливости!

— Один уже встал, — хмуро произнес Карапетян. — Я имею в виду нашего дядю Михея. Он хотел помочь следствию — и где теперь находится? Его жена, бедная старушка, все глаза проплакала... Дядя Михей исчез — как в воду канул... Скажите, только честно, вы сможете уберечь меня и моих близких? Можете дать гарантию, что с нами ничего не сделают? — Карапетян испытующе посмотрел на Шмелева и грустно заключил: — Вот видите, сказать вам нечего...

На этом видеозапись допроса закончилась.

— О каком дяде Михее говорил Карапетян? — спросил я.

— Сторож платной стоянки у ресторана, — пояснил следователь. — Пронин. Пенсионер, инвалид войны. Он дал показания милиции о подозрительных людях, подъехавших к «Воздушному замку» перед самым погромом. Назвал номер машины, сказал, что сможет их опознать... И в ту же ночь пропал. Жена заявила.

— Ну и?..

— Угрозыск занимается. Но пока... — Шмелев развел руками.

— Так Карапетян давал Кирееву или нет?

— Вы же сами видели, Захар Петрович, директор ресторана не назвал ни одной фамилии, не привел ни одного факта. Хотя, по имеющимся данным, он давал взятки начальству ОБХСС, поил и кормил клиентуру Киреева.

— Здорово боится, — заметил я.

— Не то слово! — вздохнул следователь. — Не хотелось бы мне быть на его месте! Ведь что самое страшное — на самом деле никто не может дать ему никакой защиты и гарантии от повторного хулиганского нападения. — Шмелев махнул рукой. — И я сидел как оплеванный.

— Видел, — кивнул я на потухший экран телевизора.

— Что получается, Захар Петрович? Вот пресса шумит о правах обвиняемых, о допуске адвоката к следствию в самом начале... В общем-то правильно ставят вопрос... Но почему газетчики мало говорят о том, что потерпевшие тоже нуждаются в защите? Нужен закон, оберегающий их от вора, насильника, взяточника, рэкетира!

— Согласен с вами полностью, — кивнул я. — Но если бы принятие такого закона зависело от нас!.. Хочется надеяться, что доживем.

— Дай-то бог. — Николай Павлович сложил кассеты, затем извлек из папки еще один документ. — Последний допрос Ларионова. Шестерки Киреева, как сказал Скворцов... Вымогательство взяток у коммерческого директора «Детского мира» оперуполномоченный ОБХСС начисто отрицал. Признал лишь единственный факт — насчет детской дубленки. Да и ту он Кирееву не передавал.

— А для чего взял ее? — удивился я.

— По словам Ларионова, эта дубленка не подошла дочери Киреева по размеру. Ларионов принес ее домой. Жена увидела, говорит, давай, мол, померяем нашей девочке. Оказалось — в самый раз. Ларионова оставили дубленку у себя, а Кирееву отдали за нее деньги... Вот такая история.

— Значит, деньги Киреев все-таки прикарманил, — заметил я.

— Выходит, так.

— Ну что ж, Николай Павлович, дело серьезнее, чем я предполагал, когда поручал вам следствие.

— Серьезней не бывает.

Шмелев протянул мне два документа. Один — постановление на производство обыска на квартире Киреева.

— Вы считаете, не рано, — спросил я, удерживая его.

— Вчера уже было поздно...

Другую бумагу — о взятии начальника южноморского ОБХСС под стражу — я пока не подписал.

— Смотрите, Захар Петрович, как бы не пришлось объявлять розыск. Ведь сбежит! — предупредил Шмелев.

— Вы же знаете мое правило, Николай Павлович, — напомнил я.

— Да, да, да, — спохватился он. — Допросите, прежде чем дать санкцию?

— Непременно. Давайте подумаем, под каким предлогом пригласить Киреева к нам в прокуратуру.

— Повод найдем, — пообещал следователь. — Только обязательно сегодня!

— Готов хоть сейчас.

Но «сейчас» не получилось. Меня срочно вызвали в горком партии. Разговор с начальником городского ОБХСС состоялся только во второй половине дня. После этого я и дал санкцию на его арест.

На Южноморск опустился вечер. Возле ресторана «Воздушный замок» сгрудились с десяток «Жигулей» и «Москвичей». Они приткнулись на обочине дороги, так как платная стоянка не функционировала. На ней лишь одиноко стоял «Вольво» Карапетяна.

Сурен Ованесович вышел из своего заведения в сопровождении метрдолетца Леонида, нагруженного коробками.

— Смотри, Костя, — наставлял его директор, — не забудь завтра подъехать на базу. Поступила импортная посуда. А то уже нечем сервировать столы. С заведующим я договорился.

— Будет сделано, — кивнул Леонид. — Эх, не вовремя уезжаешь, Сурен...

— Всего на два дня. Понимаешь, совсем нервы ни к черту! Съезжу в горы, подышу свежим воздухом...

Они подошли к стоянке. Карапетян сунул ключ в замок, но тот оказался не запертым.

— Странно, — покачал головой директор, распахивая ворота. — Лично сам закрывал...

— Плохо, значит, закрывал.

Карапетян оглядел свою машину — вроде все было в порядке. Открыл дверцу со стороны водителя и бросил связку ключей Косте.

— Ящики — в багажник.

Костя отпер багажник и в ужасе отскочил.

— Долго будешь возиться? — проворчал недовольно директор ресторана.

Славленный крик метрдолетца заставил его выскочить из автомобиля.

— Там... Там!.. — показывал на открытый багажник трясающейся рукой Леонид.

Карапетян заглянул в него и в страхе отпрянул: в прозрачном пластиковом мешке лежал скрюченный человек. Его мертвые глаза смотрели на Сурена Ованесовича. Из ощерившегося рта вываливался почерневший язык, к которому была прикреплена бумажка. На ней крупными печатными буквами было написано: «Так будет с каждым, у кого он длинный!».

Это был сторож Пронин.

— Костя, — охрипшим голосом заорал Карапетян, — срочно звони в милицию!

Тот бросился к ресторану.

Несмотря на поздний час, в четырехкомнатных апартаментах Киреевых везде горел свет. То и дело звонили в дверь, надрывался телефон. Хозяйка квартиры, Зося, полулежала на роскошном кожаном диване в гостиной, заходясь в истерику.

— Гады! — кричала она. — Какое имели право?!

— Зосенька, милая, успокойся, — сидела возле нее главная администраторша Дома моделей Марина Юрьевна Кирсанова.

— Какой позор! — билась о мягкую стенку дивана головой Киреева. — Бросить в каталажку, как последнего блатного! Что он, бандит, убийца?!

— Ну возьми же себя в руки, — уговаривал хозяйку Хинчук, нервно меряя шагами комнату. — Я уверен, Дона выпустят. И очень скоро. Поверь моему слову.

— Выпустят? Черта с два! — кричала убитая горем жена, отпихивая от себя рюмку с успокоительными каплями, которые пытался ей влить в рот адвокат Чураев.

— Выпейте, — умоляюще просил он. — Легче станет. Главное, что Донат Максимович жив и здоров.

— Лучше бы он умер! — гневно бросила супруга. — И я вместе с ним! На черта мне жить!

При этих словах двенадцатилетняя дочь Киреевых, вжавшаяся в кресло, с испуганными глазами, громко расплакалась.

— Настенька, не плачь, золотце ты мое! — бросилась к ней Марина Юрьевна. — Пойдем-ка лучше в твою комнату. — И она увела всхлипывающую девочку, тщательно прикрыв за собой дверь.

Попугай забился под телевизор, в страхе наблюдая за происходящим.

— Годами наживали, а теперь все это отберут! — причитала хозяйка дома, обводя рукой роскошную финскую мебель, ковры на стенах и полу, штучной работы дорожные охотничьи ружья, красующиеся в шкафу за стеклянной дверцей, горы хрустала и серебряной посуды, выставленной на полках стенки, японскую радиоаппаратуру с названиями самых известных фирм.

Позвонили в дверь. Открывать пошел Хинчук и скоро возвратился.

— Геннадий Трофимович... — негромко объявил он.

И уже в комнату солидно вступал отец Зоси. Встревоженный, но при этом величественный, со значительной миной на лице. Геннадий Трофимович Печерский был председателем южноморского горисполкома.

— Наконец-то заявился! — зло бросила ему дочь — А еще тестя называется! Весь город звонит. Волнуется. Люди посторонние переживают. Вот пришли без всякого приглашения. А ты...

— Зосенька, — начал было миролюбиво отец, но она его перебила:

— Кто вчера уверял меня, что Дона пальцем не тронут? Кто?

Геннадий Трофимович растерянно огляделся — присутствующие старались не смотреть ни на него, ни на Зосю, но ему было не по себе: выслушивать упреки при посторонних, пускай даже от родной дочери...

— Пойдем спокойно потолкуем, — предложил отец миролюбиво, направляясь к двери.

— Иди, иди, — тихонько подтолкнула подругу Марина Юрьевна.

Зося повиновалась.

Разговор с отцом состоялся в спальне. Интимный уголок Киреевых был обставлен не менее шикарно, чем гостиная. Спальный гарнитур из карельской березы, во весь пол вьетнамский ковер ручной работы, на стене — текинский. На нем разместились великолепная коллекция старинного кавказского холодного оружия. Ножны кинжалов и шашек были отделаны серебром, узорами, эмалью и полудрагоценными камнями.

На тумбочке у двуспальной кровати стоял телефонный аппарат в стиле ретро.

— Понимаешь, мне твердо обещали замать, — понизив голос сходу начал Геннадий Трофимович.

— Ничего себе — замаяли! — всплеснула руками дочь. — Заманили Дона в областную прокуратуру, надели наручники, бросили в «ворюшок» и — в тюрьму! К уголовникам!

У Зоси вновь хлынули слезы из глаз.

— Ну-ну, — положил ей руку на плечо отец. — Не заводись.

— Посмотреть бы на тебя, если бы к тебе ворвались с обыском! — зло сбросила его руку Зося. — А понятными, знаешь, кто был? Сосед и соседка снизу! Мырма, которая меня ненавидит. О-о! — трагически протянула дочь. — Представляю, с каким злорадством сейчас обсуждает нас весь дом!

— Плюнь ты на соседей, — посоветовал Геннадий Трофимович. — На чужой роток...

— И это говоришь ты! — аж задохнулась Зося. — Ты, мой отец! Как ты мог допустить до такого срама? Мало того, что обшарили везде, так еще вещи описали! Даже это, — она распахнула дверцы платяного шкафа, плотно увешанного одеждой.

— Это уж слишком, — побледнев, охрипшим голосом проговорил отец.

Но дочь, казалось, не слышала его. На нее опять накатил приступ истерики. Сдерживаясь, вешала парадный мундир мужа, она пыталась порвать его. Но ничего не выходило. Тогда Зося сорвала со стены клинок и принялась остервенело кромсать гордость мужа.

— Ты с ума сошла! — бросился к ней отец.

— Не хочу видеть! Не хочу! — повторяла Зося, терзая мундир. — И пусть вся проклятая милиция провалится в тартарары! Вся!

Геннадий Трофимович остолбенело смотрел, как летели на ковер куски материи, погоны, сверкающие пуговицы. Он понял, что дочери нужно выместить на чем-нибудь свою ярость.

И действительно, когда от парадной формы остались одни лоскуты, Зося повалилась ничком на гобеленовое покрывало постели и тихо завывала. Сквозь всхлипывания пробивались лишь отдельные слова:

— Я... я... говорила... Дону... заложат... не связывайся... с-с милицией... Вот... получил...

Отец сел рядом, сложив на коленях руки. Дотрагиваться до дочери он не решался.

— Ладно, мы еще увидим, — погрозил он кому-то.

— Э-эх, молчал бы! — утирая обеими ладонями лицо, поднялась с постели Зося. — Даже этого фанатика, садиста Шмелева, и того не мог отстранить...

— Как? Не убрали? — нахмурился Геннадий Трофимович. — А ведь дали слово...

Киреева смерила отца презрительным взглядом, подошла к двери, приоткрыла ее и крикнула:

— Марина, прошу, принеси газеты.

Через мгновение в дверь протянулась рука с газетой.

— На, полюбуйся! — швырнула Зося его в отца.

Газета распласталась на полу. Геннадий Трофимович поднял ее, пробежал глазами все полосы. Со второй на него глянули три снимка следователя Шмелева: поясной портрет, фотография, изображающая Николая

Павловича дома со своей любимой собакой; и, наконец, в молодости. На последней он, бравый офицер, при орденах, был снят с фронтового товарищем, таким же улыбающимся молодым.

Пространный очерк на весь подвал укрывал заголовок: «Покой нам только снится».

Геннадий Трофимович посмотрел на дату.

— Сегодняшняя, сегодняшняя! — зло проговорила Зося. — Расписали как былинного героя. На всю область расхвалили.

Печерский сморкнул газету, отшвырнул прочь. Его лицо стало каменным, властным. Он решительно снял телефонную трубку, набрал номер.

— Миша?... Да, я... Слушай, хочу сейчас подъехать к тебе. — Он хмуро вздохнул. — Какой преферанс!.. Дело, брат, неотложное... Не телефонный разговор... Еду.

Геннадий Трофимович встал.

— Вот что, — проговорил он голосом, от которого, наверное, трепетали его подчиненные, — прекрати распускать нюни. Не роняй себя перед людьми.

И вышел из комнаты.

[В прокуратуру РСФСР посыпались звонки, что майор Киреев — безгрешен, а неопытный прокурор области — он на своем посту без году неделя — проявил беспринципность и попал под влияние следователя Шмелева. И из Москвы в Южноморск прибыл старший следователь по особо важным делам при прокуратуре РСФСР Игорь Андреевич Чикуров. Прокурор области, понимая, что приезд «важняка» означает недоверие и лично ему, и особенно Шмелеву, был настроен использовать приезд для совместной работы на пользу дела. Но Шмелев был обижен.]

Николай Павлович встретил нас настроенно. Вид у него был неважный. Осунулся, посерел лицом. Еще буквально неделю назад ему никак нельзя было дать его шестидесяти семи лет, а тут сразу превратился в дряхлого старика...

Я представил следователей друг другу. Гость из Москвы был подчеркнута вежлив и поздравил Шмелева.

— С чем? — буркнул Николай Павлович. — Что мне, ветерану, не доверяют?

— Я говорю об очерке, — сказал Игорь Андреевич. — Знаете, прочитать о себе подобное — лично я не надеюсь.

— Эхе-хе, — тяжело вздохнул Шмелев. — Лучше бы не печатали вовсе. Насмешка получается.

— Ну вот что, — как бы не слыша его последних слов, проговорил Чикуров, — дальше будем работать вместе... Мы вот с Захаром Петровичем... — Он глянул на меня и запнулся. — Словом, коней на переправе не меняют. Поташим воз двумя лошадиными силами. Не хватит их — попросим подмогу. Обещали...

Шмелев слабо кивнул. А я-то думал, обрадуется старикан. Впрочем, трудно быть сейчас на его месте.

— Короче, с сегодняшнего дня поступа-

ете под начало Игоря Андреевича, — сказал я, попробовав обратить все в шутовскую форму: — Тем более, он советник, а вы младший советник юстиции.

Николай Павлович даже не улыбнулся, только пожал плечами: мол, если начальство решило, он подчиняется.

— Значит, у нас нынче пятница, так? — по-деловому сказал Игорь Андреевич. — Сегодня и засядем. Буду вникать в дело под вашим началом...

— Простите, Игорь Андреевич, — перебил я его, — почти все допросы сняты на видео.

— Отлично, — обрадовался Чикуров. — Просто здорово! Недаром говорят, лучше раз увидеть... Ну, а уж с понедельника впряжемся.

Я хотел было оставить следователей наедине, но вспомнил о документе, пришедшем из Москвы, — забыл о нем, переживая, как выйти из сложной ситуации со Шмелевым.

— Игорь Андреевич, — сказал я, — вы vezучий. Не успели ступить на южноморскую землю, как поступило одно письмо. Думаю, это подарок для следствия.

— Подарок? — вскинул брови Чикуров.

В глазах Шмелева тоже промелькнуло любопытство.

Я позвонил секретарю, чтобы она взяла на моем столе письмо с сопроводителькой Прокуратуры Союза и принесла в кабинет Шмелева.

— Знаете, чье послание? — обратился я к Николаю Павловичу. — Скворцова.

— А кто это? — полюбопытствовал Игорь Андреевич.

— Коммерческий директор нашего «Детского мира», — пояснил Шмелев и коротко рассказал, что именно с его показаний началось дело Киреева.

— Посидел Скворцов в следственном изоляторе и написал Генеральному прокурору, — продолжал я. — Приглашает его на свидание. Обещает вывести на чистую воду всю южноморскую мафию.

— Так и назвал — мафия? — спросил Николай Павлович, качая головой.

— Да, именно так, — подтвердил я. В это время как раз подоспела Ольга с письмом. — Да вы прочтите сами.

Первым ознакомился с посланием Скворцова Шмелев, а потом уж передал Чикурову.

— Та-ак, — протянул тот, возвращая документ. — Значит, ждет в гости самого Генерального. Только ему откроется...

— Надо объяснить Скворцову, что приезд Генерального нереален, — сказал я. — Пусть считает нас его доверенным лицом. Ну а если Скворцов не захочет излить свою душу мне и Николаю Павловичу...

— Почему не захочет? — перебил Чикуров.

— А вдруг заподозрит в принадлежности к этой самой мафии? — пояснил я и продолжил: — Так вот, в таком случае вам он вроде должен доверять. Как представителю Москвы.

Игорь Андреевич кивнул.

— Знаете что? — кисло проговорил Шмелев. — Увольте-ка меня от встречи со Скворцовым. Я уже допрашивал его. Не раз и не два. Честно говоря, больше желанья нету.

— А я предлагаю устроить перекрестный допрос нам всем, — сказал я, потому что щепетильность Николая Павловича показалась мне в данной ситуации неуместной. — Если же разговора не получится, тогда Чикурову карты в руки.

— Правильно, — поддержал меня Игорь Андреевич. — Прямо в понедельник и допросим.

И пятницу, и весь субботний день Чикуров и Шмелев трудились не покладая рук. Были прочитаны все протоколы и запросы, просмотрены все видеозаписи по делу Киреева. Засиделись в прокуратуре допоздна.

Материалы следствия почти не обсуждали. Николай Павлович держался сухо, подчеркнуто официально. Как показалось Игорю Андреевичу, несколько остраненно. Мол, вот документы, факты, а выводы делайте сами. Чикурову так и не удалось преодолеть преграду, которая стояла между ним и Шмелевым. Неужели столь велика обида Николая Павловича, подумал Чикуров, что не переступит через нее collega ради общего дела?

Впрочем, в старости у человека нет иллюзий. Он не желает расставаться со своими убеждениями. Что вбил себе в голову — на том стоит незыблемо. По-человечески Игорь Андреевич сочувствовал пожилому коллеге и не лез к нему в душу, надеясь, что в будущем найдет способ наладить отношения.

Вышли на воздух с удовольствием: окна кабинета, где они работали, выходили на служебный двор, залитый асфальтом, излучающим дневную духоту.

По случаю выходного дня улицы были многолюдны. Пестрая толпа курортников, вечерние огни, подсвечивающие торжественные кипарисы, экзотические пальмы и криптомерин создавали впечатление праздника.

— Вам куда? — спросил Игорь Андреевич, когда они дошли до перекрестка.

— Забегу в парикмахерскую, — сказал Шмелев. — Зарос. Это молодым можно ходить лохматым.

— Вы знаете, я, между прочим, тоже не прочь подстричься.

И впрямь Чикурову не мешало привести в порядок шевелюру — совсем запустил в Архангельске, а в Москве так и не успел.

— Могу порекомендовать хорошего мастера, — предложил Шмелев. — Думаю, не пожалеете.

Они свернули с оживленного проспекта и минут через десять очутились на тихой зеленой улице. Заведение, куда привел Чикурова Шмелев, называлось «Аполлон». Когда они открыли дверь в салон мужской красоты, раздался мелодичный звон колокольчика. И тут же в крохотном фойе

показалась миловидная женщина в белоснежном халате. Она встретила Николая Павловича, как старого знакомого. Он пошел стричься первым, так как спешил домой выгулять и накормить собаку. А Игорь Андреевич огляделся. На столике были разложены брошюры и листочки с расценками и советами, как сохранить свежесть, молодость и приятный цвет лица. Чикуров устроился в удобном кресле и стал смотреть веселый мультик по видео. Четверть часа, необходимых для того, чтобы хозяйка салона обслужила Шмелева, пролетели незаметно.

Николай Павлович вышел аккуратно подстриженный, надушенный.

— Теперь ваша очередь, — сказал он Чикурову.

— Прошу, — любезно пригласила Игоря Андреевича парикмахерша.

Он попросился со Шмелевым. Тот коротко ответил:

— До понедельника.

Когда Игорь Андреевич уселся во вращающееся кресло перед зеркалом, мастер спросила, что он желает.

— Приведите меня в божеский вид. Подстригите покороче. Полагаюсь на ваш вкус.

Заведение было идеально чистое, уютное, даже не без претензий на роскошь. Все свежее: полотенце, простыни, салфетки...

— Наверное, Южноморск выглядит после Москвы захолустом? — неожиданно спросила парикмахерша, священнодействуя ножницами.

— Напротив, — ответил Чикуров, удивляясь, откуда она знает, что он из столицы. — Москва по вечерам просто вымирает. А у вас — как на карнавале.

— Я имею в виду ритм жизни, — уточнила хозяйка салона.

— Простите, откуда вы знаете, что я из Москвы? — поинтересовался Чикуров.

— Николай Павлович сказал, — просто сказала она.

Чикурову показалось странным, зачем Шмелев рекламирует его пребывание в Южноморске. Может быть, сделал это из лучших побуждений, чтобы хорошо обслужили?..

Хозяйка заведения назвала себя. И как бы между прочим спросила:

— Неужто в нашем городе может стрястись что-нибудь серьезное?..

— В каком смысле?

— Ну, ваш приезд... Вы ведь следователь по каким-то важным делам?

— Начальство послало на юг вроде поощрения, — с улыбкой ответил Игорь Андреевич, которому еще больше не понравилось, что Савельева знает его должность, и которому решительно не хотелось говорить о чем-либо, касающемся работы.

— У нас отличные пляжи, — не стала углубляться в это и Савельева.

— Пляжи? — поморщился Чикуров. — Нет, это не для меня. Столпотворение, суета... Уж лучше поплавать где-нибудь в

тихом местечке, чтобы никого не было рядом.

— Могу посоветовать такое. Хотите? — спросила Капитолина Алексеевна и на утвердительный кивок клиента пояснила: — Садитесь на шестой автобус и езжайте до конца. Пройдите с километр по ходу движения автобуса. Увидите мостик. Затем сверните к морю. Будет то, что вам надо...

Игорь Андреевич поблагодарил за информацию.

— Рекомендую ехать с утра. Ультрафиолет... — Савельева улыбнулась. — Загар вам пойдет. И поверьте косметологу, оздоровит кожу. А чтобы не было нежелательных последствий, я дам вам отличный крем.

— Буду весьма благодарен... Сколько с меня?

Парикмахерша уже наводила последние штрихи на его прическу:

— Три сорок. Включая крем для загара...

Он расплатился, последний раз глянул в зеркало — работа мастера была отличной — увидела бы сейчас его Надежда!

— Вы у меня сегодня последний клиент, — сказала Капитолина Алексеевна, снимая халат.

Вышли вместе. Оказалось, по пути. Улица совсем обезлюдела. Они продолжали болтать о всякой всячине.

Чикуров обратил внимание, что по тротуару через дорогу, чуть поотстав, в их направлении следовал высокий мужчина. Поведение его показалось следователю странным, он словно наблюдал за ним и парикмахершей. Но при этом старался быть незамеченным. Однако это старание его и выдавало. Чтобы проверить свою догадку, Игорь Андреевич специально замедлял шаг и даже несколько раз приостановился. Незнакомец прodelывал то же самое, прятался за кусты.

Сомнений у Чикурова не осталось.

— Не возьму в толк, — спокойно обратился он к своей спутнице, — нас преследуют или это почетный эскорт?

— Где, кто? — завертела головой Савельева.

— На противоположной стороне. — кивнул назад Чикуров.

— Неужто? — удивилась Капитолина Алексеевна, бросая взгляд в ту сторону. — Может, просто показалось?

Преследователя действительно уже не было видно. Наверное, притаился за одним из деревьев.

— Вам померещилось, — на этот раз убежденно произнесла Савельева.

Бухточка была славная. Мягкий, как шелк, песок, огромные валуны, напоминавшие разбредшихся по берегу слонов, спокойное море и, что особенно ценно, ни души вокруг.

Чикуров наслаждался отдыхом и одиночеством. Он решил провести на лоне природы по возможности целый день, а потому запасся на рынке виноградом, помидорами, прихватив также лаваш, купленный

еще теплым в кооперативной пекарне, но самым лакомым трофеем был арбуз. Про давец заверил, что товар у него первый сорт. И дабы покупатель в этом не усомнился, вырезал темно-красную ячеистую пирамидку.

Как только Игорь Андреевич добрался до рекомендованного Савельевой места, тут же умял пол-арбуза. Слаще не едал в жизни. Потом с полным животом целый час валялся на песке, нежась под нежарким солнцем.

Время летело незаметно. Игорь Андреевич сделал несколько набросков облюбованной им бухты.

«Нет, не Айвазовский», — отметил про себя Чикуров.

Он снова искупался, выжал плавки, положил сушить на камень, а сам лег загорать.

И тут появился еще один человек, облюбовавший этот уютный уголок побережья. Девушка. Изящная, стройная, в маске, ластах и с ружьем для подводной охоты, она вышла, как Афродита, из пены морской. Игорь Андреевич спешно натянул плавки.

Новоявленная Афродита, сняв подводные доспехи, изобразила досаду на лице.

— Я тоже здесь всегда загораю одна, — сказала девушка.

— Извините, не знал, что это ваше место, — стал собирать свои вещи Игорь Андреевич.

— Да что вы! — поспешно произнесла девушка. — Я ведь этот пляж не купила. И раз уж мы оказались вместе, давайте знакомиться... Эвника...

— Игорь Андреевич, — назвал себя Чикуров и предложил: — Может, арбуз? Боржоми?

— Минералку с удовольствием.

Чикуров налил девушке воды.

Слово за слово — разговорились. Девушка была из местных, работала в Доме моделей манекенщицей. Игорь Андреевич о себе ответил уклончиво. И снова взялся за фломастер.

— Вы профессионал? — спросила Эвника, наблюдая за ним.

— Любитель.

— Маринист?

— Почему вы так решили? Меня привлекает все прекрасное. — Он оглядел точеную фигурку девушки. — С удовольствием нарисовал бы вас. Давно мечтал о такой натуре. Жену просил позировать, — Чикуров улыбнулся. — Между прочим, она тоже когда-то была манекенщицей... Но формы, как вы сами понимаете, уже не те. Возраст, ребенок...

— Я не против, — согласилась Эвника.

Рисунок девушке понравился настолько, что она попросила подарить с автографом художника. Что Игорь Андреевич и сделал. Эвника пришла в восторг и сказала, что не знает, как его благодарить.

— В качестве платы за портрет разрешите воспользоваться вашими подводными прищипками, — сказал Игорь Андреевич.

— Ради бога! Вода сегодня прозрачная как стекло.

Чикуров надел маску, ласты, взял ружье и зашел в море. Нырнул он, отплыв на порядочное расстояние от берега. В поле его зрения попала рыбешка красивой раскраски. Синевато-золотистые бока ее переливались под солнцем, стройное изящное тело напоминало маленькую торпеду.

« Так это же скумбрия! » — догадался Чикуров, поражаясь тому, как царственно-красочно выглядела она в своей стихии.

На него напал охотничий азарт. Чикуров направил на маленькое чудо свое смертоносное оружие, но скумбрия инстинктивно почуяла опасность и метнулась в сторону. Игорь Андреевич рванулся за ней, но вдруг что-то сильно ударило в его ружье. От неожиданности он выпустил его из рук, и ружье опустилось на дно.

Чикуров крутанулся вокруг оси. Метрах в десяти от него повисла в воде фигура человека в маске, ластах и с аквалангом за спиной. Не успел Игорь Андреевич что-

либо сообразить, как возле самой его головы пронеслась металлическая стрела, ударилась о подводный камень и, отскочив, царапнула по щеке. Игорь Андреевич в испуге шарахнулся в сторону.

« За мной охотятся, как за той рыбешкой! » — с ужасом подумал он.

Следователь нырнул за ружьем, устремился вверх. Море вокруг было безмятежным. Но именно это спокойствие тревожило Чикурова. Опасность, находившаяся в глубине в виде стремительно скользящих стрел, все еще была реальностью. Будет ли еще одно нападение? То, что оно могло произойти, заставило его поспешно устремиться к берегу.

Почувствовал он себя в безопасности только тогда, когда выскочил из воды...

В понедельник на работу я прибыл чуть позже обычного и застал в своей приемной поджидавшего меня московского следователя. За три дня пребывания у нас Чикуров успел загореть, посвежело лицо. О чем я ему тут же и сказал.

— На меня прекрасно действует море, — улыбнулся Игорь Андреевич. — Горы, солнце...

— И женщины, — добавил я тоже с улыбкой.

— Совершенно верно, — кивнул москвич. — Своим преображением я обязан женщине. — Великолепному мастеру из салона мужской красоты. Как ее... — щелкнул пальцами Чикуров.

— Капитолина Алексевна? — угадал я.

— Точно, она самая. Сервис, скажу я вам, какого в столице нет, — восхищенно проговорил Игорь Андреевич. — Скостила лет пяток мне своими волшебными руками.

— Вам повезло. Попасть к Савельевой можно только по большой протекции.

— Да? — удивился Чикуров. — Значит, она меня приняла по рекомендации Шмелева... Что ж, мастер она экстра-класса.

— Судя по вашей щеке, дала промашку, — заметил я на лице Чикурова царапину.

— Это не ее промашка, — покачал головой следователь. Он хотел, видимо, пояснить, но в кабинет заглянул Шмелев.

— Разрешите?

— Да-да, — откликнулся я. — Проходите, Николай Павлович.

Мы поздоровались с ним.

— Ну, вся команда в сборе, можно отправляться на свидание со Скворцовым, — энергично потер руки Чикуров.

— Свидания не будет, — мрачно проговорил Шмелев.

— Как? — вырвалось у нас одновременно с Игорем Андреевичем.

— Скворцов скончался от инфаркта, — глухо сказал Николай Павлович. — Вчера около полудня.

Эта весть настолько нас ошеломила, что мы с Чикуровым некоторое время не знали, что и сказать.

Первым пришел в себя Чикуров.

— Вчера, около часу? А почему не сообщили сразу? — резким тоном спросил он.

— Почему я узнаю об этом только сейчас? Шмелев поблдедел.

— Простите, Игорь Андреевич, — стараясь быть спокойным, но, видимо, еле сдерживаясь, ответил он. — Лично я не позволяю себе кричать даже на своего Дика. И повышать на меня голос тоже не позволю.

— Извините, — сухо произнес Чикуров. — Но вы были обязаны поставить меня в известность немедленно.

— Если бы вы сообщили координаты дежурной в гостинице, в каком именно месте будете загорать, — отпарировал Николай Павлович.

Игорь Андреевич, как мне показалось, несколько смутился и уже более ровным голосом спросил:

— Как это случилось?

— В субботу Скворцов пожаловался на сердце. У него, оказывается, запущенная стенокардия. Вызвали врача, дали лекарство. Вроде бы отпустило. А в воскресенье, когда принесли есть, он лежал без движения в камере. Прибежал врач, но ему оставалось только одно — констатировать смерть.

— От чего? — вступил в разговор я.

— Обширный инфаркт.

— Когда вскрытие? — спросил Чикуров.

— Родственники попросили передать им тело покойного, не вскрывая, — сказал Николай Павлович.

— Почему? — вскинул брови Игорь Андреевич.

— По религиозным соображениям.

— И вы дали на это согласие?

— Нет, не дал, — с некоторым вызовом произнес Шмелев. — Может, я много взял на себя, но отыскать вас не представилось возможным. Если вы считаете мое решение ошибочным...

— Что уж теперь говорить, — вздохнул Чикуров.

Я чувствовал, что он не хочет обострять и без того нелегко складывающиеся отношения с Николаем Павловичем.

— Как это все некстати! — сокрушался московский следователь. — Показания Скворцова могли очень много значить для дальнейшего расследования.

— Если хотите знать мое мнение, то его послание в Москву — трюк. И вообще он большой артист. Был... — сказал Шмелев.

— Знаете что, Николай Павлович, нужно составить письмо в следственный изолятор с просьбой содержать Ларионова в отдельной камере.

— Хорошо, — кивнул Шмелев.

— Хотя бы временно. Пока я разберусь что к чему. А то чего доброго... — Игорь Андреевич не договорил. Было видно, что смерть Скворцова здорово выбила его из колеи.

— Откуда у нас такое недоверие друг к другу? — тяжело вздохнул Николай Павлович. — Неужели профессия деформирует?

— Что вы имеете в виду конкретно? — посмотрел на него Чикуров, вероятно, задетый этим замечанием.

— Я говорю вообще. — Шмелев поглядел

в окно. — И не только о нашем братце Десятилетиями в нас воспитывали, я бы даже сказал, пестовали подозрительность. Она стала нашей второй натурой. Государство само ее насаждает. Врач, и тот вынужден не доверять больному. Видит, что человек ни за что не встанет с постели и через две недели, а бюллетень больше, чем на шесть дней, выписать не имеет права! А еще считаем себя самым гуманным обществом в мире! Но вот почему-то в Швеции просто занемогший служащий сообщает об этом на работу, и ни у кого даже не возникает мысль усомниться в его словах. По закону он может до девяти—десяти! — дней находиться дома и получать за это время пособие. Без всяких справок...

— Да-а, уж что-то, а проверять мы научились, — поддержал я Николая Павловича.

— Пора бы научиться и доверять, — буркнул он.

Нашу беседу прервал приход Гуркова. Мой заместитель напомнил, что нас с ним ждали в облисполкоме.

(Когда Чикуров начал вновь допрашивать Ларионова, тот отказался от предварительных показаний. Следователь отправился на встречу с директором «Воздушного замка», на горной дороге мощный самосвал подрезал путь его «Волге». Чудом остались живы и водитель, и сам Игорь Андреевич. Директор ресторана при встрече тоже отказался от своих показаний, объяснив их болезненным состоянием в тот день, и даже предъявил справку. А вскоре по возвращении в гостиницу Чикурову сообщают, что попал в автокатастрофу Агеев, директор магазина «Дары юга».)

Николай Павлович Шмелев зашел ко мне со свертком в руках, какой-то торжественный и грустный.

— По личному делу, разрешите?

— Пожалуйста, присаживайтесь.

Шмелев развернул газету и, словно драгоценность, положил передо мной книжку в самодельном переплете.

— Никогда не делал подарки начальству, — произнес он смущенно, — но вам теперь можно...

Я не знал, как себя вести. Уж больно Николай Павлович вел себя необычно. Книга была старинная, с ятями. Герцен, Лондонское издание.

— Это же редкость, — сказал я. — Нет-нет, не могу принять.

— У меня еще один экземпляр. Не обижайте старика. Я знаю, что вы любите умные книги.

— А вы?

— Я истинный книголюб. В том смысле, что для меня важнее сам раритет, чем то, что в нем написано. И давно уже убедился: мудрость великих никому не учит и не имеет к жизни никакого отношения.

— Разочаровались?

— Пожалуй, и не очаровывался... Разрешите перейти к делу?

— Слушаю, Николай Павлович.

— Две просьбы. Одна — дайте три дня отпуска без содержания. В Москву нужно, на свадьбу...

— Уж не надоела ли холостяцкая жизнь? — подтрунил я над ним.

— Господь с вами! — отмахнулся Шмелев. — Внучка замуж собралась. Только закончила медицинский и вот вчера ошарашила. Спрашиваю, что так скоропалительно? Оказывается, ее избранник — дипломат, а неженатиков для заграничной работы не оформляют... Отпустите?

— Раз такое дело...

Он протянул мне заявление, и я поставил разрешительную резолюцию.

— Ну, а вторая просьба? Небось тоже отпуск, внеочередной?

— Бессрочный. Решил на пенсию. — Он протянул мне еще одно заявление.

— По-моему, спешите, Николай Павлович. Вот закончите дело Киреева...

— Нет-нет, — поспешно сказал Шмелев. — Так мне дадут прокурорскую пенсию, а это, сами знаете, сто шестьдесят рэ. Ну, а если выгонят — всего сто двадцать плюс позор на всю оставшуюся жизнь.

— Что так мрачно? — удивился. — Не верите в свои силы?

— При чем здесь силы? Ни одно мое дело не послышало на следствие. Никогда! И оправдательных приговоров по ним не было... Киреевское тоже шло нормально. А как приехал московский важняк — дело на глазах разваливается. Свидетели гибнут один за другим... Вот и Агеев...

— Как? — вырвалось у меня. — Скончался?

— Да. В больнице, не приходя в сознание. Если считать и его шофера, Сулова, выходит, еще двух потеряли. А вчера, представляете, допрашивал шашлычника. По оперативным данным, он буквально озолотил Киреева... Да, говорит, давал, но попробуйте доказать! Прямо в лицо смеется. Впервые почувствовал, что у меня нервы не выдерживают. Отработался, значит. Прокру от меня уже не будет.

— Конечно, вы имеете право, — сказал я невесело. — И так переходили семь лет. И все же я воздержусь от решения до вашего возвращения из Москвы.

— Бесполезно, — твердо сказал Шмелев.

Я знал, что свое решение он не перемнит.

— Чикуров где?

— У себя. Мрачнее тучи. Зачем-то еще раз ездил на место аварии машины Агеева. — Скажите Игорю Андреевичу, что ко мне заглядывал спецкор московской газеты. — Я заглянул в свои записи. — Мелковский Рэм Николаевич. Хочет встретиться с Чикуровым и с вами завтра, в три часа дня.

— Слава богу, я буду уже в воздухе, — поднялся Шмелев. — Можно идти?

— Да-да, идите и счастливого вам пути.

— Спасибо, Захар Петрович. А Чикурову я скажу насчет корреспондента.

Рэм Николаевич Мелковский появился в кабинете Чикурова в назначенный час.

— Редакция послала меня проверить письма и жалобы в отношении дела Киреева.

— И каковы ваши впечатления?

— Не скрою, не очень благоприятные для следствия. Однако я не спешу с выводами. Пока — одни эмоции. Я же всегда стою на позициях права: факты и ничего кроме фактов. Надеюсь, что вы мне поможете...

— В чем?

— Объективно осветить в газете создавшуюся ситуацию. Но для этого мне надо ознакомиться с материалами предварительного следствия. Думаю, что мои полномочия не вызывают сомнений.

— У меня всегда один принцип: пока идет следствие, никакой информации для прессы.

— Поверьте, это в ваших же интересах, — сделал еще одну попытку склонить следователя к согласию Мелковский.

— Вы печтаетесь под рубрикой «Мораль и право». Но ни с тем, ни с другим ваша просьба не согласуется, поймите.

— Могу доказать обратное! — горячо возразил журналист.

— Зачем напрасно тратить время?

— Очень жаль, что вы остаетесь непримиримым противником печати. Прямо какая-то фобия.

— У меня, извините, дел невпроворот, — сказал Чикуров.

— И все же парочку минут я у вас еще отниму, если не возражаете.

— Конкретно по делу? — спросил следователь.

— Нет-нет! Разговор из области морали.

Мелковский открыл щегольский кейс, извлек из него фотографию большого размера и передал следователю.

Это был снимок чикуровского рисунка. Того самого, изображающего обнаженную Эвнику на берегу моря.

— Смотри-ка, мои скромные живописные упражнения имеют успех, — усмехнулся Игорь Андреевич. — Даже не поленились переснять.

— Значит, не отрицаете, что вы рисовали? — уточнил журналист.

— Не отрицаю. Сам подарил оригиналу, — спокойно сказал Чикуров.

— Удивляюсь вам, — покачал головой Мелковский. — Даже не знаю, что это: беспечность, освобождение от нравственных устоев?

Он достал еще две фотографии. На одной Чикуров стоял голым на пляже. Рядом с ним — Эвника в очень смелом купальнике. На песке — арбуз, фрукты, бутылка «Цици-нандали». Другой снимок запечатлел тот момент, когда девушка целовала следователя в щеку...

— Постойте! — вырвалось у Чикурова.

Но Мелковский не дал ему договорить, продемонстрировав надорванный конверт.

— Это еще не все, — сказал он торжественно. — В этом письме подробно описаны ваши похождения в Южноморске в разгар бархатного сезона.

— Кто.. Кто?... — теряя самообладание, прохрипел Игорь Андреевич.

— Жених доверчивой девушки, которую вы пытались соблазнить, — холодно ответил Мелковский.

Чикуров справился с собой.

— Шантаж!

— Ну зачем же шантаж, уважаемый Игорь Андреевич, — складывая в кейс фотографии и письмо, сурово ответил журналист. — Штрихи к вашему облику. — Он поднялся. И высокомерно кивнув на прощание, покинул помещение.

Тот день начинался обычно. Я пришел на службу, мой секретарь Оля принесла почту и газеты. Не успел я их разобрать, как раздался телефонный звонок. Незнакомый мужчина грубо прокричал:

— Ну что, получил? И до тебя добрались!..

Позвонивший бросил трубку.

Мне и раньше приходилось выслушивать подобные слова от анонимных «доброжелателей» — служба такая. Многие свое озлобление, несогласие с законом переносят на нашего брата, работников правоохранительных органов. Поэтому поначалу не придавал звонку никакого значения. Но сразу же позвонила жена.

— Захар, неужели ты это так оставишь? — взволнованно спросила Галина.

— О чем ты? — не понял я.

— Господи, неужели еще не читал? — Она назвала газету. — Прочитаешь, позвони...

Когда я принялся читать статью Мелковского «Произвол», глаза полезли на лоб: что ни абзац, то целенаправленный выпад против Чикурова и меня. Журналист не церемонился — перевирал факты, как ему было угодно. Даже нашу беседу с ним извратил.

В то утро мой телефон, обычно звонивший непрерывно, молчал. Словно его отключили. Где-то через час позвонили кое-кто из самых близких друзей, чтобы выразить свое возмущение статьей. Из официальных лиц никто меня не беспокоил. Смелости набрался лишь генерал Рунов.

— Ну и щелкопер этот Мелковский! — с трудом совладав с одышкой, сказал начальник УВД области. — Представляешь, сидел у меня полтора часа, но даже не удосужился вставить словечко из нашей беседы.

— Интересно, почему?

— Да потому, что это шло бы вразрез с тем, что он накропал! Словом, Захар Петрович, мое мнение таково: статья не объективная. Хуже того, все перевернуто с ног на голову.

Не успели мы закончить, как зашел Чикуров. По его виду сразу было понятно — в курсе.

— Расстаемся, Захар Петрович, — неожиданно произнес Игорь Андреевич. — Начальство срочно отзывает.

— Когда вернетесь? Ведь только по-настоящему зацепились...

— Из-за этого и шарахнули по нам, — горько усмехнулся Чикуров. — Но это лишь артподготовка. Настоящая атака впереди.

— Вы думаете?

— Игра, по-моему, очень серьезная. — Он помолчал и добавил: — Слишком серьезная. Мелковский, в сущности, пешка, но за ним мощные силы... Так что, когда увидимся, сказать трудно.

У него был через два часа самолет, и мы попрощались. Тепло, как товарищи по несчастью.

Однако встретились мы довольно скоро. Через три дня меня вызвали в Москву на коллегию Прокуратуры РСФСР.

Я пришел в здание на Кузнецком мосту в ясный осенний день. Нас с Чикуровым изрядно помариновали, прежде чем пригласить на «ковер». Коллегию проводил заместитель прокурора республики Шаламов. Мы с Игорем Андреевичем сели рядышком. Большинство присутствующих я хорошо знал. Но они старались на нас не смотреть. Лишь один член коллегии, старейший работник прокуратуры Шеремет, приветливо кивнул мне своей крупной седой головой.

— Итак, товарищи, перейдем к следующему вопросу, — бесстрастно провозгласил Шаламов. — Думаю, нет надобности знакомить вас с содержанием статьи Рэма Мелковского «Произвол», — он оглядел зал.

С места раздалось: «Нет, все ясно», «Читали»...

Подождав, пока смолкнут реплики, председательствующий сказал:

— Ну, тогда перейдем к существу вопроса. Предоставим слово помощнику прокурора республики Юрию Дмитриевичу Зубкову. Работник он опытный, дело изучил досконально. Прошу, Юрий Дмитриевич, доложите.

Зубкова я почти не знал. В центральном аппарате прокуратуры республики он был человек новый. Сравнительно молодой — лет сорок. В петлицах — три звезды старшего советника юстиции.

— Да, дело я проштудировал самым тщательным образом, — поднялся со своего места Зубков. — Что можно сказать? Газета права. К сожалению. Почему я говорю «к сожалению»? Потому что факты, изложенные в статье, должны были вскрыть и пресечь мы, а не пресса... Взять арест Киреева. Здесь прокурор области, мягко говоря, поторопился. А поведение Чикурова? Для чего его посылали в Южноморск?

— Посылали разобратся, а он... — бросил недовольную реплику Шаламов.

— На девиц молодых потянуло, — подсказал один из членов коллегии. — Красно-

вался на пляже среди бела дня голый да еще с вином...

— В бутылке был яблочный сок! — не сдержавшись, крикнул Игорь Андреевич.

— На фотографии — «Цинандали». — Председательствующий продемонстрировал всем уже известные фотографии.

Я их видел впервые и удивился, как это Чикуров позволил снимать себя в таком виде. Он же, вскочив с места, взорвался:

— Это провокация! Чистейшей воды!

Я испугался за него — не наломал бы в запальчивости дров — и незаметно дернул за пиджак. Чикуров опустился на стул, покрывшись красными пятнами.

— Допустим, — строго продолжал Шаламов. — Тогда объясните членам коллегии, этично ли рисовать незнакомую девушку в таком виде? — он поднял над собой переснятый рисунок следователя. — Причем чужую невесту.

— Ну, во-первых Рембрандт... — начал было Чикуров, но председательствующий перебил его:

— Во-первых, Игорь Андреевич, вы не Рембрандт, — под шум присутствующих усмехнулся он, — а следователь. Со всеми вытекающими отсюда нормами поведения. А во-вторых, у вас есть жена и маленький ребенок...

— Но ведь я все изложил в объяснительной записке, — с отчаянием проговорил Чикуров. — По-моему, куда важнее выяснить другое: для чего Снежкову нужно было стрелять эти фотографии? Неужели не ясно, что делалось это с определенными намерениями?

Мне казалось, что заявление следователя прозвучало гласом вопиющего в пустыне.

— Снежков — жених этой девушки. Жених! В его письме убедительно объяснены мотивы действий, — отпаривал Шаламов и обратился к Зубкову: — Юрий Дмитриевич, скажите, в ходе предварительного следствия собрано достаточно доказательств, чтобы считать вину Киреева установленной?

— Доказательства строились исключительно на показаниях свидетелей, — пояснил помощник прокурора республики. — Но потом все они отказались от своих показаний. Других убедительных фактов нет.

Шаламов постучал карандашом по столешнице, бросив на него недовольный взгляд.

— Но ведь следствие далеко еще не закончено! — выкрикнул Игорь Андреевич.

— У вас было достаточно времени разобраться. А держать под стражей человека, чья вина не доказана!... Я считаю, с такой практикой надо решительно кончать.

Он деловито отыскал среди бумаг перед собой какой-то документ и протянул председателю.

— Я подготовил постановление о прекращении дела в отношении Киреева и освобождения его из-под стражи.

Я не поверил своим ушам.

— Ну что ж, — взял постановление Шаламов, — готов прямо сейчас утвердить. А в отношении работника южноморского ОБХСС? Старшего оперуполномоченного?

— Ларионова? — подсказал помощник прокурора республики. — Шаламов кивнул. — У него один эпизод, с дубленкой. Ларионов действительно взял ее себе, и это доказано.

— Значит, можно направлять дело в суд? — спросил председательствующий.

— Да, — ответил Зубков. — Я подготовил соответствующее указание.

Я снова посмотрел на Чикурова. Он лишь чуть качнул головой, с трудом подавив вздох.

— Итак, с этим делом ясно, — заключил Шаламов.

— Не совсем, — раздался негромкий голос Шеремета, который потонул в гуле, поднявшемся в зале.

— Чего мусолить! — заявил кто-то.

Его поддержали другие члены коллегии. Председательствующий подождал, пока утихнет шум и сказал:

— Есть предложение: с учетом тяжести совершенного, за грубое нарушение социалистической законности, а также принимая во внимание мнение местных инстанций, просить Генерального прокурора СССР освободить Измайлова Захара Петровича от занимаемой должности и отчислить из органов прокуратуры.

— В отношении товарища Чикурова... — после короткой паузы ровным голосом продолжал Шаламов. — Его тоже следовало бы уволить. Но, учитывая безупречную прежнюю службу и мнение коллектива следственной части, где он проработал много лет и был членом партбюро, можно ограничиться понижением в должности. — Председательствующий несколько смягчил свой тон. — Да и ребеночек у него маленький... Направим на работу в один из районов. И последнее — Шмелев. Он, слава богу, ушел на пенсию. Видимо, почувствовал... — Шаламов вздохнул. — Пусть отдыхает... Как, товарищи?

— Чего уж теперь трепать старика, — заметил кто-то.

— Подготовьте приказ, — повернулся Шаламов к Зубкову. — И обстоятельный ответ в редакцию газеты. А перед товарищем Киреевым придется извиниться.

Зампрокурора республики поддержал. Лишь один Шеремет что-то невнятно пробурчал в знак несогласия. Но Шаламов даже не дал ему говорить.

[Измайлов после совещания в Прокуратуре РСФСР отправился в газету, чтобы объясниться с Мелковским. Однако тот разговаривать с бывшим прокурором не захотел, с издевкой предложил ему подать в суд на автора и газету.

Не успел Измайлов выйти из редакции на улицу, как тут же, на скамейке, его разбил тяжелейший инфаркт. Только по выздоровлении он подал в суд, но, увы, проиграл дело.]

(Продолжение следует)

МАСТЕРСТВО
ИСКУССТВО
И ОРУЖИЕ

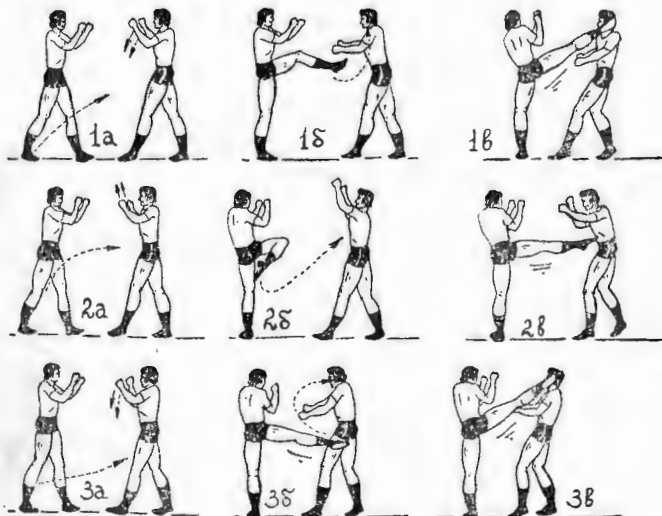
УРОКИ ДАЕТ ТРЕНЕР-МЕТОДИСТ МАКСИМ ГЛАДКОВ

Один из основных разделов общей физической подготовки — тактическая подготовка. Как известно, для успешного ведения боя одного лишь виртуозного владения техникой недостаточно, ибо любой прием должен быть выполнен не только грамотно, но и своевременно. А именно — в тот самый момент, когда противник не в состоянии эффективно противостоять его проведению. Таким образом, главная задача поединка — создать, навязать противнику условия, неблагоприятные для выполнения атакующих и защитных действий. Самому же выбрать удобное положение для успешной и решительной атаки.

Способов достижения этой цели немало. Вот некоторые:

1). **Использование недостатков в технических действиях противника.** Если он ведет бой, широко расставив локти, — вы можете довольно успешно атаковать его в корпус. Противник работает в линейной стойке, сильно повернувшись боком, — вы можете легко вывести его из равновесия, применяя подсечки и удары по ногам. Противник медленно опускает ногу на пол после удара — вы можете войти в ближний бой и провести подсечку или бросок.

2). **Использование недостатков в психологической подготовке соперника.** Если противник психологически подавлен, это дает возможности для быстрой и решительной атаки. Противник чрезмерно агрессивен — тоже хорошо, значит, вы можете обманными действиями заставить его перейти в неконтролируемую атаку и выбрать удобный момент для

контратаки. Противник проявляет неадекватную вашим действиям реакцию, например, судорожно опускает обе руки, защищая корпус, или резко отбегает назад при любом вашем, даже незначительном перемещении вперед — смело применяйте обманные действия и наносите решающий удар.

3). Использование недостатков в физической подготовке противника. Если соперник недостаточно вынослив — вы можете прибегнуть к помощи изматывающих действий с последующей контратакой в момент его усталости. Противник не обладает хорошей реакцией — наносите быстрые, «жалящие» удары. Противник недостаточно силен — используйте подавляющие действия, нанося длинные серии мощных ударов.

Безусловно, многое из того, о чем мы сегодня говорили, относится к спортивному поединку. Реальная боевая ситуация чаще всего не оставляет времени для серьезной разведки противника. В этой связи — несколько полезных с точки зрения тактики правил:

— бой следует строить, что называется, от простого — к сложному. Не переходите к сложным техническим действиям, не опробовав менее рискованных, простых;

— не применяйте «сырых», слабоотработанных приемов, в успешном выполнении которых вы не уверены: шанса исправить ошибку может не представиться;

— предпочитайте короткие и быстрые атаки в наиболее уязвимые места (ноги, пах, шея, глаза);

— если противников несколько, не сосредоточивайте внимание на одном. В этом случае выбирайте приемы, гарантирующие быстрое выведение соперника из строя.

Переходим к технической подготовке, в частности, к некоторым обманным действиям и круговым ударам ногами.

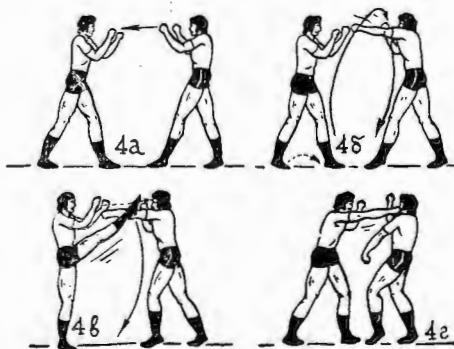
Комбинация № 1. Исходное положение — основная стойка (рис. 1а); 1 — вынести слегка согнутую правую ногу вперед, имитируя прямой удар ногой в корпус (рис. 1б), 2 — после того, как противник опустит руки для защиты, быстро повернуться на опорной ноге влево и, не опуская правую ногу на пол, нанести ею боковой удар в голову (рис. 1в).

Комбинация № 2. Исходное положение — основная стойка (рис. 2а); 1 — поворачиваясь на опорной левой ноге влево, поднять согнутую правую ногу, как для бокового удара в голову (рис. 2б), 2 — после того, как противник поднимет руки для защиты, не опуская правую ногу на пол, быстро нанести ею прямой удар в корпус (рис. 2в).

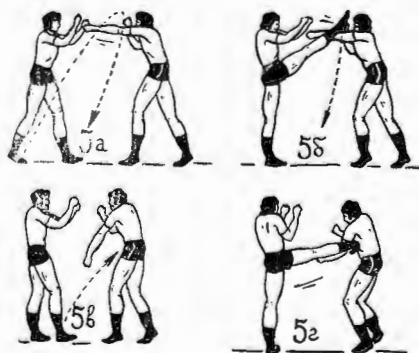
Комбинация № 3. Исходное положение — основная стойка (рис. 3а); 1 — правой ногой нанести противнику боковой удар в левое бедро или симитировать его (рис. 3б), 2 — после того, как противник опустит руки для защиты, не опуская атакующую ногу на пол, нанести боковой удар в голову (рис. 3в).

Теперь — круговые удары ногами. Отличительная особенность этих ударов — большая амплитуда и высокая мощь. Они с успехом могут применяться не только на дальней и средней, но и на ближней дистанции и использоваться для подавления защиты противника с целью проведения дальнейшей атаки.

Комбинация № 1: противник атакует прямым ударом левой руки в голову. Исходное положение — основная стойка (рис. 4а); 1 — противник наносит прямой удар левой рукой в голову (рис. 4б), 2 — выполняя подскок на опорной правой ноге, провести круговой удар левой рукой изнутри наружу, направляя его в левое плечо противника (рис. 4в), 3 — опуская левую ногу, перенести на нее тяжесть тела и нанести прямой удар правой рукой в голову (рис. 4г).

Комбинация № 2: противник атакует прямым ударом левой руки в голову. Исходное положение — основная стойка; 1 — противник наносит прямой удар левой рукой в голову (рис. 5а), 2 — нанести круговой удар внутренней стороной правой стопы снаружи-внутри в левое плечо противника (рис. 5б), 3 — опуская ногу, повернуться к противнику полубоком (рис. 5в), 4 — отталкиваясь правой ногой от пола, нанести удар ребром правой стопы в сторону в корпус (рис. 5г).

Рисунки Е. Гладкова.

ОТКРОЙТЕ «МИР ПУТЕШЕСТВИЙ»

На вопросы нашего корреспондента отвечает главный редактор нового журнала Б. МОСКВИН.

— Для людей военных с их напряженной службой хорошим средством разорвать круг будничных забот и тревог, отдохнуть душой и телом является туризм. Что предлагает любителям активного отдыха ваш журнал!

— Как известно, продолжительность жизни человека в нашей стране, к сожалению, примерно на 10 лет меньше, чем в развитых цивилизованных странах. Это вызвано многими причинами. Но одна из них — варварское отношение к своему здоровью самого человека, злоупотребление алкоголем, табаком. Мы будем знакомить читателей с нашими современниками, которые сами создали свое физическое и душевное благополучие. Один из них — М. Котляров, который на 86-м году жизни получил золотую медаль чемпиона Москвы по легкой атлетике. К слову, в его жизни недавно случилось радостное событие — он сыграл свадьбу. Врачи уверяют, что М. Котляров ничуть не опоздал с женитьбой: его биологический возраст приближается лишь к тридцати годам. Сохранить здоровье и молодые силы помогают ему во многом туристские походы, занятия физкультурой.

На страницах журнала сторонники здорового образа жизни, а среди военнослужащих их, надеюсь, большинство, найдут немало и других интересных и полезных публикаций.

— Новый журнал создан ведь не на голлом месте. Как тут насчет преемственности, традиций!

— Журнал «Мир путешествий» преобразован из ежемесячного издания «Турист». Как и прежде, постараемся раскрывать перед читателем все многообразие путешествий: от несложных пеших походов и прогулок по родному краю, включая краеведение, охрану природы и памятников культуры, до экзотических маршрутов с нетрадиционными средствами передвижения и спортивных экспедиций.

— Многие туристы нуждаются в походном снаряжении. Поможет ли им новый журнал!

— В наш век дефицита туристских товаров, мы надеемся, внимание многих привлечет раздел «Техническое творчество туриста», где умельцы, мастера самостоятельного конструирования познакомят читателей с удобными и надежными образцами походного снаряжения.

— Как подписаться на новый журнал!

— Подписку на журнал «Мир путешествий» (в каталоге Союзпечати он обозначен еще под названием «Турист») можно оформить в почтовом отделении связи по месту жительства или у общественных распространителей печати на работе. Наш индекс 70980, цена одного экземпляра 2 руб. 20 коп. Подписка на полгода — 13 руб. 20 коп.

Наш журнал — это окно в мир путешествий. Откройте его — и вы убедитесь, как многообразен и заманчив этот мир!

ПРИРОДА И МЫ

МАШЕНЬКА И ДЖОН

В северных суровых местах обитатели окрестных лесов нередко находят уют... у воинов внутренних войск. Зимой, например, в одном из подразделений части, где служит офицер В. Возжеников, долгое время проживала... медведица. Ее, крохотную и обессиленную, нашли как-то в тайге солдаты во время воскресных лыжных соревнований.

Машенька, так назвали малышку, освоилась в казарме, со всеми сдружилась и с удовольствием принимала разные угощения. Вместе со старшиной провозжала солдат на боевую службу и встречала их обратно. Но с территории подразделения — ни-ни. И только когда пришла весна, медведица покинула своих спасителей.

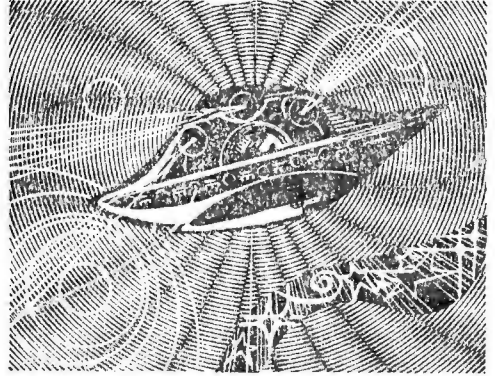
А прошлой осенью на пост к часовому рядовому Субхону Мусоеву (это уже в другой части) вдруг прилетел и уселся прямо на ствол автомата... сокол. Взяв птицу в руки, солдат увидел, что у нее изранены оба крылышка. Вечером сокол был «зачислен» в штаты подразделения, став любимцем ротной публики.

Место, которое ему особенно понравилось, — кухня, а самым приятным занятием для себя он избрал фотографирование с солдатами и сержантами. На вечерней поверке отзывается только на имя Джон — на другие приятельские обращения не реагирует. Ежедневно совершает короткие прогулки по военному городку, но каждый раз самостоятельно возвращается назад. Не собирается улетать? Или ждет теплой поры?..

В. НИКИТОВИЧ.

НЛО:

ЗАГАДКА XX ВЕКА

Кандидат технических наук В. АЖАЖА в молодости учился в высшем военно-морском училище, затем бороздил мировой океан на подводной лодке. Впоследствии целиком посвятил себя научно-исследовательской деятельности. Последние полтора десятка лет увлеченно занимается изучением неопознанных летающих объектов. Владимир Георгиевич — директор «Союзуфоцентра», участник последнего крупного международного симпозиума уфологов в Японии.

Предлагаем вашему вниманию ответы ученого на вопросы нашего нештатного корреспондента подполковника А. Дрогнева.

— Средства массовой информации то и дело сообщают о появлении в различных районах нашей страны летающих тарелок, о якобы состоявшихся кантантах людей с инопланетянами. В какой мере всему этому можно верить?

— Собственное бессилие в толковании непонятого нельзя оправдать прямым отрицанием того или иного явления. Такой подход абсолютно ненаучен. Скажем, Шкловский выдвигает теорию уникальности человеческого разума во Вселенной. Думаю, подобная безапелляционность неприемлема.

С нашей точки зрения, утверждать, что НЛО и инопланетяне — выдумка, значит, трактовать уфологию как нулевой класс. А ведь этой области знаний занимаются десятки институтов в различных странах, сотни серьезных исследователей с мировым именем. Ими накоплена масса фактического материала. Только в США за последние двадцать лет зафиксировано более четырех тысяч посадок НЛО.

— Расскажите, пожалуйста, о наиболее типичных случаях контактов землян с пришельцами.

— Как правило, перед встречей с НЛО люди испытывают в душе необычное ощущение, что предстоит какое-то приключение. Мы классифицируем это как предчувствие. Пример — широко описанный двукратный контакт инженера Малышева. Если 21 июня 1975 года он проснулся, переполненный предчувствием — с ним произойдет что-то неизвестное, то 18 марта 1979 года это человек, пробудившись внезапно ото сна, уже был уверен в том, что предстоит встреча с пришельцами. Он тут же поспешил на место, где четыре года назад состоялся первый контакт. Но встреча произошла на половине дороги. Малы-

шев увидел движущийся навстречу ему огненный шар. Инженер был убежден: шар, как и в первом случае, обратится в подобие человеческой фигуры. Так и случилось.

Другой эпизод. 13 декабря 1982 года корреспондент ТАСС сообщил из Японии: «66-летняя жительница Хиросимы утверждает, что она установила связь с инопланетянами. Трижды, не менее чем за два месяца она предсказывала появление над городом НЛО, и трижды ее прогнозы сбывались».

А вот сравнительно свежий факт. В начале декабря позапрошлого года на симпозиуме в Москве болгарская пророчица Манара Пенчеца предсказала появление НЛО 25 января 1990 года над кольцевой дорогой в районе Сходни. Многие жители этого микрорайона стали свидетелями пролета в небе предмета, напоминающего перевернутый лифт с вертикальными и горизонтальными огнями по корпусу.

— Рассказанное вами похоже на мистику. А отмечены ли случаи прямого воздействия НЛО на состояние здоровья людей?

— Да, и неоднократно. В частности, нарушение сна, появление предчувствия тревоги при приближении НЛО. Для примера сошлюсь на свою публикацию в «Неделе» № 18 за 1977 год «Круги в океане».

Советское экспедиционное судно «Владимир Воробьев» находилось в Бенгальском заливе. Когда ученые и экипаж корабля отправились спать, бодрствовали лишь вахтенный штурман Петренко и сигнальщик-наблюдатель. После 22 часов сигнальщик вдруг спускается к заполнявшему вахтенный журнал штурману и, приложив палец к губам, приглашает выйти на палубу. От увиденного Петренко обомлел. Корабль находился точно в центре концентрических окружностей диаметром

120—150 метров. Напрашивалось сравнение: под водой некий гигантский курильщик выпускает светящиеся кольца.

Включенный эхолот показал: на глубине двадцати метров под килем находится мощный отражатель ультразвуковой энергии. В это время на палубу начали выбираться из кают матросы и научные сотрудники, хотя никто и не думал их будить. После выяснилось — все проснулись, испытывая внезапное состояние тревоги.

В какой-то момент поверхность океана в очерченной светом окружности начала вибрировать, и в такт вибрации люди стали явственно дрожать. Затем окружность (подобное, кстати, происходило и перед появлением НЛО над Петрозаводском) разделилась на восемь равных секторов с радиусами, которые плавно загнулись и стали вращаться против часовой стрелки. Наконец, свечение угасло.

Таким образом, перед появлением НЛО нередко нарушения сна у людей, нарастающие чувства тревоги.

— А известны ли трагические последствия контактов людей с НЛО?

— Безусловно. То, о чем я говорил, — предвоздействие. Гораздо опаснее прямое психофизическое воздействие НЛО, проявляющееся в так называемом временном параличе.

Вот что пишет, к примеру, инженер Миронов, проживающий под Тулой: «Возвращался вечером домой со станции пригородного поезда. Вдруг вижу: в небе появился огненный блин. Пытаюсь посмотреть на часы, а левая рука не поднимается. Пальцы же правой разжались сами собой, и дипломат выпал на землю. Как только этот объект улетел, ко мне вернулась способность двигаться. И одновременно прошел страх, жуткий животный страх...»

Благополучным исходом подобные встречи заканчиваются, к сожалению, далеко не всегда. Так, в районе Астрахани двое рыбаков отравились на дальнюю протоку. Тишина, безоблачный день, яркое солнце в зените. Внезапно зашелестели листья позади их лодки. Тот, что сидел на носу, крикнул товарищу: «Не оборачивайся!», но тщетно: любопытство у напарника оказалось сильнее, он повернул голову. В итоге оба подверглись воздействию НЛО, получили тяжелые поражения затылочных и лобных костей. Механизм травмы врачи так и не смогли установить.

— Описано немало случаев, когда люди в процессе контактов с пришельцами посещали их летательные аппараты. Почему столь разноречивы описания очевидцами гуманоидов?

— Я бы поостерегся их называть так. Пока доподлинно не известно, кто они или что, как влияют на наши органы чувств. Проиллюстрирую это примером контакта А. Малышева с пассажирами НЛО.

В погожий летний день 1975 года он отправился на заранее облюбованную поляну писать этюды. Внезапно почувствовал

сзади, будто что-то кольнуло. Обернулся и увидел, как планирует летающая тарелка диаметром 9—12 метров.

После приземления из нее вышли три человекоподобные фигуры, направились к Анатолию Николаевичу. Посередине явно шла женщина ростом 160—170 см, по бокам два парня. Они приблизились, и женщина положила руку на плечо художнику. Он сразу почувствовал себя нужным этим «людям». С ними он попал в НЛО. С этого момента у него наступила поначалу частичная, а затем и полная блокада памяти.

Медики спохватились слишком поздно. Насколько мне известно, сейчас Анатолий Николаевич пребывает в состоянии тяжелого психического расстройства с полной потерей памяти.

— Теорий происхождения НЛО немало. Какая, на ваш взгляд, заслуживает наибольшего внимания?

— Я склоняюсь к наличию параллельно с нами еще одного мира, который исподволь воздействует на развитие человеческого мозга посредством некоей силы, неизвестного разума. По-видимому, этот высший разум не собирается реализовывать свое технологическое преимущество против нас, чем усиленно пугают людей в последнее время. А отсутствие прочных, постоянных контактов в примитивном понятии «розетка — вилка» объясняется, скорее всего, принципиально отличной от нашей белково-нуклеиновой организацией существования.

Если следовать этой теории, летающая тарелка нечто защитное, что позволяет высшему разуму прилетать и улетать от нас вне зависимости от нашего желания. Думаю, никогда высший разум не станет согласовывать свои поступки с разумом низшим. Остается довольствоваться мыслью, что мы сосуществуем на одной «жилищадке» с соседом могущественным, но доброжелательным.

— А на помощь пришельцев мы можем надеяться?

— Отвечу фразой Гегеля: «Чистый, не знающий пределов разум, есть само божество». Любое угнетение равноценно смерти, нейтральность представляется лучшим благом. Поэтому человечеству целесообразно надеяться только на себя.

В заключение приглашаю всех желающих приобщиться к проблеме НЛО, расширить свой естественно-технический кругозор и помочь в разгадке тайны века в школу по нетрадиционным направлениям науки и техники «Оазис», на факультет уфологии. Занятия у нас проводятся опытными специалистами-учеными в течение двух с половиной месяцев с последующей выдачей свидетельства об окончании. Стоимость курса обучения 45 рублей. Предусмотрена продажа абонементов и на разовое посещение лекций. Ждем энтузиастов по адресу: Москва, Ленинградское шоссе, 18, институт «Стальпроект». Справки по телефону: 924-17-19 с 14 до 18 часов ежедневно.

304

ПРЯНИКОМ И... ХЛЫСТОМ

Никак нельзя обойти на наших занятиях вниманием и такой важный (не только для служебных собак) прием общедисциплинарного цикла дрессировки, как выработка отношения животного к найденному корму или предлагаемому чужим человеком.

Самый эффективный вариант его освоения связан с использованием специального ошейника, способного по радиосигналу наносить животному достаточно сильный удар в область шеи. Однако учтите: электроудар целесообразен лишь в том случае, когда собака пытается взять с земли корм, не брошенный ей явно, на ее глазах проходим, а случайно найденный. Иначе у нее может выработаться стойкая боязнь любого постороннего человека, предлагающего ей пищу. А это крайне нежелательно.

Предвижу скептические реплики читателей: дескать, где же это у нас продаются спецшейники? Действительно, с его приобретением могут возникнуть сложности, и потому предлагаем альтернативный вариант — воспользуйтесь обыкновенным индуктором. Заранее проложите в земле телефонный кабель. В нескольких местах выведите на поверхность его оголенные концы длиной около десяти сантиметров и замаскируйте их, прикрепив к ним небольшие кусочки мяса. Подключите индуктор и предоставьте собаке на этом участке полную свободу действий. Конечно, не упуская ее ни на минуту

из поля зрения. Как только ваш подопечный приблизится к мясу — крутите ручку индуктора. Собака должна получить электроудар, едва прикоснувшись к мясу, а не после того, как оно окажется у нее в пасти, — это существенно. Упражнение повторяйте до тех пор, пока она не откажется от попыток поднимать с земли пищу.

Для караульных собак, используемых на блок-постах, индуктор можно подключить прямо к тросу (проволоке), по которой передвигается цепь. При этом от соединительного кольца на шлейке, к которому крепится цепь, на тело собаки должны быть выведены электроконтакты.

Как должен действовать помощник, играющий роль постороннего человека, предлагающего корм собаке? При попытке собаки взять лакомство, он наносит ей удар, увы, хлыстом, вызывая проявление активнo-оборонительной реакции. Понятно, что при этом электроудар не применяется. Что-то одно: хлыст или ток. Жалко, конечно, но одним пряником не обойтись.

Теперь о приучении к преодолению препятствий. Итак, барьер. Прыжки через него преследуют не только служебные цели, это и гимнастические упражнения. Отсюда — необходимость в предъявлении собаке усложненных требований по характеру прыжков. Первое ее знакомство с прыжком — преодоление вместе с хо-

зином небольших канавок и изгородей во время прогулок. Основное и наиболее удобное для обучения препятствие представляет собой деревянный забор из выемных горизонтальных досок, что позволяет устанавливать нужную высоту барьера.

Для начала, двигаясь с собакой на поводке, перешагните препятствие высотой 30—40 см. Причем, занося ногу над барьером, подавайте команду «вперед». Количество досок постепенно увеличивайте, памятуя о том, что барьер не должен располагаться на очень твердой почве.

Упражняясь таким образом, вы вскоре дойдете до такой высоты препятствия, когда перешагнуть его станет затруднительно. К этому времени у собаки должна возникнуть связь между командой «вперед» и прыжком. Тогда, подведя ее в очередной раз к уже достаточно высокому барьеру, вы подаете команду и делаете вид, что собираетесь прыгнуть, но препятствие не преодолеваете. Собака же по инерции возьмет барьер.

Безусловно, всему есть свой предел. Наступит и такой момент, когда собака откажется прыгать. Проанализируйте причину ее «забастовки»: то ли ваш ученик просто устал, то ли ему нездоровится. Тогда не следует настаивать на своем. Но если отказ — следствие упорства собаки, его нужно сломить. Как? Будем считать, что в результате предыдущих занятий собака достаточно освоила прием «сидеть». Посадите ее перед барьером не слишком близко, перекиньте поводок через препятствие и зайдите за него. Подайте команду «вперед». Попытки собаки обежать барьер пресекайте поводком, конец которого держите в руке. В крайнем случае можно пойти на компромисс — снизить высоту барьера. Хлыст здесь недопустим.

Полковник В. СЕВОДНЯЕВ,
начальник службы собак
Главного управления
командующего
внутренними войсками.

398

ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ

«Слово—полководец человечьей мысли». Чьи слова?

«Может быть, в других местах и не так, но в нашем городе самые порядочные, самые благородные и воспитанные люди—

это военные». В какой пьесе А. Чехова звучат эти слова?

Каким языком советовал говорить с неприятелем Карл V? Кто из русских ученых вспоминал об этом?

Назовите художественные произведения на военную тематику, в названиях которых есть числа.

ШИФРОГРАММА

П	Р	Я	К	У	М	О	Е	Л	С	Л	С	О	В	О	М	О	,			
Т	К	Ы	А	Ж	Е	З	А	А	В	П	Ф	О	У	М	Р	Е	Н	О	И	
	А	Ф	У	А	Э	Л	Т	М	О	О		Е	,	В	С	Л	Е	Я	Г	
Д	Р	А	М	Д		Я	П	Б	Р	Л	Я	Р	М	Р	А	О	Е	Г	Л	О
	Т	Р	О	Е	Б	Р	У	А	Е	Т		А	О	Т	В	Е	Т	Т	А	

В данном прямоугольнике зашифрована народная мудрость. Ключом к ее прочтению служит ответ на загадку:

Могучее оружие

Можно им в беде помочь
Или отогнать всех прочь.
Можно им вселить надежду,
Наделить умом невежду,
Ввергнуть мир

в пучину войн,

Вечный обрести покой.
Оно бывает веским, злым,

Смешным, заветным
и пустым.
И будет длиться его век,
Пока живет на свете
человек.

Отгадку надо вписать в данный прямоугольник во всю длину и высоту, толщина каждой буквы — одна клетка. Расположив правильно буквы отгадки, во внутренней части букв прочтете (слева направо) пословицу.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 4—91 Г.

По горизонтали: 5. Отделение. 8. Бушприт. 9. Монитор. 12. Аэростат. 14. Командир. 15. Луков. 16. Рокош. 17. Ванин. 18. Внуково. 19. Таран. 21. Остап. 23. Скотт. 25. Отставка. 27. Ареометр. 29. Биатлон. 30. Яблонец. 31. Сцепление.

По вертикали: 1. Корпус. 2. Адмирал. 3. Антонов. 4. Резина. 6. Кубрик. 7. Кордон. 10. Багратион. 11. Транспорт. 13. Тужурка. 14. Когорта. 20. Россия. 22. Тренер. 23. Скрепец. 24. Трибуна. 26. Артист. 28. Олонец.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 6—91 Г.

По горизонтали: 7. Широкий. 8. Чекалин. 11. Чаковский. 12. Голованов. 14. Порик. 15. Ковалев. 16. Титов. 19. Сохор. 20. Бек. 21. Рация. 24. Порох. 25. Таран. 29. Белов. 30. Мир. 31. Лафет. 36. Набег. 37. Масалов. 38. Серов. 41. Кавалерия. 42. Котовский. 43. Левитан. 44. Дивизия.

По вертикали: 1. Симаков. 2. Ворошилов. 3. Минск. 4. Герой. 5. Талалихин. 6. Симонов. 9. Киров. 10. Кочет. 13. Гашек. 17. Коробов. 18. Барабан. 22. Юон. 23. Гай. 26. Верещагин. 27. Сиваш. 28. Мещерский. 32. Карасев. 33. Савич. 34. Дозор. 35. Томили. 39. Пенал. 40. Котин.

ЗАПОЛНИТЕ ПРОПУЩЕННЫЕ БУКВЫ

Т—м п—дх—л—м—р—жд—
—тс—, гд— в н—х н—жд—
—тс—.

Чтобы прочесть заключенную здесь поговорку, надо правильно поставить ударение в следующих словах: аналог, гастрономия, анатом, дискант, выгиб, изогнутый, глаженье, коклюшки, ворожея, вероисповедание, жалюзи, досуг, абрис, коклюш, тягло. Ударными гласными заполните пропуски.

ШУТОЧНЫЕ ЗАГАДКИ И ВОПРОСЫ

В каком слове сорок гласных? А в каком всего семь?

За какую букву надо спрятать другую букву, чтобы получился одновременный выстрел из многих огнестрельных орудий?

Какое оружие является далеким предком копейки?

ЧАСТНОСТИ...

(Монолог рядового Иванова на комсомольском собрании)

НЕ О ТОМ вы, товарищи, говорите, не о том! Частности мешают вам видеть действительно большие проблемы.

Первая из них — экология. Вот есть журавль такой — стерх. В Красную книгу, между прочим, занесен. А кто из нас хоть пальцем пошевелил, чтоб эта птица не вымирала? Дальше — Арал. Хотелось бы здесь услышать суждения о том, поворачивать ли сюда сезерные реки или нет. А что, товарищи, с амазонскими лесами происходит, с гибелью серых китов, с развитием железнодорожного транспорта в Новой Гвинее? Почему не слышно тревожных слов о загрязнении мирового океана и росте озоновой дыры?

Не все у нас благополучно и в области социальной политики как в мировом, так

и в государственном масштабе. В ЮАР беспорядки, резервации для индейцев еще сохраняются, у нас общественный транспорт плохо работает.

И я спрашиваю: где же ваша позиция по всем этим проблемам? Где обеспокоенность? Где чувство ответственности за все происходящее в мире?

Вот о чем надо говорить. А то заладили: Иванов нарушитель, Иванов грубиян, Иванов из увальнения опоздал, роту позорит... Частности все это!

Майор В. КОРКОДЫМ.

ПОРАБОТАЙТЕ в командировке скрупулезно, — напутствовал командир части начальника инженерной службы майора Перегибова перед отъездом последнего в отдаленную роту. — Выявите недостатки, а главное — помогите их устранить.

И вот Перегибов сидит в канцелярии роты, держит в руках малую пехотную лопату и распечатывает стоящего перед ним капитана Хитровенко.

ТРЕТИЙ НЕ ЛИШНИЙ

Олегу Дмитриеву,
Николаю Дмитриеву,
поэтам

Колдую все над строчкою
насущной,
Над рифмой бьюсь —
началом всех начал.
Я — молодой!
Поскольку
Но, правда, не цветущий,
возраст сильно подкачал.

На все лимит.

К Парнасу не пробиться —
В сто лет один положен
корифей.

А их — уж два,
моих однофамильца,
Два претендента
на один портфель.

А если впрямь расщедрилось
столетье:
Где два — там три, —
да это ли беда?!

Товарищи,
примите меня третьим, —
Ведь, если что,
я сбегаю всегда.

Петр ДМИТРИЕВ,
прапорщик в отставке,
г. Дмитров Московской обл.

— Разве можно так работать, товарищ капитан? У вас столько недоработок, что пришлось прямо-таки дело заводить. Только на эту вот лопату мной столько бумаги исписано...

Майор раскрывает лежавшую перед ним папку, смотрит то на исписанные листки, то на лопату:

— Черенок шатается. Чуть-чуть, но шатается, и не спорьте по этому поводу. Это пункт первый. Пункт второй — угол заточки. Я считаю, что угол заточки не соответствует тому углу, который должен быть.

— А какой должен быть? — уныло спрашивает ротный.

— А должен быть соответствующий, — говорит Перегибов и листает страницы папки. — Далее, зазубринка. У правого края наблюдается зазубринка в форме полукруга...

В такой манере проходит вся беседа, длящаяся целый час. Наконец майор Перегибов закрывает папку:

— Итого, как вы убедились, товарищ капитан, в лопате выявлено недостатков по двадцати пунктам. И я просто ума не приложу, как вы можете быстро их устранить и чем я в этом могу вам помочь.

— Да это раз плюнуть, товарищ майор. Разрешите?

Командир роты берет лопату, выходит с ней из помещения, и за остальными событиями Перегибов наблюдает уже из окна. Вот ротный подошел к забору, размахнулся и... Лопата летит в овраг, поросший бурьяном.

— Все, — радостно говорит Хитровенко, — нету двадцати пунктов недостатков. Остался один: отсутствие лопаты. Пойдемте ее искать, товарищ майор. Найдем, и вы доложите командиру части, что оказали роте практическую помощь!

Майор М. ГРИНЮК.

ПРО БАРАНА

(Басня)

Жил-был Баран. Гордился он
Породою и шерстью шелковистой.
Ходил повсюду важно, как барон,
К тому же слыл ужасным моралистом
Частенько, морща нос, ворчал Баран
И подбивал, как мог, на бунт скотину:
Мол, лаем не дает житья Полкан,
К тому же очень дурно пахнет псиной.
Соседей-то с ним — мука и позор.
А ко всему он и следит за нами.
«Прогнать Полкана — требует весь двор
— Кого бояться с нашими рогами?!»
И вот прогнали со двора Полкана.
А ночью волки скушали Барана.

Майор В. САЛОМАТИН.

Мелкие ДРЕБЕЗГИ

(Вс нам писали)

И Дорошевич, и Степанов были ранены практически в одно и то же плечо.

Врач руками начал проверять состояние моего тела.

Корешков решительно, сначала отрицательно, а потом положительно, чтобы поняли правильно, замотал головой.

Шел он ногами вперед, мыслями — назад.

Я стукнул ведро капроновое об пол, она этим ведром кинула мне в голову, и в результате у нее — синяк под глазом, а у меня шишка и потеря зрения в первые минуты.

Ему вдруг стало внутренне противно за свои мысли, что-то другое стало пробиваться в нем.

ВЕСЕЛЫЙ КАРАНДАШ

— Если после ревизии не угостят заливным поросенком, подложу им свинок...

Рис. В. ТАМАЕВА.

Уважаемые участники клуба знакомств!

По просьбе читателей напоминаем порядок нашей работы. Каждый, кто хочет поместить свое объявление на страничке клуба, должен перевести по почте 10 рублей (военнослужащие срочной службы — 5 рублей) по адресу: 111250, Москва, Калининское отделение Промстройбанка, расчетный счет № 340616, МФО-201207. Квитанцию об уплате приложите к вашему письму-объявлению в редакцию. Если же вы хотите получить адрес заинтересовавшего вас абонента, таким же образом пересылайте нам 5 рублей за один адрес [военнослужащие срочной службы — 3 рубля]. Подчеркиваем, что личные письма клуб не пересылает — только адреса! А переписку вы будете вести сами.

000025 — Е. О.

Хотелось бы познакомиться с офицером. И не только, чтобы стать «офицершей», а главным образом потому, что среди мужчин в военной форме, по моему мнению, больше рыцарей. Может, мундир обязывает, а может, дисциплины, мужества побольше. Только, думается, такой не предаст, не обидит. О себе: 1961 г. р., сыну 11 лет, рост 162, к полноте не склонна. К трудностям моя семья привычна, корыстных целей не имею.

Елена.

000028 — Г. Т.

Стану верной и заботливой женой военнослужащему 23—36 лет (вдовцу или разведенному), который сможет заменить мне мужа, а моему сыну — отца. Мне 23, рост 164, была женой военнослужащего, но случилась беда, я потеряла любимого, а годовалый сын растет без папы. Может, найдется человек, которому мы будем нужны? Это единственная надежда.

Галина.

000030 — А. С.

Надеюсь на счастливую встречу с добрым и симпатичным человеком, военным, обладающим чувством юмора, который хочет иметь нежного, преданного друга, готового разделить с ним все невзгоды и тревоги военной жизни. Мне 19 лет, рост 170, светленькая, с се-

рыми глазами. Остальные вопросы и ответы — при переписке.

Алина.

000031 — Т. У.

А вдруг именно ваш журнал поможет мне найти новых знакомых, друзей, один из которых станет для меня самым дорогим?! Я верю, что среди военнослужащих есть хорошие, добрые ребята, для которых честь не пустой звук, а идеал на всю жизнь. Я хочу быть счастливой — любить и быть любимой. Мне 22 года, рост 164, блондинка, глаза серые.

Татьяна.

000032 — О. В.

Мы сестры — Вера и Оля. Нам очень хотелось бы познакомиться с юношами-военнослужащими: сейчас в наше время так трудно найти человека, который бы смог помочь в трудную минуту, был верным другом. И мы считаем, что парни, прошедшие армейскую закалку, именно такие. Но не подумайте, что мы тихони, знакомых у нас много, да надежных-то нет. Живем в северном городе, где все говорят на «о», но мы не коренные его жители: сначала здесь учились, потом решили остаться — понравилось. Оле — 20 лет, Вере — 18, а хотелось бы завязать переписку с теми, кто постарше нас.

Оля и Вера.

000033 — А. К.

Мне что-то не верится, что по письму можно найти спутника жизни, а вот что можно найти друзей — в это верю! Такая постановка вопроса мне больше нравится. О себе: 19 лет, сейчас учусь. Люблю читать, очень хотелось бы научиться фотографировать — есть люди с такими же интересами? Да, еще одно — сама я из села, сообщаю это, потому что некоторые относятся к нам с пренебрежением. Ну, таких людей в друзья не беру.

Алла.

000037 — Н. К.

Если это возможно, поможете познакомиться с хорошим человеком, добрым, искренним, компанейским, в общем, обычным. Мне 19 лет, рост 168, волосы русые. Работаю в больнице фельдшером-лаборантом. Увлекаюсь фотографией, много читаю, поклонница Владимира Высоцкого. Люблю природу — бродить по лесу — это здорово! Как видите, я тоже обыкновенная. Жду.

Наташа.

000050 — Л. Ч.

Симпатичная молодая женщина, русская (27 лет, 168 см) надеется на встречу с надежным и добрым другом — мужчиной, который смог бы стать отцом ее дочери (2 года). Жильем обеспечена.

Лариса.

НАДЕЖНУЮ ОХРАНУ ПОМЕЩЕНИЙ ОБЕСПЕЧИТ СИСТЕМА

„ОНАР-200“

Систему “ОНАР-200” вам предлагает приобрести Йошкар-Олинский завод при Опытно-конструкторском бюро приборов контроля и автоматики.

Система обеспечивает контроль состояния серийно выпускаемых промышленностью датчиков типа “ДУЗ”, “ГЕРМЕС”, “РОМБ”, “ЦЕРБЕР” и т.п., работающих на размыкание исполнительных контактов и соединительных линий.

В состав аппаратуры входят: пульт оператора, блоки счетчиков, мнемосхема, блок управления счетчиками и мнемосхемой, устройства согласования. Аппаратура может быть изготовлена на 48, 96, 144, 192 канала.

По согласованию с заказчиком может дополнительно поставаться блок питания для включения аппаратуры в сеть 220В 50Гц.

424000, г. Йошкар-Ола,
ул. Строителей, 94, ОКБА.
Телетайп: 220280 МЕЗОН
Факс: 5-46-03
Телефоны: 3-22-71, 3-22-51

„ОНАР-200“

Заводу нужны:
машинисты мостовых кранов,
электромонтеры,
резчики металла,
экспедиторы,
зуборезчики, слесари по ремонту оборудования,
электросварщики труб,
работники строительных специальностей.

Адрес:
121087, МОСКВА,
УЛ. БАРКЛАЯ, 6.

СПЕШИТЕ! **МОСКОВСКИЙ** **ТРУБНЫЙ ЗАВОД** **приглашает**

СПРАВКИ ПО ТЕЛ.:
148-66-00,
ОТДЕЛ КАДРОВ.

Предприятие специализируется на производстве электросварных, холоднодеформированных и профильных высококачественных труб из углеродистых и высоколегированных марок сталей.

Завод имеет пансионаты в Крыму и Закарпатье, детский сад, дио-нерский лагерь. Органи-зуются туристические поездки по СССР и за границу. Желающие мо-гут приобрести автомо-били.

